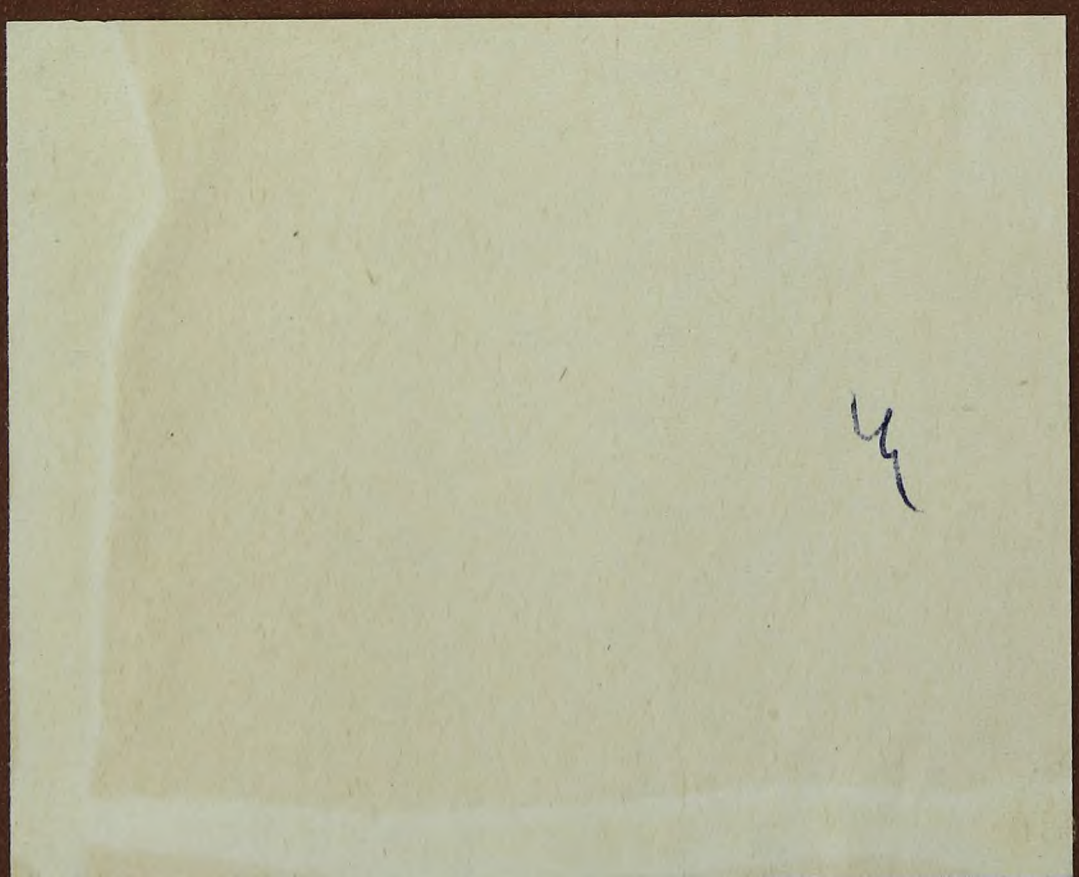
К84(2Рос=Хат)64
А 37

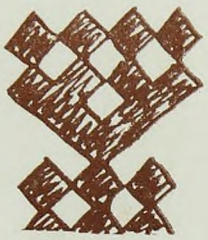
ЕРЕМЕЙ АЙПИН

В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА



НА ХАНТЫЙСКОМ
И РУССКОМ
ЯЗЫКАХ

Еремей Айпин



ИНЭЛ ЛЫХЭЛ САЙНЫ

Свердловск воц
Средне-Уральский книга варты издательство
1981 ол

Еремей Айпин

В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА

002623 кр

Ханты-[illegible]
окружная библиотека
Тюменской области

Краеведческий
ФОНД

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1981

84(2Рос=Хат)6-4
С (Хат)
А36

Для среднего школьного возраста

Перевод автора

Айпин Е. Д.

А36 В тени старого кедра. Рассказы на хантыйском и русском языках. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1981.— 96 с. с ил.

Сборник рассказов на хантыйском и русском языках молодого хантыйского писателя, знакомого читателю по предыдущей книге «В ожидании первого снега», изданной в Свердловске в 1979 году.

Воспитание характера через общение с природой, через традиции своего народа — одна из центральных тем сборника.

А $\frac{70803-079}{М158(03)-81}$ 4803010000 С (Сиб)

© Средне-Уральское книжное издательство, 1981

Дорогой читатель!

Эта книга поведет тебя по таежным тропам хантыйского охотника с необычным именем — Стреляющий Глухарей. Ты проплывешь по реке Вонтъёгану на его облясе. Послушаешь, о чем рассказывает его костер в тени старого кедра. Почувствуешь хвойное дыхание его тайги.

Ты познакомишься с сыном Стреляющего Глухарей, которого он научил понимать язык людей тайги,— Деревьев — Трав, Зверей — Птиц, Рек — Озер.

Пройдешь по тропам его внука Микуля.

На страницах этой книги ждут тебя маленькие медвежата и лосиха с лосенком, вестники весны — журавли и старый мудрый медведь.

И если ты будешь особенно внимательно слушать героев этой книги — тогда, может быть, ты сумеешь постигнуть язык тайги. Все это зависит только от тебя, дорогой читатель!

Ламт
Ламт
Ламт
Лунг котыт; тулях котыт
Нёрым
Куип лор
Ехли ингкип лор
Лунг котыт
тулях котыт
Ахэн
Минэл ран
Тулых лявэл
Вонт
Инэл вонтъявын
Нёрым
Вонт
ухыр вон тыт
Ахэн

МА ВОИХ-КУЛ КИНЦЫ
ДАНИИЛ РОМАНОВИЧ
АЧЕМА

Олынгмит палык

Лук Лякты ики Лэкиты

Олынгмит ох

ВОНТ ЯВЫН ТУЙНАМ

— Муват Лук Лякты Икехи ма четчечем туи? — Микуль ачил пырипых.

— Лув оял им вул,— ястых ачил, Вонт явын аръялтал сахет.— Лук паны па воих-кул имат валты вар туй. Цопынгпи пупи. Чу вар пытан Сардаков яхны Пупи Валты Икехи намты. Ай невремытны чут чу «пупи» цомы тойта энта мустыл. Ма номыксылым, самты чулат ай мокитны Лук Лякты Икехи туи. Чены сахет атым намыл. Ницы айны олынг валмал воих лук вул. Чу нопытны топ явыллнел алымты кима илыт — панынпи воих лэки мынлыт.

— Муват Икехи туи? Пырисхи ихилых?

— Икехи энта топ пырэс ях тойлат. Лув тухлынг-курынг воих, юх-пом, нялым цавы тунгымтых. Ар вар вуй. Чулат намылнат энта туи. А намыл Роман-ики вул. Лув яхкинглата им номыс-кол кий.

— Мув вар пытан яхны имат туи?

— Лув яхнам им номыснат вул, яхнам тарым вул. Чу нопытны волты вар лахэрэлта мын. Мыта ко атыма-има юхитл — четчече имат варыл сор вул. Имат нявил копыкки туйтых. Кацынг ко пыхиртыты вар туй... Лув тухтыл имат инэл вул. Ар ко пумылтыхэл.

ИНЭЛ ЛЫХЭЛ САЙНЫ

Най им суили туй. Ики тухэт пумнам умыс паны най колыт-яснгыт колынтых. Най нявым. Лув нявым тэм Вонт иллы, тэм явын паны нермыт иллы. Найны луваты варынты, кулны номыксыл аны инэл лыхэллынгки — най кары кучинга юхтым паны алы мыта найнам пумылтыхилты. Пумылтых нухлал-сомлал, котлал-курлал. Най ангки луваты варынтых валь юхкин номыс. Лынаты кеврымхи их — улынг найны энта куцехин. Най лынаты энта юхитл, ос нок энта улты кунты, номлымтых Ики.

Чи валь юхкиннам лэйлтал сахет, олынг улым ныил номлахтых. Чулатны ины воих кинца рангипых. Ийчены сахет най кучингны шай еньмин умыс. Паны ай суилы кунтыхлых. Тыт самыл ай тохирсы мока кой. Найны тыхнам-тахнам талылты. Нухлал-сомлал куцца варат. Алы мыта лилынгки иты, кеврым юхитлых тахи кинцлыт. Туйнахи тухирлал архинам пулэкинтыт. Сам ингк курасив лахирт онгксам пусым. Чит пырны тохирсы мок алы нок сорекинтых. Тухэт унтны пант. Инам найсульхи торым вахнам мын. Юх вул — юх энтэм. Алы сор марыя — номлымтых. Тохирсы мок най ревки их. Алы понта кунты — чу ий тохирсы мок чут мувылы?! Мувылэнгки мосл? Но... тохирсы энтэм, а найны лывэм суил кулха волт. Ницы, коны ная лыпты. Вар энта най охтыны, а тухэт улым ко охтыны?..

Ит най нявым: сарны кулха ар юмлых-вотлых сувэс катл. Най алы мыта кантых колнат нявым, а Ики колынтых. Най колым нялымнат лыви. Колым — ои вуты нялмыт.

Най луват пумылтых. Пум котхэл кухет мын. Ар соип талилым, ар колып выим, ар явыл-мыталы омтыхим, ар пун явынгк варым, ар луп паны сох юх катлыхлым котхэн. Им най пум мари ундыр пумынгки тоял.

Кары най явын том палык пыхты вонт, явын, тэм палык нерым, инам ваннахи юхит-помыт, явныт-лорыт паны кантых яхкин — их паны пох — пумылтых. Кары най кацинг илын волты от, илын волты ко пумылтыл.

Най нок мосты вар вармин вул. Лув шай пут нок кеврымтых, а пырны, ихсаккиннат алы мыта шай иньч. Тэхи лыхэл паны кол тухир, унцых онгк, пичар паны валь юх, най мулэм пан питым сувэс пой-сувмытыт лыптыт апыл силмахтых.

Най нявым айлыхмалт, топ колты кимны. Ики суйлых умыс. Похэл ичи. Лув ичи най суйнам колынтых. Номыснат вултых — най мыта яснгыт тоял. Мув яснгыт — чут цопасынгки энта тунгымтытых. Топ курняхлых: най мувылыет мувы нявмыл. Ихэл чит иллы пырилы кунты, ястыл: лэйла, колынта пана номыкса. Кантых коя мустыл кацынг вар

лухнам тунгымтыта. Тэм вонт мых ичи тунгымтыта мустыл. Пох илын вырахтых кацынг вар лувнам варта. Ит, шай еньмин пырны, айпи коил варны ярми. Ики кансахэл цакемат понта рангипых. Пох канса энта талт. Лув лайм вый паны най кары кучингнахи лыхэллингкинам мын. Лув тыт шай варынтым кат воих кинцы яхкин лыхэла цомылтыта ихилых. Палатны воих-кул ях най каратны паны лис-явыл каратны чиминт цомыл кийты вар тойлыт. Лув лыхэла энта юхит — Икины самат вари: ал цомылтэ, цыки пырис юх. Пох ихил лахилта рангипых, кунты лув канса талтал тэрмыл. Лув лаймыт-уцыт ай рыта тух, шай равы юх пурыка эккитымал пырны, шай пут тал ингк най карыха умыт. Вултых, илын най ошат кийта энта мустыл — юх-пом улынг найны панам энты вары. Най махилты лувны мустым сахет лыптыт-помыт илы нолкимтат. И айхи ихим най сангкенг лотны вул. Лув ит номлымтых — ингкнатъя инам най энты кичл.

Тыт Ики кансахэл аслымтых паны нявым:

— Муват най панам вархилэ?

Ма мувы най панам вархилым, номлымтых пох. Сарнам-пырхинам номыс катыхта рангипых — муват энта мустыл... Итъя, номыса юхит, энты кеврым-сорым лунг яци, а юх лыпыт-пом питым сувэс. И ехли, тавын торым, вот энтэм. Ий тухим ингк пырхинам энта тулэ. Лувны най махилтыя ыккиты. Ий ингк сампы ная энты пихт.

— Най имнам панам вартахи энты мустыл,— ястых Лук Лякты Ики, канса рев илы савктал сахет.

Най суй, най яснгыт-колыт, най архит-моньчит, похны ит мустымин кунтыхлат. Олынг латны кары най суй кунтыхлых.

Кимытмит ох

ВОТЭЛ КАРЫНЫ

— Нунг вуилын, кулны меми чирл,— Микуль ачил пырипых.

— Ма топ ийпа вуим. Маки Икии колылэм, алы сечхи-кечхи сама койты вар энта тоял. Ма каныk понцым латны яхимны вуем. Нинг воих, кантых ко сахет, катал нурмин лант охтыя ымыл. Ымылмал пырны, ал охтыя лох моккин умыт паны мосылтыта вархэл. Цанц охтыны нехалтылхэл кантых ко сахет. Нялцыхэл, паны алы мыта авмилтыхэл. Лувнам мув урып мувы суилы варынтыл, алы мыта арэх. Кантых ях ясынгны чит мытты чирл.

— Лув... нунгат вуй?

— Энта. Лув чилатны, мытты, иймыталыпи энта вул паны энта колт. Исъях ясынгны, чи латны ицык тухи нумтых соцлын пан энта курнях-

лыл. Чулат нехалтыта энта мустыл, ири мынта мустыл. Пырны чут нунгат имнам цомы курымны энта каньхэмтыл, атыма энта варл... Невремлал пытан иймытлыипи пырхи энта лельл. Инам цомы ингка, ная, канты коя выхэлт. Воих уц кинцлыны, лох мокт нехалтыта энта мустыл. Олынг латны кой воих пахитлы. Виципи топ кой воих. Лох мокт инам энта нехалтылат.

ЯВЫН УНЦЫ ТАХИНЫ

Сорым лыхлынг еныk кутыпа кулмыхтыккин. Шай еньмин пырны мыта мари умысхин паны олынхин. Топ Ики улып нок куцимтых, похил панынпи вуимты. Имат сари олымнат ул, юхин ийпапи энта нок варыхлыхил. Имат алынг, топ тави катл нок ат, ихилны нок нячилэкки варыхты, мулыхмин их:

— Лэйла!

Лыхлынг еныk ыл оллынгны, явын сый онгнынгны колым пупи кылыпыт: ангки паны кат лох моккин. Ай суилинат ангкины ингка волты палыкнам китхилэхин. Но том яхкин, тухапи, инам кицин энтэм явына выхилта, ир сахет, ир сахет юх почнам курмексылхин. Ангкинны китлэхин, китлэхин, па латны киплыкнат, па латны каталнат нюхтылэхин. Алы мыта пыхты пунынг посхин, тыхнам-тахнам нирымтылэхин. Ангкин ий куил китты мари, комытпи куил куныл. Тухины лаихлыт.

«Читпи мувылы варынтылыт,— номлымтых Дани.— Ентыхлыт выс куты их?»

Лув улыпи ухил кем пултых паны алы тухи айхи их. Чиким ванлта паны чи арет воих ий курымны лув кулха энта вуилых. Чулат лув чиким войхитнам лейлих.

Ангкин ийлатны пытымтых: кыцалта кацэкинтых, ванны волымпи ко копкилта мыцыкат мыи. Лэлхим яккин паны тухи лухимхи ихкин, кантых ко сахет лавкинхин, омыслыхин. Лахиллыхин, мувылы ос ангкин ястыл, мувылы варта партыл.

А ангкин ингка выхил паны пунглэм сый поча пит, алы мыта рыт. Лув суй вар паны лох моккин лув охтыла неврымхин, каталтын кит палыккины аслымтыхкин, ангкина китлхэн, алы мыта валых лав охтыны омысты яхкин. Ымылмин пырны, ангкин тум явын палыкнам нерхимых. Топ яхкин ай нялким суили сечл. Туха им чены явын улты мынта. Туха чи иллы нюлнам нявымхэн. Чурсем лынаты.

Ангкин авны ыллынам тухи паны тум явын палыка сый лойк локки ихим тахины кан. Чу тахины аны коцынг юнгкиллынгки ул, чут кучинга мын. Омсым яхкин панынпи нэврымхэн пан чи юнгкил кухет утнам

сухэмтыккин. Уты питмина нюла луккин, коцынг еныкны пынграхлых-элта рангипхэн. Ангкин уты кил, илы равипых, аны лыхэл тумпинам пант. Невремхэл лув пырилы вувипхэн.

Войхэт пантыт. Топ явын унцым лахилат кулха вулыт паны ингки пом лэк киит.

— Ицык сапег пытылын анта моралтыккин,— иймыта латны похил их.— Имат ангкин номлахтых!..

— Лув кинчахэл номсынг воих тэм мыхны энтэм,— нявым ихил.— Алы нецынгка чиминт тахи энта вулы. Нунг вот вуин...

Тыт похил пецхана номлымтых, ихилнам аунгрымтых:

— Пецханэ котты?

— Пецхан?! — ихил ики ухэл нок нюхтых.— Мувылы пецханнат варлын?.. Пецхан волты тахилны волт.

Кулмит ох

ИТТЭН НАЙ КУЧИНГНЫ

— Ях ястылыт, Лук Лякты четчечем ики меми оял имат им вул, ар воих выхилтыхэл? — кулмыхтымин тахины Микуль ачил пырипых.

— Энты ар, энты цымыл. Мув арет луваты мустых — чу арет выхилтыхэл. Имнам чу урекки воих-кул энты нехалтых. Лув муртыл вуй, ийпа аръялым мурт.

— Кояхи аръялым?

— Мых аръялым, сангки аръялым. Лувнам аръялымал. Оял чулат виципи энта ихили, муртыл вуй.

— Энта кул-воих валты нялыкпи инам энта туй?

— Муват энта туй. Но чут кинца инэл нелыкки луваты Анмым мыхэл вул. Виципи номыксых, улынг сувэсны-тавны морты воих суй энты курымтых, улынг явнытны-лорытны кулынг торым энты тэрым. Улынг тэм мыхны им паны чунь вици вул... Тэм мых выле ар Ко тоял — Юхит-Помыт, Кулыт-Войхит, Явныт-Лорыт, тапырыт-помыт, кав рапыт — вах рапыт, кантых яхкинглат. Чит инам лув яхлал. Лых инам волта ланглыт. Лыхаты им паны чунь виципи мосл...

РАХПЫНГ ВОИХ КИНЦЫ КО

Ингки кухкурып ко пыл нок ат. Савянг явын сый онгнынгны лахирт пупи лэкт. Утнам, лыхлынг-кулынг явын ворнам алы тыхимтым пом янгки. Чи пыл кучингны пулынг воих мунтыл. Инам тухи сайхэмыт.

Лук Лякты Икины лупнат воих нокцык нюхты. Похилны ичи лупнат пыхирты. Олынг латны лахиртла ангытлых ноптых ох, чут пырны пупи томрым пунглыл ат. Топ нок волты кур няви палкил энтэм. Тухапи пыхты воихны тэрмылты.

Ики уты лохислых. Кансахэл куцмылтымал пырны, похилнам аунгрымтых — тунгымтытых мувы энта. Мув ура чи ноптых их. Похил лянгкис улыка волты палыкнам кирыхлых. Лэкэт тухнам алы пантымтыт. Паны лувны, тухапи, тунгымты...

Катл яцыны ноптых палмытны атымхи вари — нихлыми, пуныл цыки вувыл. Явына выхил, топ ухил ингки нок ат: ехли паны палмытны энта канлы. Тут лув воихны оихты. Утлта ломитых паны савянг почи алы тухи котып, валхан ымылтых. Нюх утнам куц вувипых, но котлал-курлал сави унта вингкэт. А пыхты воихны ылнам наври, пунгыл палкил коси — ноптых тухи тырым. Нялким ко уты кил, пом унтны мыта мары умыс ниньчмин. Умыс паны самты номыксых, кулны сарнам лаихта мустыл. Куц лух вонтны кичимпир вуккинг ко вул, ит вувыл цымил энта ихи — талыксых-талыксых ноптых кур палыкны, а уты талты вув энтэм. И сапег пытахэл ылы энта канлыххэн — мых томпия нямык. Пан воих томпия инэл — цыки лахирт. А уты имат мус: нак кары варта. Сангкиятмытлият понта солла мавылат. Чут улынг сорха пыкемты — имат лоньчехи мынл. Лув няви пыкт ут тухины тавылчэл.

Иймыта латны, инам вувыл тэрыма, воих курняви палык нок тавылчэх. Чут пырны ноптых утыцык тыл, улынг авны энта тухи, паны нячилэкки сый вор унтнам мын. Ит лув мыта юхи мурины олал. Иттэн нок ымыл паны ос тыхнам юл. Чены кацынг катл воих няви тэрымты муцы янгкилыл. Алы имнам нак карал энта кийлытых.

Лук Лякты Ики канса чипрымтых, воих пахл волы нок кинц. Лэкэл имат инэл — нюр нирыв кур ултыл люньчи ким. Икины лэк самнат юх поч муцы алтылы паны нявым:

— Мых рахип, чи имет ноптых савия-туньча кирыхтых! — паны ос мыта арет левыл кол тухи пыхиртых.

Похил пылхила энта авыл. Меминам, черты, кичимпир вуккинг конам, имынг воихнам, Торым похнам — лув ийпапи ицык ир кол энта аслыхэл, а ит... Ики куты их?!

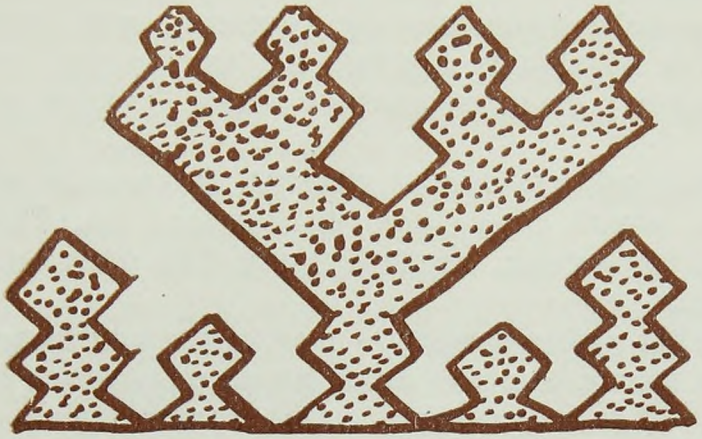
Похны тыт пырипи:

— Нунгнам вылэ ястыхлын: лув инам кацынг кантых ко кол колт. Цопынгпи ир кол...

Ики чи латны кангимтых:

— Лувы коллытых! Ма лув кицахил нявымлым! Лувы колынтыл паны лувы нок илэмтылы!..

Ики похилнам аунгрымтых, пырны кот улык унтнам вар, ястых:



Хитхинам автым усвыр пыл

Заячье ушко на две стороны

— Чит рахпынг воих кинцы ко! Рахипнат тэм воих пихт! Сары мых охтыны лув чака юта энта юхиттых. Чит энта луваты аръялым воих.

Ики ос мыта арет левыл кол пыхиртых: улынг рахпынг воих кинцы коны кунтыхлы паны имат нок илэми. Улынг пырны ос чиминт вар энта вар.

Лук Лякты Ики номыксых, имат нок левытлылы кунты, лув илэмлы паны ос энта рахиплыл. Вылэ кацынг коя ил мыхны мустымин волта мустыл. Чут тэм ингкит-мыхитны ласыкки волта ил.

Нилмит ох

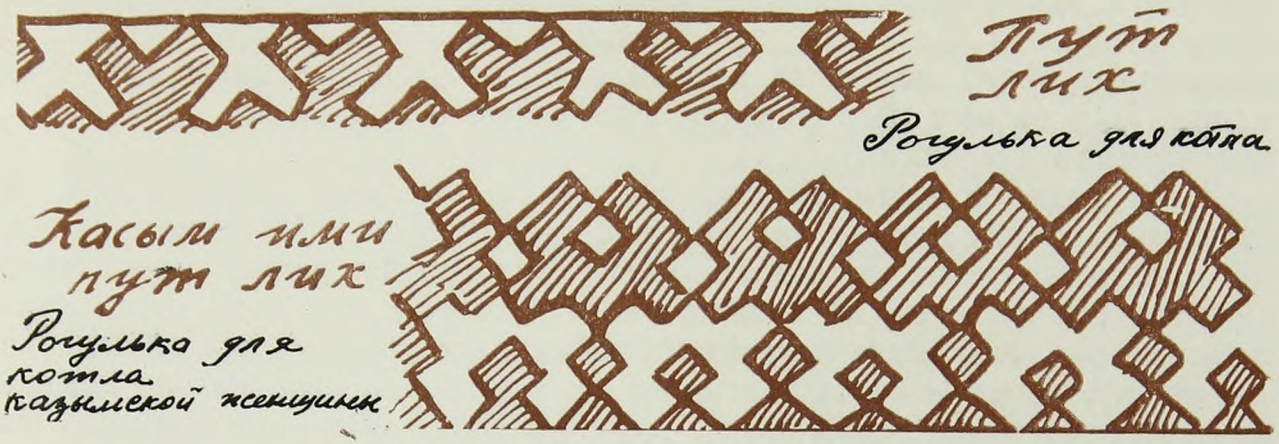
ВОНТ ЯВЫН ТУЙНЫ

— Ма колмамны, Лук Лякты Ики топ сохъюхнат пыхты воихнам янгкилых?

— Сохъюх оянг вул. Кацынг ко сымыла-туила канты лыксымнат воих-кул кинцыл. Луваты вот сохъюх оянг вул. Ях инам пецханнат воих кинца рангипыт. А лув, тэм Вонт явыны янгкилтыны, пыхи рыт палыкны вици сохъюх алт. Ай воих, пут варты васых-уц, пецханнат лякл. А пупинам нурыхтытал латны пецхан явытлы, сохъюх косиплы. Чуминт четчече Ики вул... Мув арет воих выхилтыхэл — урыхпи палкил инам сохъюхнат. Явылнат мыта арет вул. Ма номыксылым, лув пупи ванлта лэйлта лавэнгк. Лув лавэнгк пупинат ий кимны, ванлта нюла выхилта. Кацынг тахины лув томпия цопынг колнат-варнат вул. Пылмат ут энтэм вул.

— Нунгат унлтых сохъюхнат воих кинца?

— Унлтых, топ сохъюх алымты кима ихим. Номлэм, ястыхэл: вицини сохъюх вах ирынг урыл нокнам катлмин тойлы — чут пупины энта вулы.



Партынг урыл кирыхтылын кунты панып оихтылтых нан лавыстылтых.

— Сохъюхнат воихнам янгкилын?

— Энта. Лув кит-колым ох ким ма кинчахем охир вул паны почэл вул. Вувылпи пыты энта туй. Чуким вувып ко энтэм вул. Ма чу кимем энтэм: куц вув пона, куц сымынг вар пона. Лув пырилны сохъюхнат воих кинцым ко энтэм вул. Лув кичимпир ко вул.

ПУПИ СОХЪЮХ

Лук Лякты Икины воих вуви. Паны воих луватынам юв. Кутын ванхи ихима, пыхты ванцып ко кат конхэл туя пит паны ирнам колыимин луватынам юв. Улынг нумпалыки вувым куилнам питта паны вув ицалта, кояхи нокпи питл. Икины алы чиминт мыта ав несылтым корки мох лотылыны лыхлы. Каталхэн архи нюхтым воих нумты юхтыма, лув ичахэл курым вар. Паны ванцылны воих лахирт лал кунтыхлымал латны, сохъюх, имси котнат вах конгынгы катлмин, пыхи котнат юхил кутыпи катлмин, вах, ирынг урыл нокнам, воих тур яцынам волытытых. Вах палым латны, лув паста пырхи кутырымтых пан вай пырынг палыки луктых.

Вахны воих пырхи тоялты. Воих панып сохъюх вая лук — чи вай луватынам талта вартых. Икины пыхирты, тунгислы вах, мыта сунгнам луваты мустыл мынта. Вах пантым пырны, Ики котхинны тунгымты — мосты тахила сохъюх юхит.

Паны алы айхи нюл ича ихкин. Тухи сарамехэн. Кояхи нокпи питл?! Кояхи — кояхи?!

Иймыта латны воих ылнам асыл паны нячхи-нячхи имси палыкнам пит. Икины сохъюх аслы.

Ики мыта мари воихнам лэйлмин люль. Чут пырны канса куцмылтата

рангипых. Ийпа-китпа чипрымтымал пырны, юнгкил охтыя ымыл. Мыта цыки нелыкмал бы энтэм, имат матмал бы энтэм. Топпи котхил, воих алмилым котхил, алы мыта цымыл тухи пысымтэхэн паны лахирхицык ихкин. Лув чу пыс мынты мари ылы ымыл паны канса нок вый. Ит котхил имхи ита ихкин.

Воих нехалых ихим пырны, лув сохъюх нок вый. Помсыр неч, паны лыпытнат-коцнат сох юх вах нок рангита рангипых. Мустымин ар палыки илы мунгыттых, сарпины помнат, чут пырны нямык улык коцнат. Сохъюх вах им вахкима нэвехи их. Чут пырны лув мыта мари тухнам лейлмин вул, алы мыта мосмин тойты лыксымылнат ай кол нявым. Ницы ястых, вот ос ий воих выхилтымын, тэм мылынга аны лыхэла цомылтылэм. А нунг осхи лохты муцы ниньча. Вара варе — ит ниньча. Паны юха тухи нок люньчимтытых, мыта раскилал явырмал паны парт сутпылал пулмал пырны.

Чи лыксымыл лув алы мыта лохс куилхи туйтых. Воихнат нюла выхилты латны лув ийкимны чулат чиким сымынг вул, тухапи вуйтых, сох юхил пыкил. Лувнам лув пыкты варил вуйтых, луват вуй, мос мувы энта мос. Сохъюх ичи пыкил. Лувнам котхил варым сохъюх, а котхил вуйхил: лын варты от мос. Улынг топ сохъюх вах пасты паны ваил сары вул. Чу вах лув котхилны лухты, мустым сахет лухты. Ях чуминт ихиллыт, чи вах ира опыт понлы кунты, панынпи кутпалы авытлы. Чуким пасты.

А сохъюх вай... Тави арисъингк латны сувмыт авыт. Катл кийпи тахины мустымин сорылтытых, улынг илы энта лангкиих. Арсъингк латны авытты юх, сорталха кичимпир сары юхки ил, ицык лайимны энта канлы, алы сорым нанг юх. Сохъюх вай энта мориил кунты, воихны куты варл, номыксыл. Вах ичи мустымсахет, вах понат-уцнат лувны вая пуни. Чу сахет пуньтых, алы мыта вах паны юх нюла имылтыхил.

Вот чиминт лыксымнат, пупи сох юхнат лув воих кинца янгкилых. Па лыксым выты вар энта туй.

Чу сувысны лув ос пупинам мынты номыс энта туй. Муртыл арет воих выхилтых, чут урыкки энта мустыл. Кацинг ко вонт мыхны лув юкан туй. Воих орты ики арьялым юкан. Лув ичи чуминт юканат мыи. Чут урыкки кицил энтэм вул. Лувны сохъюх инэл кутлып лыхэл пурыка луньчи, улынг ингны энта питы. Мыха канты сох юх вай олынг ылпия парт пул пон — илы энта пыкемтыта. Дани похилнам памилтых, кулы сохъюх луньтых. Ницы Луваты мыталатны мосмыхтэл.

...Ар ол мыным пырны Микуль мокмукилны лув сохъюхил нок илми паны сутпил илы выи. Катпалыкки лухтым вах лахиртла чолэкинтых. Микульны сохъюх ингыл панг пукинат нюхты — алы мыта ехлины мыны, алы мыта кукки мыным ют нюхтых, алы мыта четчечил сымых вар оихтых,

алы мыта четчечил тарым вув нюхтых. Номлымтых, алы мари волт а лув вувыл, лув сымынг варыл, лул тарым варыл... Куц нама ар олхи их четчечил энтэмхи ихим пырны, а сохъюх молэкки энта их. И нялыны энта выи! Алы мыта Лук Лякты икины топ молкатл нок лухты, парт сотыпа пулы паны инэл кутлып лыхэл пурыка, Вонт явын туй махи пытыны луньчимты. Кичимпир воих выхилтыхилмал тахия луньчимты, том выты пытан. Вуйтых, энта лувнам кунты, так похилны ницы мокмукилны вытал пытан.

Ватмит ох

МЕМИ ЛЭКНЫ

— Ос чу сохъюхнат воихнам янгкилмалны, Лук Лякты Ики пылты варпи инам энта туй? — Микуль ачил пырипых.

— Сохъюхнат пылпыса номлымтыты ким энтэм. Ницы чу кут ванны пытан лух сохъюхнат пупи кинц. Колылэ, вонтны топ пупии ях пыллыт. Топ ий воихи. Яхны чу вар пытан пыллы, кичимпир ырап воих, ондыл имат ван. Яхны имынг паны чирты воихки тойлы. Па латны чуминт вар варл — алы коллых илы. Па латны им унтып, па латны атым унтып. Ар урилнат кантых конам кирыхлыты вар тоял.

— Ницы Ики мыта пыкт сухтыпыл вуй?

— Ма сахетпамныя, номыснат кацынг вар вуй. И пупи номыснат тунгымтых. Луваты цопынгпи воихнат нарипты тахи мус. Нюл ицалты тахи: кояхи нокпи питл, кояхи энта каньчикинтэл. Кояхи сар илнам понымтыл. Вот чи вар луваты мус. Ицык вылэ, мув арет пупи выхилтыхэл, а чи воих чакэр-мыталы тавылчиты вар энта туй. Ий пулпи лулыла энта выих. Топ котны-котны пупи лолынгны кевыртым нянь чут лывилых.

— Имат сымынг ко топ самты сохъюх выл?

— Урыкки мавылхи сымынг вул. Пылмал ут энтэм вул. Иймыт — лыипи пырхи лельчи вар энта туй. Ицык воих-кул кинцы ях луватынам лэйлмин па латны сымлал атымхи илыт. Вот чуминт вул нунг Лук Лякты Ики четчече. Лув пырилны ит, ях яснгыт сахет, ос чуминт воих кинцы ко энтэм вул...

ЯВЫЛ КАРЫНЫ

Вонт явын онг винсипны, Инэл Вонт рапны Лук Лякты Ики явыл каралны пупи лыксым умыт. Яхнам ихилыл, пырхинам ютыв муцы лувы

002623

Ханты- ан... окружная б... ка Тюменской области

лахлыксыл. Ват катл мары явын туйнам янгкилыт паны инам чены кирыхлыт — воих энтэм. Пырхинам ютыл сахет иттэн юхин чу явыл карыха юхтыт. Сувэс атыт чуким пытыхлэмыт, ицык четъилын лельчи юх-пом энта вулы. Ванхи юхитта ихмила, Лук Лякты Ики их:

— Я, чу явыл нок лэйлты. Ницы тыт ои тойлув.

— Нунг куты ихин чит?! — нявым ысех ко.— Ос явыл сукэн пар?! Ос нелхитхи ихим воих тут омысл кунты?! Нунг волманат, пытыхлэм тахины куты варлэ?! Чехи кие, култахэл нок лэйлтэ.

— Туттыпи кунты, лув чака суй-кий тоял,— нявим Ики.— Инам имнам чака энта лукэл.

— Нелхит воих чака лукэлпи лукэл. Томинт торымны мын нунгат мув урны пыхиртылув?! Ицык кар ухил энта вулы. Кулнам лякты?!

Тыт яхны инам варлы: ал кила, чехи вылэ кие. Чака Ики мувы чу кол, уты кил. Похнам их: ма сорха, топ лэйлтэм, сукэн мувы энта. Як ях мыталыят вылэ курымтылыт, кулны талхан юхитлы.

Похил рыт сарны пома катылмин умыс. Номлымтых, ицык пецхан энта вый. Паварам нелхит воих тутты. Пупи нел топ сурт кинца кухемцык. Воих чуминт койлы пан нелхитхи ил. Явыл кары кучингны оихтылат муцы омысл. Кояхины вулы, мув тахилы койлы. Чулат явыл виципи катлын лэйлты. Воих тут омысл кунты, ихил мувылы варл? Кацынг пупи сахетпал сахет лайхэл. Ий воих суй варл, а па воих алы тухи каниmтыл, ко ванхи лахилт. Кояхины вулы, мув номсып воих куи. А ях явын яцыны рытлалны нявымтыл сечл:

— Энта вылэ кил.

— Лухнам-я лух, похил куты ил?

— Лувнам-я пупины куты варлы, онта энта ий-кат вуилых.

— Пупи туттыя кунты, куяхипи вул, туха има энта юхитл...

— Нунг луват энта вулын, лув мувылыи кирыхлыл! Пупины куты варлы...

Иймытлатны лыхпи суйлых мыныт.

Лув уты курмыхтымал латны, панып пытыхлэм тахины пантымтых. Дани топ ихил курсуй кул. Мыта мари волым пырны, курсуйпи курымтых. Явын яцинапи ях алы айхи ихит. Мари суй-кий энтем, ицык юх-пом энта нюхлыл. Топ пыхты пытыхлэм пан суйлых явныт-мыхит. Ихил ванны волтыни, Дани иймытлыипи пылты вар энта туй, пылписны энта юхтыхлы. Ит лувпи номсыл ар урнам янгкилта их, имнам-атымнам. Пытыхлэми пан суйлых тахии тухины их. Тухапи намын омысты ях ийтухины ихит.

Лув сахетпал имат марахи ихим пырны, мытли пыклых ихмин утнам виккитых:

— Нунг лилынг вусын?! — суй ат юхитны варынты.

Мыта мари волым пырны юх унты Ики кол юхит:

— Ины явлама юхтым. Сукынмал тахи!

— Ныk юва. Алынг нок кинлы! — ысех ики виккитых.

— Сасар, ин сухим нок лейлтым. Рангахлых. Ницы куккинам энта мын, тыхи уц корых.

— Ныk юва лилынгки волта ланглын кунты! — ос виккитых ысех ко.— Тэм курымны юва! Ницы энта атыл воих, па яхлал тут омыслыт!.. Коллэ?!

Юхитны варынты — коллэ! Но кол ос юх унты энтем вул. Суй-кий энтем. Намынна ях ос алы айхи ихит. Иймытлы рытны колыпих — пан ос суй энтем. Данины вулы, чуминт катхин-колым пупи ийюта янгкилты вар тойлыт. Ий ко ылы питл кунты, мыта нелхитхи уц ил, па латны па яхлал тут омысты вар тойлыт, тухи каняхтылыт, кантых ко юхитты латны ийкуил панлта. Цопынгпи нинг воих мыта ура ил кунты, куй воихны чут вицини энта кийлы. Лох мокит ий чу сахет энта кийлат. Чуминт воих.

Ос мыта мари волым пырны пыхты юх унты Ики кол юхит:

— Тытты...

Иймытлы рытны суйнат лалып.

— Тытты,— нявым Ики.— Малыксем, пунынг. Пупи энта лувахил... Уты килытых, най улытых. Нялыхтыта рангиплы.

— Па мытлы тут омысты энтэм? — рыты пырипи.— Нунг-я энта нюхто, ос мынг?..

— Ювитых, ювитых, суип-киип энтем. Омсым воихпи самты маки мын. Лув ичи пылпис кантых кохи тоял. Ювитых.

Намын омсым ях уты килыт, най нок улыт, воих нялыхтыта рангипыт. Инэл воих вул — ысех ики олтыхлых паны пецхан вах понхи. Дани шай варта их.

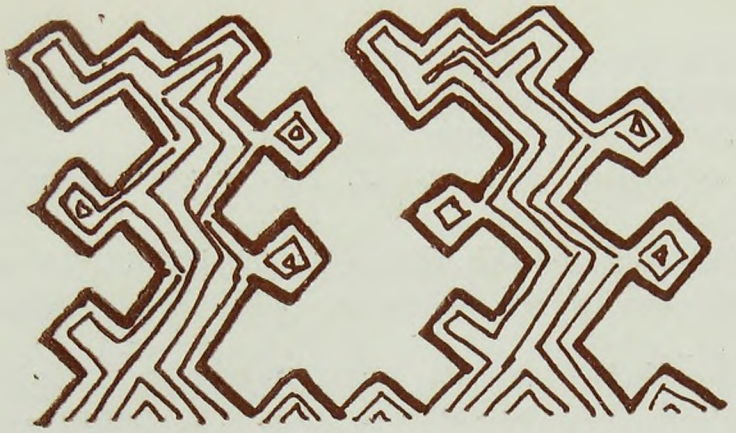
Нялыхтыта вармал латны, пырис ики их:

— Кулха пумынг, иттэн куи. Пылпыспи инам энта тойлын — лилынгки умыс кунты?

— Вонт воих,— Лук лякты ики ихилыл.— Мувылы имнам кантых кохи вахил?.. Торым номты воих.

— Ченыя чены,— топ их пырис ики.

Нялким яхны паста воих нок нялыхты, шай иньчит пан рытлал лылмит пырны, сарнам лавкинтыт. Ат кукки мын пан ос мунхи кинца пытыхлэмхицык их: ингкит-юхит инам атны выят. Лук Лякты Ики ях сарпии явын номыс поснам лохилтых. Похил номыксых лув ыллыт, самты пытыхлэм тахины тэм вонт пан ягун вул. Кояхины вулы, ницы цопынгка лув пытыхлэмны вуй.



Кит охип
ворын
олигас

Двуглавое
семейство кедровки

Кутмит ох

ВОНТ ЯВЫН ОНГ КУЧИНГНЫ

— Кулны Аган яхны четчечем вукынг ясынг кунтыхлы? — Микуль ачил пырипых.

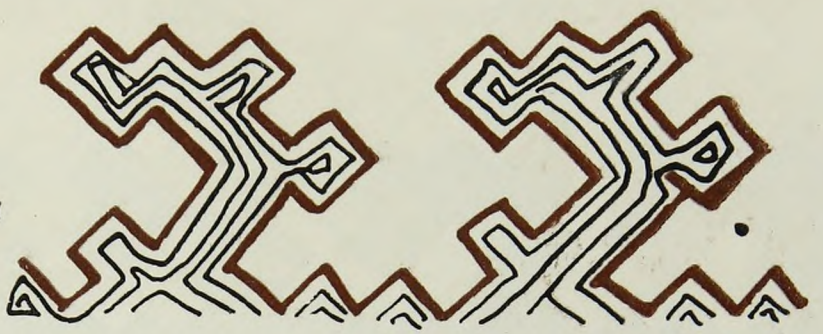
— Чу нопытны ма кулха ай вулым,— ястых ачил.— Сургут воцнам мынтыв сахет, явын ыл оллынгны пупи кат яциха ихув. Мыхи ко, имат почил паны вукынг ики, вув мерилтыты кары вар, юхнат талыксыта. Ар ко вул, мыта кос урыкки уц. Чу мыхи икины инам нокпи питат. Па ко ий котнат, па ко кат котхиннат. Ихим суйлых умыс, ях пыра кич. Лув чу латны аим-китым вул, яхны вукынг вархи энта вулы. Чу ях пырны, мыхи ики их: «Я, ымла, Роман! Нунг муртана их!» Яхныпи партлы: «Ымла, ымла! Куц пупи няхалтылын — Ики алыпты рыкынта латны!» Ихим куц энта лангк, ий мыта латны чу Ики ича ымыл. Юха китылхин. Вувипхин. Паны чака чу мыхи ко ийпуц охпи высны рукэкинтых! Нок ымыл, лак-пом илы равипых, их: «Ма чулкэм! Я ос ийпа!» Ихим омысл: ос кунты ос. Паны чу Ики топ ымылта тырым — кимитхи охпи высны рукэкинтых! Нок ымыл, нявым: «Олынгпи коны пихтоем! Вицины номыксым — вув маны тойлы! Ит вулэм — вув нунгны тойлы, Роман-ики!

— Чут пырны Лук лякты ики вув энта мерилтыхил?

— Чака энта номлым. Вув лухаты воих-кул кинца мус. Илын янгкилта имат сымынг вул. Чуминт, катл вола, куц ат вола, мув мыха номлахтыл — чу мыха мынл. Юма-вота иты варпи энта туй. Кынынг вул. Пырс ангки туй, самхил атым вулхин. Нерымны, чу ангкил рытылны алталны, охтытны ылы вылхилта энта асыллытых. Чу ими рытны таллытых, чут урыкки сохит-нюрыт талт. Алы талых рыт талт. Ангкил илы выхилта итыка, нявмыл: «Кояхи нунгнат соцлтыхилт. Ымса!» Ма чуминт талых рытнат саранг лынат сам туйны тулым. Саранг юхитлым. Янгкилта-мынта луваты вув мус. Чи вар пытан...

Ворып олигас

Семейство кедровки



СУВЫС АТ ОЛЫМ

Икины коллы, ими четкотта мулыхтал сечл:

— Нок кила! Юхит!..

А лувны тунгымтыта курты, чит олым пытыны мувы энта, тэм сахет. А ими ос их:

— Нок кила! Юхит!..

Лув иймытлыпи энта лихыл, луваты юхиттахи ихим мытлы энтэм. Колым катл томпины питым цохт тэм иттэн лул. Чумint торым: энта пыхты сувыс и энта нэви тулых. Тэм муртны куяхи тыхи юхитл, лув номлымтых. Курат кух мых, а велы мурта кулха энта их. Чены номлымтых паны ос кулатты мын. Ий кулнам мын.

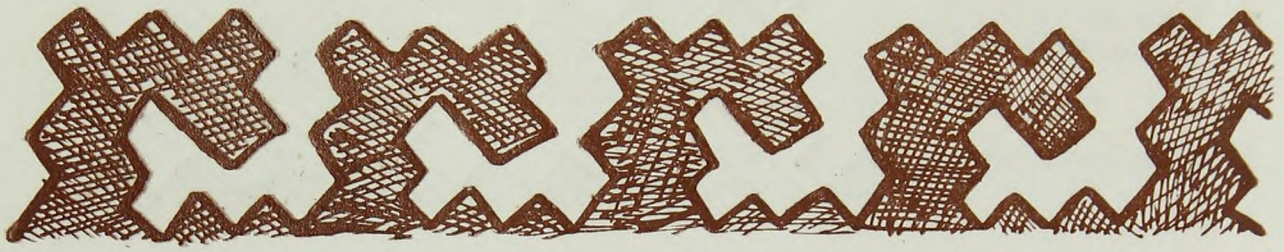
Немрых катл мары лангки кинцмин инэл яхим махилты-суц. Иттэн ягу юхитмала шай иньч паны олынтых. Лув топ илмыхны суйкий колты вувыл олымнат олал, а котны кул олымнат олты вар туй. Паны ит нок варыхлыта курт. А ими ос мулэкинтых:

— Я нок кила-ов! Коллэ, юхит!..

А лув ос номлымтых, куяхи улынг тэм кухыннахи яхимны кутыла юхит. Чу кеми имины вон палыки косипи, пыл высылнам виккытых:

— Чака нок кила-ов! Кот косл!

Кот косл, Икины тунгымты, ма луват сар!.. Нок лук, кот ий самат тухтых. Комытхи палыкны невремхил, авихил-поккил оллыхин. Лын нымпины имил юхит найнам понл: кояхи мувы найнат каньхимтыты номыс тоял. Но хотлыхпипы инам лувнам яхлал вулыт. Паны лух кемнам суйлых-кийлых вувипых. Туха кемын чу хот косты мыталы. Охпи пунмал латны сам ирнат вуйтых — хот кутыпнахи нюки ир мытлины ылнам талты. Цопынг костал тахи, лув номлымтых. Кояхины пирты! — Ики атым номыса пит. Паныпи унтыл пыт вувны лангта вари. Охпи косипых — пан кем корых. Сувыс ат пытыхлэмны самхил выехин. Иймытлипи энта вул. Но пыт вувны нюки малыксымин хот махилты тухи. Пыкты



ким энтэм, кунты самхин пытыхлэм тахия унлтыхин. Курым, кимыт курым, кулмыт курым... Хот най нюки высны вылпякинтых. Алы мыта имил пан невремхил чу кеми вута тырым. Но най пырны самхил ос ат пытыхлэмны выехин. «Ханты ко паны най тойты хот коста мувы мустыл?! — нявым мувы номлымтых лув.— Энта мустыл! Цомы энта мустыл!» Ос сарнам курым вар паны котхил ингки потым мытлия ихкин. «А, котхилам кута питын! — их лув.— Хот коста номлахтын?! Невремхилам каньхимтыта номлахтын?! Сар ма нунгат!..» Тыт Икины пангыт лямыскимтат, вувипых пан пунынг мытли нок котхин туя илмыхтых. Паны хоты илнам курым вар. Курым, кимыт курым, кулмыт курым... Алы торым вах котхила пит — курпытахин ийпыхр потым мыха наврымтэхин. Ос мыта арет курым вар пан тухим утыл ылнам явыттых.

Мыта ун суй вул паны ий чукурымны тукын.

Самхилны ий мунна курасив сувыс пытыхлэм. Пыхты мых. Пыхты унцхыл. Пыхты пылнгыт. Мыта мары суят колынтымин люль. Суй-кий энтэм. Котхил пычирымтых, алы люхитахилты мытли. Тыт нярык кур пытахил ехлахлым вар кунтыхлых. Нярык курат кем кырымтымал тахи — ины курняхлых. Хотнам кирыхлых. Косым нюки ир нок тыл паны ягу лавнг.

— Кояхи тут вул? — имины пырипи.

Тувыт юх найны лыты суй. Невремхил олым пытыны сылыслылхин. Унцых нухит вотны нюхтым сечл.

— Воих вул,— Ики нявым.

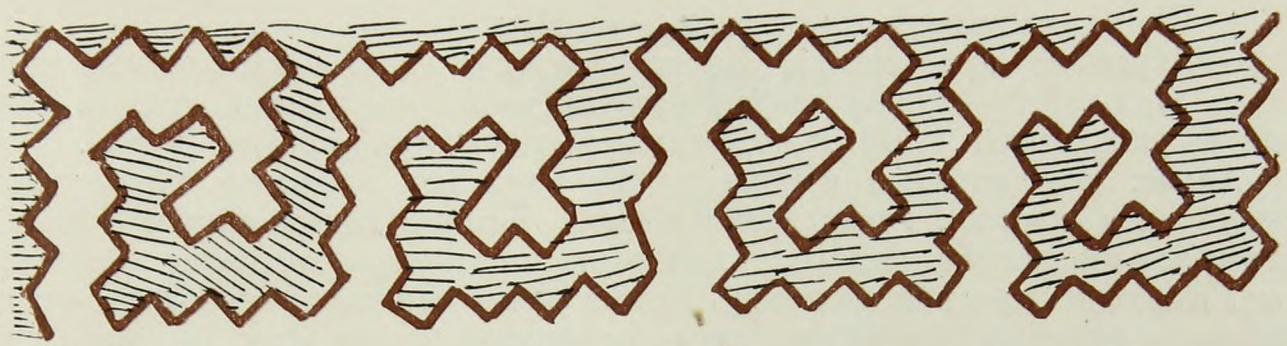
— Мын илнам?

— Мын.

— Ос пырхи энта юл?

— Энта юл,— их Ики.— Ит ос энта юл.

Имил тувыт юхат пон паны ёнтыксыта рангипых. Ики кансахил ийпа — китпа чыпрымтых паны олынтых.



Корень лиственницы Нангк лурт

— Коллэм, иймытлы хот махилты янгкилыл,— Ими ёнтыксытал сахет нявмыл.— Олынг латны маны велихи туи. А пырны нюки коста рангипых. Чу латны нок каньчикинтым. Нунгат варыхтыта рангипым. Кацынг воих куй кои пылт. А нынги цыкы энта кориил. Лых кацынг вар инам вулыт...

Мыта мары суйлых умыс. Чут пырны пырипых:

— Нунг муват пецхан энта выин?! Кулны чиминт пытыхлэмны лыксымлых?!

Ики кансахилнат вуимтыта вари. Олымхин-соккин кутны имил суй саранг луваты юхитл, но мув иллы нявмыл — тунгымтытых. А-а, чу пецхан тэм пытыхлэм торымнам кулнам цуцци, имил колыт иллы номлымтых. Чу нецханнат куты варлы. Явынгки явныт-лорыт путат, цохт вул. Тэм латны воих лоньтылы-явынгтылы — нелны энта канлы.

Имилны самты чи вар тунгымты, нявым:

— Онтыкапа улынг коцых выин! Кояхи инам лыксымлых воихнам янгкилыл?!

Мувылы чу коцыхнат варлы, номыксыл Ики. Коцыхнат кулнам — ицык наи энта пылт кунты. Кулнам чу коцых!..

Мувылы сарнам имил нявым — энта култых, кансанат лулылны вуимты. Юхин топ ийпа нок варыхлыхил. Пытыхлэм тахины кансахил нок милымтых. Куцмылтытых. Ийпа-китпа чипрымтымал пырны па пунгыл палыка каримтых паны ос вуимты.

Алынг имил колнат ягу лавнг:

— Нунг, кимын, воих пихтын?

— Воих?

— Авлыт кунингны олат. Нок лэйлэ.

Ики хот нирхыл нок пул паны кем ат. Авыл юх-мыталы варты юнгкыл охтыны пупи олал. Юхин волым цохт суйны питы. Колхил инам явынгкты-лоньчты.

— Мув арет явынгк-лоньч тоял,— их Ики.

— Мувынат нунг пихтэ? Котнат выс куты их? — имилны пырипи.

— Мувынат? — лувны пырхи пырипи паны мыта мари суйлых волмал пырны, нявым.— Вуим ко... олым пытыны мув вар энта варл...

Алынг шай еньчмал пырны лувны воих нок нелыхты. Инам чены кыйта энта мустыл, юрыл томпия инэл. Чакрыл, инам лакым курасхи ихим, хот ий палыка, койлых тахия понтых паны тухрынг юхат лывынгктых. Колхыл ныра нок ыхыттых. Кецых пупи тырпыл четты. Энты евыклы, энты ёнтыхлы. Чи вартал сахет номыксыл, муват Нум Торымны тэм пупи мыцци, муват муртыла ихима вонгка энты олты, муват ханты конам паны найнам киты. Мув вар пытан?! Мары номыксых тормыт-мыхит иллы, пупи иллы, вонтыт-нермыт иллы. Ий латны чимынт номысны юхты: ницы, ханты ко панам вар вар?! Ницы, ханты коны тэм воих нок килты паны энта пихты. Чи сахет кунты, ханты коны нок мыцци?! Цопынгка, ницы, ханты коны. Номыслых-коллых ут чут мувы ярмым ут?! Чуминт мытлы варым вар, самты.

Тэрыммал пырны канса куцмылтых паны юнгкыл охтыя ымыл. Лух лаихмал мары, пылнгыт ира нюхлыт паны катл пукын. Кулха алынг — катл ины юх туита юхит. Чи вар оихтымала, Ики лангки кинца мын. Лув ийлып цохт охтыи соццал сахет пупинам номыксых. Хотлых-лунгклых воих мув мары яхмыт-нермыт кухет янгкилых. Мув арет лоньчявынгк вуй!

Кимытмит палык

МИКУЛЬ ЛЭКИТЫ

Олынгмит ох

ШКОЛАНАМ ТУТА ВАРМАЛ ЛАТНЫ

— Мустымин унлтыхла,— ястых ачил.— Лунгтыксыта партло лунгтыкса: ий, катхин, колым... Лунгтыксыты кул вылэ вулын.

— Лунгтыксыты кул вулым,— нявым Микуль.— Мувылы ма школаны варлым?

— Нэпэк лунгытта унлтыто. Русь колат нявымта унлтыто паны па арпыкт вара унлтыто.

— Энта лангклым школанам. Ма илын волта лангклым, воих-кул кинца лангклым. Нунг вылэ ичи нэпэк кул энта вулын, а воих лэк нюхилты кул вулын.

— Ма ай волмам латны школа энтэм вул — коя-хины унлтытом нэпэка?.. Ихим паны ангкем ичи нэпэк лунгытты кул энта..

— Вот-вот, Лук Лякты Ики ичи нэпек канци энты вуй, а воих лэки кул лэки тарым вул, кул вуй.

— Чулатны мувылы тэм мыхны вул — лув инам вуй, лув вулыхат вар энтэм вул. Чуминт вул, школа вул кунты — лувбы унлтыхил.

Микуль суйлых мын.

— Школа инэл пухилны, пухил нунг анмым мыхенны, а анмым мыхе нунгаты имат вута мустыл. Мустымин унлтыхла: лунгытта партло — лунгтыкса: ий, катхин, колым... Унлтыхла, ит инам невремыт унлтыхиллыт. Топ анмым мыха ал юрихла...

ПОЙ ОХТЫНЫ

Микуль имат суйлых-кийлых пой охтыи мын. Лув имат копыкки кухил. Лув пырилы лахиртла кумыт ванцип Егорка юв. Лув ачил вели лахилмин ворык нерымны волт. Тэм юххин мыхны лув топ Микульнат сымынгки янгкилыл.

Кацынг алынг пойхи ихима лын интернаты явын ворнам янгкиллыхэн. Тэмкатл ниньчи катл. Лын ит тави улык суитнам колынтыхилмин мынхэн. Па латны юхи лоньчь мурып корхил — чи латны Егорка пунгылнахи коцыха лукты вар туй. Цымыл лув каньпанг вул. Микуль чу латны нявым ий куилнам, мув урып чит суй. Лын мары илын янгкилхэн. Микуль луксылнам воих лэкт-уцыт памилых, мувтахины мув воих мын. Куц мув урып вотлых катылны, юх унтны виципи суилы волт. Мустымин колынтыты коны коллы, кулны нюлнам юхит-помыт нявымлыт. Кулны ompeнг аны лыхэл ангкил лалт.

Невремхин яхим куснгалнам мынхин. Тыт пыра кичим ничьчи катылны лын ар кучхир вуйхин. Микуль чи войхили вахта имат им вул. Лух вахталны кит-колым ийкурымны юхитл. Ванхи юхитлыта лынны чи нынытлат. Войхилит панынпи юха курекинлыт. Чит кичимпир чурсем мурт. Вач юха кунгытл кунты, юх равислыта варлы. Кучхир корхил пан па юхнам сухимтыл. Лув панынпи нюхиллы. Виципи няхнат вангкилтыхиллы.

Унцыхны кучхир топ юх кутып кима кунгытл, пыхты кар выца. Сарнам энта мынл, котлал-курлал васты кара энта канлыт. Лув пыхты кари ылнам-нокнам сахилта рангипыл. Тыт юх валыха юрым сухим лыснат катыллы.

Лохс янгкин нилмит ол школаны воллыхэн, кацынг вара инам унылхэн, а лилынг воихлых волты кул энта вулхин. Виципи лилынг пичинг-клит-уцыт тойхин. Кучхир кицая чут ийпа варым котыли вул. Пойны чу воих кота пахитта им.

Алынг кулха ехли вул. Топ ванц потты ким: пухлымхин алы тухи ехлахлехин. Лалтапи ласк. Цопынгпи катл ир унцых тоиты нок атым пырны. Илтахи инам катлны нок выи — алы сорнины куремты. Алы мыта юх-пом ины нок тыв. Чи мурт — кичимпыр лын ланглын ол мурт.

Ит янгкин явын лохи нокнам мынхин. Ий латны, цоми курымны, Микуль ийлота люлимтых паны ий куил котат вар, айлихмал их:

— Тыхи юва. Лэйла!..

Канчикинтым Егорка ванхи юв, сарпины коцхила лук. Ий латны коцхил юрихлытых. Лунгем лотны, аны унцыхлингки пурны вырты кух курып ко мок ул. Воих мок пылхил нехалтымин цав-мувылы лавылмин лаих.

Поккин ий пыхр тухи айхи ихкин.

— Лилынг воих мок!..— иймыта латны мулэкинтых Егорка паны ий курым ванхинам вар.

Мок ангки ухил нок илым, пылхил сарнам тух. Чут пырны мыта арет курым вар паны мокил яциха люль. Немремхины виципи сам энта аслыл. Люль паны алы мыта тухи путымты — ицык энта нюхлыл. Самыл-пуныл сахет-я имат номсыл атым вул. А мок кунтыптыты ким энтэм — тухапи кулха мустымин янгкилта энта их. Тытып-тэмып кантых куя нынытты курас туй.

Иймыта латны ухил ылы аслтых, пой нелып. Самты тунгымтытых, невремхинны атымат энта варлы. Чи латны поккин пырхинам курмексыта иккин. Юхит томпия питмин пырны нурыхтыккин. Топ пухил кучингны суципа питхин.

— Лита ихмин курасив,— Егорка ястыл.— Я, томат тулхитымин!

— Пом?! — пырипи Микульны.— Ма номыксыламны, пой нухат тулэхин. Лув вылэ пой карат имат лангкал.

— Нунг пой нух морита, ма пом тулым. Школа пом катны ар пом!

— Я, я. Том нунг паста янгкила. Тот чи мына...

— Ма кичимпыр пастахемнат мынлым! — паны мын Егорка.

Цыки марахипы энта их, поккин пом сыр паны пойюх нухит нячиленгки воихкины мыта кима понхин. Чут пырны юхи мури унта тахилты цык мынхин паны тухи каняхтыккин. Мари цык люльхин. Ий мыта латны мок ангки нухи пая суц, нок апсилтых. Тухапы литахи их. Ий латны чу нухит енгкирта рангипых. Мокил чу унцых пурыкны ул, алы мыта вуимты, топ инэл пылхил нюхалыхин.

Лохс яккин юхи муры унтны воихкиннам лэйлмин умысхин. Егорка нянь пул нок вый, китхи муртых, ий палкил Микуля мыйтых. Лын чи нянь лита рангипхин.

Тык мок ангки каньпахлымат курасхи их. Лилых их, ухил нок илмыхтых, пылхил алы орита ихкин. Поккин кучингнахи юхи муринам лэйлых. Яккин чу палыкнам кирыхлыккин паны... Чу юхи мури кийпалыкны пецханынг ко люль. Сак цоп патронынг энтэпнат варыкси. Самхил мок ангкины вулхин. Котхил кит корып пецхан нокнам алымтыхин. Суйнат пецхан самыккин ымылхин. Корхил пангкил вах яцинам мынхин. Аны панг самык рыхимтыты вахнам мынл. Сам кунимтыта энта тэрымлы — мок ангки пой охтыя корхил.

— Ал лика! — ий курымны виккитыхин поккин.— Чит мин воихлимын!..

Пецханынг ко инам нок рыкин. Мари атым самат невремхиннам лэйлых, ий латны атым суят их:

— Мых ампхин!..

Нячиленгки пецхан самыккин асыл паны ингрантымин-левытмин ийпалыкнам суц.

— Кояхи вул? — пырипых Егорка.— Ма топ пецханнам лэйлыхлым, луватынам ицык аунгрымтыты сорок энтэм вул...

— Чит — вылэ пошта кат монтер Кирюха! — ястых Микуль.— Ма панынпи луват оихтым!

Иттэн интернатны панынпи олынхин, ох нэ Нина Ивановна невремыт олтыта рангипым латны. Но вуимтыта тухи куртхин. Ях инам вуимтым пырны, Микуль ий куил волы кучинга мын:

— Нунг ичи энты вуимто?

— Олым инам энта юл,— мулэкинтых Егорка.

— Кулны нунг номыксылын — лув ос энта юхитл?!

— Кирюха?! Кояхины вуи?!

— Мынлымын?!

— Мынси!

Нок килхин паны пытыхлэм тахины нячиленгки ломтыксыккин. Коридорны нирлых, суйлых-кийлых вуимтым ат лахилты ими пунгыли кемнам мынхин. Кемын нирлын нок пулхин.

Тави ат ван паны нэви. Юхин яхим пылиспанг: юх туит ий мытыхлэмны выят, па унцхит алы мыта мавнгк-икит лельлит.

Вот и лунгтым кары паны аны унцыхлингки. Невремхин тухнам ломексыта ихкин. Ванхи юхитмина топ алы пурынтым лант паны выртыпун сырыт оихтыккин. Лунгтым тахи ирны, пойлоньны мок ангки лэк оихтыккин. Микуль най варты юх нок вычимтых. Пой охтыны мок лунгкит высыт вулыт — ангкил юта мын.

— Мынхин!..— мув вар мувы пытан Микуль мулэкинтымин ястых.

Алы мыта мыным ангки сахкихины коллыхин, невремхин айлихмалт виккитыхкин:

— Пырны ос ювитны!..

Яхим юхитны тот варынты:

— Ос ювитны-ы-ы!..

Кимытмит ох

ЯГУНАМ АСЛЫХЛЫМАЛ ЛАТНЫ

— Муват чит тулых чиким кох, а лунг чиким ван,— номыксыл Микуль.

— Ма чи иллы ис ясынг колылим,— ястыл ачил.— Ис яхны ястылы, Лук лякты икинынпи варынты.

— Кулны чу ис ясынг сахет?

— Ис ясынг сахет, маки кох нопытны тыт тулых энтэм вул, тыт вицини лунг вул. Паны имат ар курасив тухлынг воих вул: нэвит, выртат, нярых пом курасив, востат. Пойланг пытынгнат катл пум ванхи талмин вулыт, катл ванны тоил. Чены армыта ют мари ях вулыт. Но иймыта латны вырынг сэмып ко нок ат паны тухлынг воих тыхлыт илы коста рангипых. Тухлынг войхит кантых конам панам ихит паны коккинам-коккинам, морты мыхнам пурыхлыт. Паны катл пум ютал тухил. Паны чулатны пытылэм ат юхит, лоньчинг-явкинг тулых юхит, тарым ехли юхит. Яхкинглат павта вари, лэты отат ярми, волты урлых их.

— А пырны? Пырны коты их?!

— Пырны... Им сэмып тухлынг войхит кантых конам кирыхлыт паны кацинг олны, тавин, морты мыхи ван мурта тэм мыха пум паны катл алта рангипыт. Рангипыт, улынг яхкинглат энты тэрым потмин, улынг пумылтыта ях паны юхит-помыт, тэм мых нок пумылтыта. Чены чи ис ясынг ма ангкихилам-ихкилнамны варынты.

ТОРХИТ

Тэм тавны ворнги тылысны лунгтымпаит нок атыт, лоньчь лулта их. Ай ингкит нок лулыт. Пылынг-мыталы инам энтэм, Катл кот самты кеврымхи их, юхит-ингкит лулалтыта рангипых. Морты войхит юхитта ихит.

Чиминт пумынг тави катлны вачь курынг лэк кухет Ларкнгинам, сувмытанг нерым явнылинам, колым похилы мыныт. Сарылта цавкилта ихим Пенчо нампи ко мын. Лув имат лулынг, суйлых волты кул энты вул — ийпа тухи лопырхимых. Лувнам якун пецхан тоял, воих кинца янгкилыл. Лув пырилы Микуль Егорка луксылнат суцхин. Пенчо потылымтых:

— Маки олны ма лох мок китлым. Олынг латны лув ай вул, пырны чи инлэтхи их — лэйлытны! Вот тэм лухетхи их, алы мыта рап пай, та-а! — котнат памилтых, мув лухетхи их.

— Самты, аченны китлы, рахпынг кол ястылын,— ихилыл Егорка.— Лув вуккинг, мув воих луваты пыкил!

— Ястылым ма рахпынг кол! — няккитых Пенчо.— Ма ос энты чиминт вар вуим. Ястыта — кол энтэм!

Чут пырны лув ос мувылыет мувы потылымтыта рангипых.

Микуль суйлых вул. Лув сахетпал, илын, вор мыхны топ юхит-помыт, лыптыт-ингкит нявымлыт. Цопынгпи лунг тавны, мув латны юхин-катлын лорыт-мыхит морты воих суйны выят.

Пухил вотым унцых мокит томпины пантымтых. Ларкнги сувмытанг

вандынга юхтыт. Пенчо ай коцхилинат аны сувмыт выстых, ястыл, арс ингк ницы тоял. Ма нинат арс ингкат лапытлым. Но арс ингк энтэм вул сувмытны, юх тунгки нок энта пумлы, арс ингк латхи кулха энта их. Нурлыхты невремыт сувмыта курымтыт.

Тыт охлал туйны невремыт суй кунтыхлыт:

«Кур-лы, кур-лы-ы, ку-ры-лы-ы!»

Няхилта-няхилта, сувмытыт тоя расмин, колым торых лыхлыт. Пенчо кухырнат торых суй вар:

«Кур-лы! Ку-ры-лы-ы!»

Лув суил торхитны кунтыхлы. Лых кирыхлыт паны явын охтыи нячиленгки махлахтыт. Ий яхлат энта оихтыт. Ос ийпа махлахтымил пырны, явын том палык нерым лотнам аслымтыт. Тут, лунгтым тахины пан литы вар тойлыт. Невремыт чу палыкнам нурыхтыт. Чуким паста торхит пыри кухлыт, па тахитны корхилыт, сапег пырилат ингкны амралат. Лых кухлыт торхит пыри, олынг ванлта оихтымил морты войхит лэйлта.

Торхит мыта лухет курис лотны пан воньмин суцихтыт.

— Мас! — мулэкинтых Пенчо.

Мыта мари ий лота лулимтыт паны суйлых торхитнам лэйлыт. Лэйлыт, кулны лых кух курлатнат суцихтыт, махилты кариит, мых-тахи арьялыт.

— Ярнасе илы выe! — Егорканам мулэкинтых Пенчо.— Паста выe!

Лув коцых нок вый паны тохирсы нух авыт. Чу нух ярнасат явыртых, алы мыта торых ох, Кух юх валыха коцых пунь, сак унта лавнг, оха ярнасынг нух катлымтых паны торхитнам мын. Ястыл, ницы ванхи юхитлым, коцихнат воих валты кима. Ий яккил мив томпия каняхтыта пиртхил.

Торхит вар вулых курис лотны оймакки пан лывмин лайхит. Пенчонат кутыл ий ванхи-ванхи ита их...

Микуль морты войхит иллы ис ясынг номлахтых. Чу ясынг сахет кунты, тави морты войхитны тэм мыха алты. Имнам тухлынг воих валта энта мустыл. Лыхаты морты мыхны им, тут пумынг, волта им. А лых тыхнам, чи кухет мыхнам юлыт — яккинглата морты пум тута.

Микуль алы мыта нявымты кол кунтыхлых. Пана чи латны виккитых Пенчанам:

— Пырхи юва! Ал мына!

Виккитых пан ий куил пыри вувипых.

— Ийпалыка мына! — виккитых Пенчо пан Микуль илы лукимтытых.

Микуль мив охтыя корых. Чу латны лув ий куил кур палыка лук. Лын китныны мив кут туньчинь лотнам корыхкин.

«Кур-лы-ы!» — кунтыхлых Микуль паны ванцыл нокнам кирыхтых. Кохын-кохын, тави атыр вахны колым торых лыхилт. Микульны юрыхлы туньчь лотны олты тахил паны вырынг нюлыл. Тави алты торхит энта валат. Лых лильнгыт, тави ичи лилынг.

Кулмит ох

КОТЫНГ ЯХИМНЫ

— Маки нопытны тыт ухыр курып войхит вулыт,— ястыл ачил.— Ма айхи волмам латны, номлэм, иймыта атны кат воихкин каима юхтыхлыккин. Мин ангкемнат ягун вулмын. Ачем илын вул. Ма ай вулым, ангкемны мант атылэмнам кийлат ким энтэм. А воихкин каимны уртыхлылхэн. Ангкем ястыл, чит Торыми велият вахинтылхэн. Мылэхин кунты — ос велы энта вулув. Мытты, чи воих имнам велыя-мытлыя тулымты вар энта тоял. Торымны партлы кунты, чут каим велы выл.

— Чу латны велы валхэн?

— Энта. Ангкем алынг каима мын — велыт инам ий лотны вулыт. Ицык энта каньхимтыхлат. Чу воих лэккин бы туттэхэн. Тул сахет каим ульты ийпалыкнам мынхэн.

— Ос пырны энта юхтыхлыккин?

— Пырны энта. Ит тэм нопытныя, ма энта колылым ухыр курып ут юхтыхлыты ясынг. Ит мув арет олхи их — энтэм. Ухыр курып ут имнам велыя-воиха тулымты вар энта тоял. Ис яхны чены ястылы. Нунг четчеченыпи чены варынты... Топ ийпа чиминт вотлых ясынг чи воих иллы сич. Нунг чу латны аилы вулын.

КУТЮВИ

Амп Кутюви сарпихи сахет имнам ворхи янгкилыл паны ос юхитл. Уртыл имины куц мыратыхиллы, куц имат лапытлы, куц нялкилтыминмосмин тойлы — мыта имхи энта питл. Чу мыта муртыла итыха Кутюви ий пыхр мынл. Имины тунгымтыта курты: кулнам лахитлыл. Чу мыта пырсахет ий латны инам коллых их: импил лолымта рангипых! Кутюви — лолмак! Ими улынг чи кола энта авыл, самхилнат энта вуйтых кунты. А самхин вуим вара энта авылты ким энтэм. Олынг латны ими кул хот сунгпытыны выс сихтых. Номыксых, оскал кул хот, мыта тухрынг нухит пыкемтым тахины лоньч илы сылымтых. Тухыр кул хот вул. Ий катл волым пырны самыл чу выса куй: алы мыта инэлхицык их паны

мыталы талым курасив лэк кыч. Мыта воих пар тыхи куихлых, тухины лувны поны. Ницы, липык. Лув хоты пылты вар энта тоял. Ар липык волты олны, па латны ицык ларпи кэнмин оч лыхпалыка лангты вар тойлыт. Липык куихлых кунты — ои вар! Чу выса чапкас омытта ихилых. Но энта умыт. Сар илы рувытты тахия ихмин. Номыксыл, икем лухи юхитл. Лув чапкас мустымин омытл. Лув мастер. Колым катл мыным пырны, икил юхит. Ястых луваты, кул хоты ий мыта воих кул алт. Алынг икил тухи янгкилых. Пырхи юхитмала, няккитых:

— Кутювины кулла аллат!

— Чут мухкола ястылын?! Мыта няхлын пар?!

— Кутюви лолмак.

— Чут кулны?! Ницы, липык?!

— Энта липык. Тэм олны липык цымыл.

— Онтыкапи кымлых. Чу кымлых лолымта атым ут. Чит вылэ кацынг коны инам вулы.

— Номыксылын, ма кымлых Кутювия турыптылэм? — няккитых икил.

— Кутюви чака лолымты вар кунтапи энта туй! — нявым ими.— Пунглыла куц мувылы пона — парлыхалны энта вылтых. Лыты отат тырмыт — энта вылтых. Чи варыл ма вулэм. Чимынт амп чака кулха энта волылых.

— Чапкас умта. Оихтылэ, кояхины кулла аллат! — икилны варлы.— Мантэм энта авыллын кунты, оихтылэ!

— Нунг топ няхлын!..

— Нухытны, чу кул хот высны, ма Кутюви пун оихтым! — их икил.— Лух тухнам янгкилыл. Па кояхи.

Ими кул хота янгкимал пырны, авыл. Цопынгка, нухны нэви пуны муры. Кутюви пун. Вот муват лолымта их? — чит тунгымтыта куртых. Ягу лангмала, икил пыриптых:

— Мувылы чу кулнат варл? Энта вылэ сымыл валлы?

— Ампыт па латны чимынт вар тойлыт,— ястых икил.— Лыты от томхи кицахи каняхтылыт. Чуминт, мытахия лоттыты вар тойлыт.

— Тэм олны па курасивхи их. Сарпихи олытны чимынт энтэм вул. Па ур па варынтыл. Куты их? Ницы, ысекки ита их, пырсамлы — вот ар ур и варынтыл?!

— Чака пырсамты муртылая кулха энта их. Лув вылэ энта цыкы ысех.

— Ма колылмамны, ампыт чу пырсамтылха ар ур варынтыта илыт. А Кутювия, цопынгка, цыкы пырысхи кулха энта их.

— Я чит-я нурлых ясныт. Ал каналтэ,— икил их.— Лухнам мыта латны лавыл. Ал каналтэ. Алы вуе.

Катлын, ики воих кинца мыным пырны, имины Кутюви чу кул хот выса вуви паны нок памилта вари:

— Нунг муват кул хот высхи варэ, а?! Нунг муват кул лолымтын, а?! Мувы сыма валлы? Илэмпи энта тойлын, Кутюви? Илэм энтэм, а? А-а — илэмто! Илэм!

Кутюви лыхил почалтымин уртыл ими кучингны люль. Ими суйнам колынтыл. Лэйлых, лейлых паны номсынг самхил ылы асылхил.

— А-а, вулэм — илэм нунгаты. Энта муват лолымлын? Кулнам лыты отта цевилыла? — пырилы уртыл имины.— Ос ал лылма. Ал мант, нунг уртынг име, чиминт грегат вара. И урта чиминт грегат ал варе. Коллэ?! Нунг вылэ кацынг кол инам тунгымтылэ, инам!

Уртыл имины чу выс тухрынг нухытат тавкии паны кемылта волты палкилы лоньчат кыны. Муват амп атым тэвлыма унылтылы, номыксыл ими. Лувы лыл чут, мувылыят понлы, мувылыят мылы. Варыл тэрмым пырны, ими ягунам суц.

Кутюви кацынг катл па вар атылтыл. Кухин чены рангипых. Чу катл иттэн икил топ кунилнат ягу юхит. Лапыт урыкки куккинам воих кинца янгкилых. Лув шай еньча ымыл, а ими нявмыл, кулны лых лув янгкилмал мари вулыт. Авин мыта арет ийлып колыт ястыта их. Микуль похин топ кемын ентых, ягу вувнат пахтыптыхиллы. Велит энта куньчит. Лыхнам вицини кацынг алынг ягунам юлыт. Инэл нерымы пойтэки поры юхтыхлых. Немрых катл оч кучингны кылыпыт. Мыта мари суйлых вул. Чут пырны нявым:

«Ий вар панам — Кутюви кулатты мын».

«Чут кулнам мын?» — икины мыта мари омысмал пырны пырипи.

«Кояхины вулы?! — Мавыл пит — паны мын. Мынг номыксылув, нунг пырены юв».

«Мантэм чуминт мытлы юхтыхлым энтэм».

«Цаль,— имил их.— Номсынг амп вул. Топ нявымты кул энта вуй. А тунгымтыта — кацынг кол тунгымтых. Вонта мын кунты — цаль».

«Энта улынг кулнам мын? — нявмилыл ики.— Ванны пухил-мытли энтэм. Ях кухин воллыт. Мув мари тыт воллув, мыта пухил-нампи энта кунтылых. Мувы цопынгка вонта мын?»

«Чуминт колнам колынтыты амп вул! — номлахты имины.— Мувылы варта парлэ — инам варлытых. Олынта парлэ — олынл. Кычахат варлэ — энта ропысл».

«Самты, ий яхлалнам туха лангкал. Кухин воллув, амп алы нецынгка энта вуилыл. Вицини атылылнам. Ницы, чены омысмин нок яксалты паны яхнам, амп волты пухилнам кунт?»

«И имнам ропысты вар инам энта туй. Топ вар вуталны ропысл».

«Пыхырат выта мустых, ос ий ампат. Катхин чут нок энта яксал-тылэхин»,— номыксыл уртынг ики. Луваты ичи цаль вул: Кутюви ланг-кинам паны лукнам им. Вондырнампи им вул. Сувэсны чиминт амплых, алы котлых.

Шай еньмал пырны, олынхин. Ими топ Кутювинам номыксых, лув иллыт нявым. Алынг икилнам их:

«Ницы, Кутюви нок кынциллэ?»

«Мув тахии кынлы?»

«Тулых торым. Лэк-охит тоял».

«Цохт вул. Пурги вул. Инам пантыт».

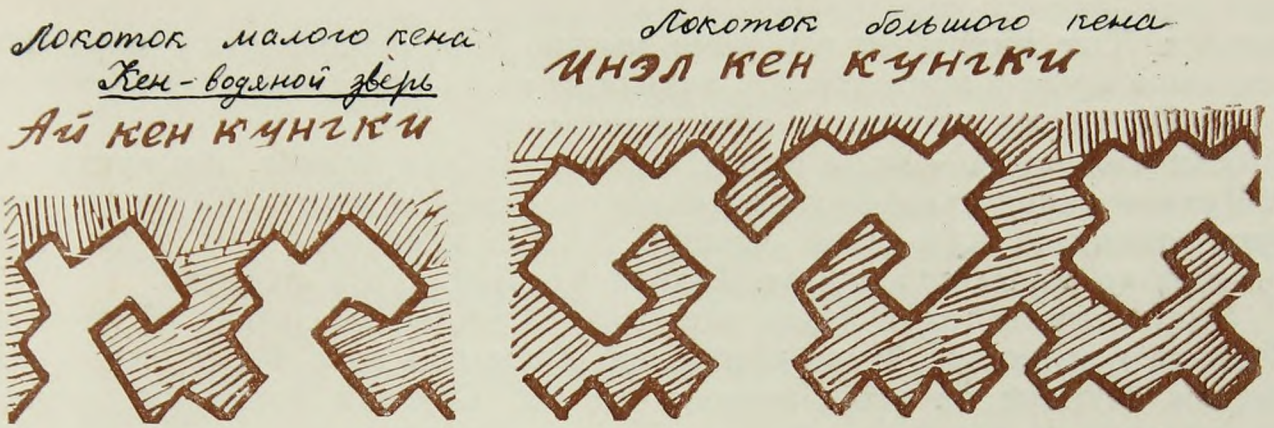
Мыта мари суйлых волмал пырны, ястых:

«Номыксытамны, мув тахии кынлы? И муват кынлы. Лилынг кунты — лухнам юхитл».

«Ченыя-чены: лилынг кунты — юхитл! — лух сахетпал имил их.— Кутюви хотылнам имат тарым».

«Ит амп энта мосл,— понхиллы икины.— Амнат воих кинцым вар сокин. Осхи сувэсны топ амп мусмыхтыл. Вувыл лоньчны. Чу сувыс-я кулха кухин...»

Катлын ики нерым явыннам явпун лёчча мын. Пыр катлытны нерым пытынам липык чапкас омытта нурипых. Ит луваты имат мустым мурта их. Им тави вот катлытны ийлып воих лэки нимылнат янгкилыл. Пецханнат воих кинц, лис-мытли омытл. Чуминт немрых катлыт яхмыт-нермытны янгкилыл. Пухлыт-воцыты кухмыхна пытан, воих-кул волт. Ила волты палыкны ерхан ир тыхи кан — юхлых-помлых нермыт. Чу палыкны воих кинцы мыта ко энта вуилых. Лув атылылнам тэм кухет мыхны воих-кул кинц. Пухилнам чуминт цыкы ярымталка янгкилыл. Алы четхи-кецхи мынта кух тахи — им велинат цохытлых нермыты



кат катылхин. Чут копык авылнат мос. Чу кух мых пытан воих кинцы ях тыхнам кацлыхт. Тэми лув анмым мыхил, па мыта сунгнам мынты номсыл энтэм.

Ий мыта иттэн, ягу юхитмала, ими нялык суйнат их:

«Кутюви юхит. Тэм иттэн, римыккылыта ихима юхит».

«Юхит кунты юхит»,— чукима ихилых ики.

«Нявил имат вачхи их. И мув тахитны янгкилых!»

«Лыптэ?»

«Лыптэм. Юхитмал латны велит ягун вулыт. Велит инам нок каньхимтыл. Сарпины велитны энта пылы. А ит велит инам архинам пулэкинтыт. Чут куты ихит? Энта тунгымтылэм!»

Лын ампхот кучинга суцхин. Кутюви нялык рапыснат кем потыкинтых, ими кот нелып. Алы мыта чу ворхи янгкилмал пытан, уртхил номыс имхи вархиих. Нэвырл, рапысл, нялкилыл. Мувылыет? Ягу юхтым нялкил? Но алынг кунилны нячилекки талыхта рангипых. Уртыл кем ат, ылы кыхэтых. Лав. Чу ко воих кинца маным пырны, ос нингкылта их. Вач суилыят, нячилекки. Чи суй имия нок яксалтым латны, лувны амп илы аслы. Кутюви нок неврымых, ими пухлым палык нелып. Нялк.

«Ма нунгат илы аслым. Но ворхи ос ал мына! — уртыл имины варлы.— Коллэ, Кутюви — ворхи ос ал мына!»

Чут пырны Кутюви ос энта юрилы. Лув кол сахет вул. Катлын чуминт амп хотылны олал, палатны лапынгны волт. Уртыл-ики пун леччи тахии юхиттыка, авыл кучингны ий-кат кулат мытал муци омысл. Ими кул хот охпи пуцл кунты, ийтухины лайхил — кулат курымтыта тухи мынл. Имихин-икихин Микуль пох кемын ентыхтыны, луваты тулмыл. Чу коны, ангкихил-иккил лылхи, чуминт кулат паны няви пулытат мылы. Энта иймыта латны Кутювины кул хот ос высты. Ит ос па сунг-

пытыхи. Тыт имины чи вар икия мыцци. Ики суйлых мыта мари вул, алы мыта мувсыр мувы вар нок номыксых паны тунгымтых. Ий латны их:

— Ий ампны лытыотлых энта пахитлоюв!

«Ал нюхалтэ!» — чены имины тунгымтат лув коллат. Ал кунты ал. А Кутюви сарпи сахет кулатты янгкилыл паны ос юхитл. Сарпихи сахет лухыт-сомыт кулнам мувы цевиил. Имехин-икехинны алы вулы. Амп урыкки, ар варты вар нок ат. Тавихи их. Пой мурта юхитхин.

Лунгытлтыты тахин пухил вансипны, Аган ивылы лельчи ай явынны. Касылта нок питхин. Имат алынг, пой лултыхны анас авлыт лылта рангипхин. Кутюви па авыл кучинга па юл. Сарпихи волмалны, чуминт касылта итыка виципи нелкилыл. Ит энтэм нелкилтал. А анас нюхтыта вармин латны, нопытлыты нюрыт-уцыт ынгтым пырны, оихтытны — Кутюви ос кулатты мын. Ицык энта вуитны, мыта палыкнам мын. Вихытны, вихытны — энта юхит.

— Я лувы, кицыл питл кунты — юта юхитл! Тэми вуты тахилал! — ястых ики паны анас нюхтых.

Нячилекки яхим мынып, мыта лухет нерми лот томпины, лора аслымтыт. Лорны омлыхит. Велит лалтылым пырны, ос нюхлыт. Лор яциха юхитта ихима, сарнахи ики имил суй кунтыхлых:

— Ал мыно! Ийлота ымла!..

Ики кацлых нюрыл пырхи тылтых — куты чи ими их.

— Лэйла, Кутюви юл! — имил вихил.— Энта атылнам юл. Ютал мытли тул!

Икинып оихты. Лор вандынги, лых лэкил кухет, Кутюви ныk аслымтых. Лув ютал колым инэлхицык ихим амп мок. А лых пырилы... Чака энта амп, тунгымты икины. Лыхил паны пылхил сахет лыхпила пит — нэвис пунып ухыр курып ут. Няхчи, вый охтыны юл. Алы мыта вувыл явынгк охтыи мынл — тухины-котлал-курлал пурымлылт. Ныкцык питмала люль. Ванхи юты ким энтэм. Юх поч мыта кимны. Мыта атым вар оихтыл кунты — панынпи пырхинам вувипыл. Кутюви пырхинам аунгрымтых паны ичи ийлота люль. Мыта мари волым пырны ымыл. Топ моклал лув махилтыл ентыхмин нолыплыл. Лыхаты коим вар энтэм.

Мустымин нюл нок аръяллыт — ханты ях, Кутюви паны ухыр курып ут. Суйлых-кийлых. Катл ухырхи пит. Пумынгки их. Лоньч лулта их. Воих кухин вул. Имины олынг латны ухыр курып утхи энта тунгымты. Лыхпила питмал пырны, иймыта латны их:

— Чиминт вар, кимын!.. Ухыр курып ут!.. Ма номыксым, Кутюви пилыхты!.. Тулмылты!..

Ики суй энта вар.

Тыт ими ос нявым:

— Лув велилув энта каньхимтыл?! Мув номыс тоял?

— Велилув? — пырхи пырипи икины.— Чака онта кулнам каньхимтылылт. Чит каим воихки ит их.

— Я ма сара мынлым,— выримтых ими.— Ма чака луват пыллым!

— Мына! — икины сара аслы.

Анас нюхлым пырны, ики ухил пырхинам каримтытых. Кутюви люль паны моклалнат авлыт пыри юв. Лых пырилы ухыр курып ут нюхлых. «Лув, самты, яхлых-куйлых вор мыхны нок яксалты,— номыксыл воихкул кинцы ики.— Атылылнам нок яксалты, инам ярми — чулат ханты ко кучинга куихлых».

Анас мынл. Чу лэк кухет ухыр курып ут курни охты суцыпнат-кухилнат юл.

Нилмит ох

ВАЧ ЯВЫН ЛАНТЫНГ ЯХМЫТНЫ

— Пупи алы нецингка имнам кул-воих кинцы коя нынытты вар энта тоял,— нявым ачил.— Нынытта номлахтылпи кунты суйнат-кийнат. Лук Лякты Ики маки чуминт ясынг арыхлыхил. Исны иймыта воих кинцы ко илы кулмыхтых. Улыв куцымтых панынпи вуимты. Паны чака ингкны нок варыхты. Номылта посхил. Улыв мухты вултых: имат алынг, катл пукын. Юмып-парыпии энтэм, им торым. Инам коллых их — чит мув высы атты ингк?! Паны чи латны мытли юты суй кунтыхтых. Иско мыта вар — панынпи рунгкипыхилмин вуим рахип вар. Ий сам нокцик нюхты, лейлыл: пупи юхит паны улыв охтыя немрых лулыл талы ингк аслымтых. Паны ос явыннам ингкат мын. Чи кеми ко нок панынпи сохъюхила лук. Оянгк воихны юхты.

— Энта имат номлахтых — ко ингкнат варыхтыта! — их Микуль.— Рахпынг мытли кунты, олмынг ко алы мыцыкат аслымтытых!..

— Чуминт грег энта вар. Ко нок варыхтытых. Па латны чуминт ханты коя нынтылты вар тоял. Тухапи каньхимтыты номыснат. Онтыкапи чи лох мок кота пахиттыны. Юха кунгытлыт кунты, паны чу юх пурыка лёльчи. Ангкил колымпа ханты коя нынтыхлыл. Кулмытхи, мытты, ханты коя имат ванхи юхтыхлыл. Чит невремлалнам им улым вар. Чут пырны ий пыхр мынл. Чуминт тыртып тоял... Чи латны пылхилнам лэйлты. Кунты пыл энта тоял, оха наврымтыккил — чут ий пыхр конам юл, атым номыснат. Панынпи лукил. Ос пыл тоял кунты, чут энта лукил, пырхи кирыхлыл.

— Чи вар ма энта вуем! — ястых Микуль.— Чены кимын! Пыл!

— Ар вар кулха энта вулын, пырны тунгымтылэ. Четчече маки тухи-

ны нявмилых: мустымин воихнам ангрымта паныпи тунгымтылэ — мув номыс тоял. Им ли, атым. Лув ханты кои энта канитыхилт.

КАИМНЫ

«Пупи! — нок рыкын Демьян.— Велилам каньхимтыл. Улынг энта рыхымтылам!» Сарынг палкилны, рап кыпылы пупи нокнам ат. Воих оймакки юл, нячиленгки. Демьянны тунгымты, веленг ко кулха энта оихтытых. Лухны панынпи нюр пырхи косипи. Велит люлит, воих юты палык молэкки выил. Но Демьян курпяхлых, туха пупины оихтат. Ит туха панынпи тыхнам сухымтых. Сорха тыхи юмякинл. Мув мары сахлт. И Демьян нопытлыты нюрыл имси котыла явырта вар — улынг калнгыт вувиптыл латны энта рыхымтых.

Ийпа нюр яврымтых. Кимытхи яврымтых.

Нопытлыты нюрыл явыртал сахет, номсыл пырхинам вувипых, пыра кычим оллалнам номлымтых.

Улынг велит энта рыхымтым. Иръевнг ол колхоз велит лахилмин волт. Ар вара юхтыхлыхил, но пыхты сувысны веленг авыл энта рыхымтыхил. Ийпапи энта рыхымтыхил. Нюрынг-пивлынг вели юха киврахлыл, тухи явырл кунты, колал. Пыхты мыхны мув лэкилы кинлы? Чит лончь охтыны кунты цои. Но цохт топ кат лапытхин кимны уц питл. Ницы и пырны питл. А нилы инэл калынг — чака цыки ар. Кул-воих кинцы ях кица и так велы цымыл. Сорха вели выты мурта ил. Юхитлыт... Лоньч улынг сорха пит! Цохт охтыны чут ласк. Ои волтыны оихтылат! Ои энтэмны — ицык лэклал энта вулын! Улынг энта рыхымтыта! Энта рыхымтыта, энта рыхымтыта!..

Кулмытхи яврымтытых. Пупи туха ий паста, ий паста.

Номлымтых, кунты айхи волмалны олынг латны пупи вуй. Ихилнат вонт явын кухет лохилтыккин. Иймыта сый онгнынгны пупи ём воньчмин лаих. Имат чорем курасивхи номлытых, энтэпи пыхты вул. Пырны ос чуминт воих энта вуилых. Ханты ко сахет, конхин тойны люль. Имат иэнл паны ухыр воихки номлытых. Чу латны ай неврем вул, мыта каньчикинмалпи энтэм. Ачил мыта пылты курас энта туй. Пупи рытнам аунгрымтых паны алы мыта кацлых утнам мын. Самты энта цыки им номыснат илнам мын — воньчи тахилы илы киты. Инэлхи ихмала, воих-уц кинца рангипмала, энта ийпа — китпа пупи вуилых. Лувнам нилы воих выхилтыхил. Мыта цыки пылты номыспи энта туй. Топ олынг воиха самыл койты латны чуминт нок рыкынты вар туй. Топ олынг латны. Пырны чу мустыты вара лукыл. Мыта лыксыма-уца. Воихнат нюлнам атым номыс энта туйхин. Сахетпин сахет виципи вулхин. Яхны чуминт

няхлы: мытты чу воихнат ийкурасив вулхин. Унлын ваныт. Пупи сорха пытымтыты вар тоял. Лув ичи чуминт. Чу пытымтыталкая пупинамар атым кол варты вар туй. Чу воих луваты мыта рахып варл кунты. Чуминт ицык ысех воих кинцы ях сымыт атымхи илыт. Лихылтыхилта варлы. Чуминт ко вул Демьян.

Нилмылхи яврымтытых. Пупи сахылт.

И пыра кычым лунгны пупи мустымин нок левыэлтых. Имат пытымтыхлы чу куилны. Алы рахып манны чу куилны немрых раки кырхил илы сылхилты. Нок лывтых кунты чут па вар. Чут тунгымтыты вар — лытахи ихим ко мув вар энта варынтыл. А тыт инам рахыпнат лаих. Чу латны нерымны вулыт. Кат волыны Демьян парт авыл паны кырых рак кый. Кимыт катлны чутлал кинца мын. Пырхи атым ванцнат юхит. Пастукт луваты суцыт, пырилыл, куты их. Кимын, чу кот волыха пупи юхит. Раки кырых сунгпыты высхи вартых паны чи рак инам илы сылхилтытых. Чут пырны талых кырых курис лота явытлых паны мынты мыта моцылы мын.

Энта имат лаих — пастукт инам коллых ихит.

«Мых пыкем, тут улынг умыс — ма луват улынг пулат мыим! — нявым Демьян.— Им пулат улынг луват мыим!»

«Чу куе самты нянь варта ихилых! — куяхи мувы няккитых.— Топ керат энта кые!»

«Ма луват улынг чуминт нянят варым — ий пыхр улынг рак-нянь апыл рыхымтых! — левытл Демьян.— Ма луват улынг!..»

«Энта лытыотат тырымтахи ихим мытли вул,— Микуль ачи их.— Чит туха рухпыл варынтыл! Рухпыл лэйлтыл!»

«Энта мыта мары улынг тут умыс. Мант улынг лихлымтых! — ихилыл Демьян.— Ма луват улынг рахыпат лэйлтым! Алы кун пыкем!..»

«Ит энта тави. Мурынгк кухын пунц — алы онта воньчы кицыл энтэм чу куе!»

«Мыта латны сар самхилам кута питл! Чу латны арынлымын тынтылмын! — ихилыл панам ихим пастук.— Коллэ, яврэх курып лолмак! Коллэ?! Самхилам кута сорха пита! Ма нунгат нурыкки варлым! Тунгымтылэ, мувылы нюхалтыта мустыл, а мувылы энта мустыл!»

«Кунтыхлылтых кунты чака има энта юхтыптыло чу куенны! — Демьян ими нок каньчикинтых.— Мос! Че лыха!»

«Мыхил кунтыхлыл! Ит олал мыта юх пурыкны! Я мант колт кунты лувы тыхи юл!.. Котты?! Кунтыхлых? Юхит?! Мыхил кунтыхлыл!» — ий сарацык нюхлых Демьян.

«Мос, мос! — имилны варлы.— Муват чены варлэ. Левытлтэ паны мос!»

«Сар нюла ноптыллоймын! Ма лух самхил нок варлыхилам. Улынг

вуйтых, мув тахии луваты мустыл янгкилта, а мув тахии энта мустыл! Улынг лэвклал-охитлалнам лэйлых!.. Мых рахып! Пыкем! Лолмак!..»

Микульны олынг латны кулы, кулны лэвытлтылы чи воих. Кичимпыр вукынг пан номсынг вонт воих. Ар атым колат вари. Лув ачил пырипых, мувы мустыл чи воих чены левытлтыта. Ачил мыта мары суйлых волмал пырны, ястых: Демьян ысех ко. Онта пыктал пытан чены нявмыл. Онта лув мос чи коллала. Кацынг ко контымтал арет лахирт вон охтыя выл. А Демьян, тухапи, ар — я ар вый. Вылэ пупины энта кичимпыр рак сырыл выи. Энта кичимпыр нянь пулыл выи. Энта кичимпыр...

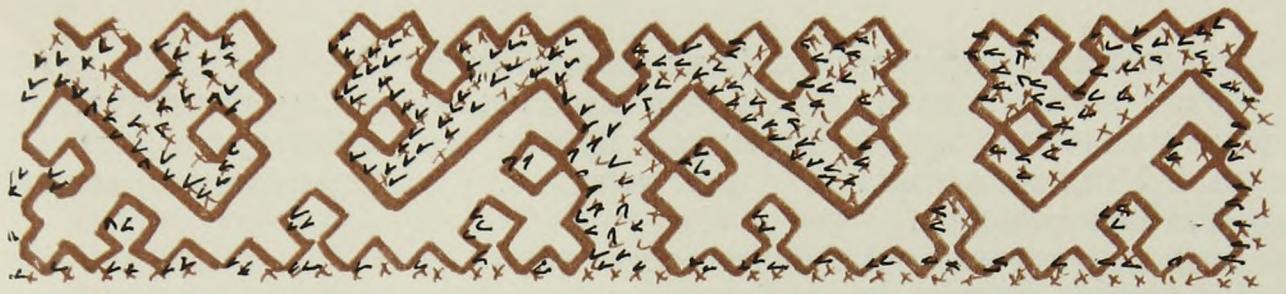
А Демьян лавта курт, ий сарнам:

«Энта котты вусын, лолмак?! Мант коллын?! Шуртын коллын! Шуртын вулын! Оллын мыта высны! Мыха коллын?!»

Чу воихныпи онта цопынг энта кунтыхлы паны лув самхил кута энта патых. Самхил кута энта патых лунг яцы тылысны, нерымны вели тойминлны. И август тылысны, яхима касылмила паны велит асылмила лув самхил кута энта патых. И лунг сувысны, карабиннат каим махлахлыхилмал латны чу куил лув самхила энта патых. Ий кулнам мын. Энта патых. Пырны, иймытлатны Демьянны чу пупи ирынтыл юрыхлытых. Итпы, каим махлахтымин ягунам мынтал сахет тухнам энта номыксых. Лув па варнам номыксых. Сарнамцык кылахлымин, ай мавыпат, лух имат няхылны паны саракки авылны умыс. Номмин тойта мустыл, мувтахины мув арет вели вуй, мувтахинам ар вели мыным лэк, мув арет каньчи вели, лоньч питтыха мувтахины чу велит кинца мустыл. Каим махлахтыты ко ар вар вул. Комытхи волты палыкны нерми кор. Кунхи волты палыкны Ампута явын рап. Веленг лэк яхим кухет сарнам ий пыхр куцимтых. Пыхты павнглыкп нилы калынг. Лых сувыс калнгыт — тулэмыт-пулэмыт, тухрынг-лантынг тахитны авыл алы сахилтылыл.

Чи мынтал сахет — пупи рап кыпылы ат.

Ватмитхи яврымтытых. Кутмитхи. Пупи лант пурги вар.



Литхинам автым нюхс улдых канци

Спинка соболя, вышитая на две стороны

Алынг лув томпия пытхахлымин мын — катылхи сысынг яхмыт-нермыт махлахтыта их. Вели пул паныпи нюр нюхтых. Мыта кухет тахи мынмала, оихтытых: пецхан энтэм, карабин энтэм. Энта кирыхлых: онта энта мусмыхтылхин. Ит-я тухнам номыксым мув им. Чу пецхан куты варлы: мувы пецхана луклы, мувы нопытлыты нюр катыллы. Лыксым вылын — нюр рыхымтылэ. Нюр катыллын — чу лыксымнат кунты лаихлы. Энты нилы кот тоял инам кацынг вара тырымта. Ницы, лыксымлал энта имнам ягу юрыхлыл. Па латны ицык пецханлых нумпи. Ар ура ихиллы.

Лапытмитхи яврымтытых. Пупи ыкилытых.

Нопытлыты нюр туй авыл оль ылпия тавкинт. Ийпа косиптых. Кимитхи косиптых. Ийлатны корых. Котхил ос имат паста вылпита ихккин.

Нилыхмитхи яврымтытых. Воих ий ванхинам, ванхинам.

Мувы рыхымтыллам?! Энта саракки яврэм — мувы котам тыхымтылыт?! Пыхты мыхны тойты нилы калынг ар вув тойлыт. Сангкенг яхимны авыл лахирт. Чит энта явынгк-лоньч, а сангки. Тэм калнтыт лахирт авыла унлыт. Вувиплыт кунты — ханты ко вувпи пыкыл. Энта, ницы, воих ий палыкнам сухымтыл — велит энта каньхымтыл?! Кояхины вулы, мув номыс тоял. Илнам мынл, мувы энта мынл. Ар вув мосл тэм калнгыт катылта, энта рыхымтыта! Ицык ий сар калынг, Ухыр Ангыт, мувылы курасив?! Инэл, почил, лав вувып калынг. Чит Демьян мавыл сар нюр калынг. Кацынг пастух тулхин ий авыл тал калынг паны кат авылталхин ноптых кычыптыл. Чуминт им велыт кыйлыт. Ухыр ангыт авылны цики им энтэм вул. Но цохтнам лухаты юхитты онта оньланг велихин. Мув кулэт цохытныпи, виципи мынл, олынты вар энта тоял. Ват ол томпины лувны авыла унылты, а сархи олны анас калынгки аръялтых. Лухым, нюр-мытли сахет волт. Чи вар пытан Демьянны имат мосмин тойлы. Ит, самты, олынг латны калнгылны пахитлы.

Иръенгмитпа яврымтытых. Воих ий ванхинам.

Велит лэлыхта ихит. Охлал нок нюхтыт, пырхинам ангыллыт. Топ сар нюр калынгна кучинг кутып ко, Вурнги, алы мыта кулха энта курняхлых. Ухил ылы асылтых — лант лыввиил. Туха номыксыл, ко велилат лапытта ийлота ымыл.

Енгмитпа яврымтытых. Воих имат ванами.

Чу пупи юты палыкнам Демьян ухил куц каримтыхилтых — иймытлипи энта вуй. Велитны воихи молэкки таври. Лых пупи самнат ичи кулха энта вуил. Лув пырынг палкилы юл. Тухапи апылны питат. Кутып калынг Вондыр паны палык ко Торых ий курымны нокнам чурымтыккин. Лунгклын суйнат потты мыха питыт.

Ос ийпа яврымтых. Пупи тыткотта ванны.

Демьян алы мыта воих лал суй кунтыхлых. Луват энта вул, а лал суил коллытых. Сар нюр калнгыл сам инэлхи их. Чи самны Демьян ай мавып мытли кунхи поным молыпси охнат вылпякинтых. Пыхты тушинг лар, пыхты опты пынгы, инам вырлых нэви ванц вылпякинтыт. Вылпякинтыт паны кулнам мыныт. Паны чу курымны палык яхкин Вондыр паны Торых вувинны ос чурымтыккин. Чут пырны сар яхкин чурымтыккин. Лых энта ий курымны чурымтыт. Сарпины палык яхкин, чут пырны сар нюр яхкин. Чу урнам Демьянны тортаптат. Энта рыхымтат.

Чукеми ос ийпа яврымтых. Пупи туха авыла канта их.

Велит ос чурымтыт. Ичи энта ий курымны. Чу урнам пык. Нопытлыты нюрат яврым котыл ий пырх тухи тангимтых.

Ит нопытлыты нюрыл яврымтыта энта тэрым. Калнгыт комытхинам вувипыт — Демьян махилты мыныт. Велит пыри авыл ичи ангкыл махил-

Пупи лалып. Чи лал пумны Демьян инам мухты мыны. Ох опытлалы Ванлын ванлына. Самлын самлына. Пупи кур туйны люль. Кутынны топ авыл.

Тыт калнгыт ий курымны чурымтыт. Нопытлыты нюр тахимтых. Веленг авыл чет алы лант пурги вар.

Ханты ко пан пупи. Нюла кычхин. Ит кутынны иймытлипи энтэм.

Охлын охлына. Ванцлын ванцлына. Самлын самлына.

Лёльлихин. Мыта марахи их. Ос мыта мары. Ос.

Пупи лалып. Чи лал пумны Демьян инам мухты мыны. Ох опытлалы курпытахил муцы. Цомы курымны мухты мыны.

Тыт пупи каталхил охтыя корых пан илнам вувипых. Велэнг авыл ий сунгнам, пупи — па сунгнам.

Ийлатны ханты ко чи лалып. Самхил лилынгки ита иккин. Сымыл нюхлых — архахлыта их. Номысны-колны кулха энта юхты.

Самхинны вуи: мыта кимны авыл унцых яцыха мын — улак нюр тахимтых. Авыл кыч. Нилы калынг сарнам. Тотынцык велит юх китпии

мыныт — рок нюр тахимтых. Сар нюр велихин ийка сахылтыхин. Палык яхкин — ийка.

Велит пантымтыт.

Пупи пантымтых.

Демьян номыслых-коллых ийлотны пурмыхтэх. Мыта мари волым пырны курхилны авылнам тухи. Яхим алы лавилы курпытахил ылпалыкны. Унцхыт ичи алы лавилат. Ухилны кулха ий номыс-колпи энтэм. Самхил алы лавиты юхит-помыта илхин. Пыхи котыл чу мунт тангимтым имси котыла юхит паны нопытлыты нюр лосхилтыта рангипых.

Ий мин вый. Кимыт.

Унцхыт ийкулнам мувы соцлыт, Ангкыл лавиллы. Корхим юх вангкыл.

Кулмит мин.

Вальюхи муры нерым лоты явына волты палыкнам кохилт.

Нилмит мин.

Авыл унцых махилты мынл. Велилых-уцлых, лувнам мынл.

Ватмит мин вый.

Юх пурыкна певыт тыхпинам-тахпинам кирыхлылыт.

Ос ий мин. Ос ий. Ос.

Кацынг ут махилты инам лавилы. Инам кулнам мувы нопытлы.

Котны нопытлыты нюр илы лосхилты паны ченам кулат явты. Самхин авылны олым вели катылты нюра куйхин. Тухапи, охны олынгпи номыс тыв: «Нюр мосл». Котны нюр выи. Курхинны ягунам волты торым палыкнам тухи.

Ий мунтнахи иты яхим мых алы лавилы. Ий мунтнахи иты яхим унцхыт алы лавилат.

Пыркатл пастукт чу Демьян авыл кыим рапа ювыт. Потым лантны лув инам самты: авыл оль лэк, вели лэкыт, ханты ко лэк. Топ чу авыл махилты мыным ангкыл кучингны пупи лэк энтэм вул. Ий палыкны лэк волт, а ангкыл кучингны энтэм.

— Самты авыл оля пурыммин люль,— Микуль ачины поны.— Самты велинат мынты кицыл вул. Па кулны?!

— Цопынгка, чу куеннат ий авылны мынытны, Демьян! — алы няхыт пастукт.— Пупинат ий авылны!

Ий чу катылны нюрынг, калнгыт нок кинцат паны китлат. Топ Ал юхтэхат!

Ий чу катылны нюрынг калнгыт нок кинцат паны китлат. Топ нилмит ко, Торых, цохт питым пырны китлы. Инам лилынгки ихит. Топ Демьян вели катылты нюр ий пыхр мын: авылны энтэм и ягу энта тухтых.

— Чит-я мустымин номлэм: нюр выем! — ихилыл Демьян.— Выймам — выем! Номлэм! А вот котты — энта вулэм! Ий кулы пулэм?..

Вели катылты нюрыл ченыпи мын. Энта оихты. Ий кулнам лавнг. Пырны ехлихи их. Вели ыкитты мурта их Пастухт юхин — катлын авылы энта вахлыхлыт. Велит ыкитмин лаихлыт. Чу пупи ко авыла лалнгилым вар алы мыта юрыхлы. Топ Микуль читахи виципи номысны туйтых. Муват чиким ванхи воих янгкилых ханты коя? Мыта олнгасынг воих онтыкапи нялхит воих — чут тунгымтыты тахи. Тэми инам таланг пупи. Иймыта илынны ачил чи иллы пырипых:

— Муват чи пупины Демьян чиким атымхи варынты? Инам авыла лалтэ?!

— Лух лухнам вар панам вар: лувнам пупи рувмылтых! — ястых ачил.— Пупи рап кыпылы ат, лэйлыл — велит лельчыт. Паныпи тухнам. А Демьян велит томпины воихны энта вулы. Чиким няхил ко, калынг ухрет. Лель, велилат кыйпины нопытлыты нюрыл котылнам явырл. Топ велит лув махилты вувипым латны, пупинат ийхи чи ваккинхин. Инам каньчикинхин. Пупи ичи сымыл мын — ханты ко оихтыта энта номыксых. Мыта мары тухзины люльхин. Ханты ко алы айхи их. Тыт пупи илнам вувипых. Тухапи атым номыс энта туй. Ханты коны чит рувмылты.

— Энта, ницы, чу лунгын Демьянны левытлымал пытан чены воих лаих?! — пырипи Микульны.— Имат чака вылэ пупинам чу латны ливыт.

— Чака палыккыта чу вар пытан,— их ачил.— Луваты вихта мустых. Пупины улынг чут оихты: чи велит ханты ко тойлыт. Чут улынг панынпи илнам мын. Тэми коны рувмылты. Имнам воих-кул чены лайхилтыта энта мустыл. Лук лякты четчечепи маки чены ястыхилт. Им номысныат воихнам-кулнам волта мустыл.

Ватмит ох

ВОИХ КИНЦА РАНГИПМАЛ ЛАТНЫ

— Мынг мув сирыв ях вусув? — Микуль пырипых.

— Мынг сирив кухилта юл,— нявым ихил.— Мынг инпк воих сирыв ях. Чу воих — махи. Чи сирыв ях инам нунг рахим яхла: еила-опила, монила-нингила, икила-имила. Вот Лейков ях па пуцнам тойлыт, а ичи нунг рахим яхла. Лых ичи махи сирыв ях.

— Ма номыксым, мынг инэл воих сирыв ях,— их Микуль.— Махи чут мухилы?! Картинканы школаны вуем — ай воих. Ай мавып. Тэм мыхны лув инам энтэм. Алы намыл кич — махи.

— Чут-я цопынгка, ай мавып воих паны тэм мыхны энтэм. Энта ий

мыта нопытныя кичимпыр тынынг воих чут вул. Ма ихимныпи чены арыхлыхлы. Тэм мыхны ар махи вул. Пырны, нэви кон ютны, яхны инам махит валат. Пуц курлых тухи чу воих тынынг сохил пытан. Лук Лякты Ики ихим тухины ихилых, янгкинглат номыс воихнам имхи ита мыта нопытны, ницы махи тэм мыха пырхи юхитл. Ницы тэм мыха пырхи юхитлыт. Волмил явныт-лорыта юхитлыт. Ницы нунг оихтылта мыта нопытны.

— Ма колмамны инэл рап, Кав рап кучингны койлых тахины, заповедникны анымтылат,— ястых Микуль.— Чу Урал рап кучингны лых энта валлат, топ нок анымтылат.

— Чены-чены, ма сахетпам, чи вар чу четчеченны сар вуи: мыта латны чи войхит анмым мыхила юхитлыт. Чу сахет кунты, нунг еще мынг сирпив махи войхит вулын. Тохапи мыта латны вулын.

СУВЭС ИНГК КУЧИНГНЫ

Лор ингк алы потым явынгк — ицык энта нюхлыл. Ингк ох сохи катл котыт паны сувыс кул пылнгыт мынлыт. Па латны лых ингк почны олты пупи яцыха илыт. Чи латны воих ос пыхтахицык ил. Унгкыт ийпахи ингк почны вул. Но лор ингкны энта нехалты. Лор ингкны энта юхитлы. Лор тавын вул, воих нюхалтыты кицыл энтэм вул. И Микульны ичи нюхалтыта энта вари. Лув ванхи лохилтых — воих энта нюхлых. Энта чи воих мув ура их, номыксыл Микуль. Ници мыта ко нелхитхи аслым воих? Энта мыта копи воих лякилым суй энтэм вул. Лув улынг култых. Чуминт ясынг энтэм вул. Ницы номылта? Вертолеты? Энта пыра кичим катлытны тэм палыкны вертолет суй энта колылых. Паны мув ура воих их?! Лув ийпапи чуминт ясынг энта колылых, улынг чи воих лухнам пырсхи ихмин паны мыта кыни уц ылы тырмилых. Ачилыпи энта колылых. И Лук Лякты Ики четчечил, яснгыт сахет, чиминт вар энта вуилых. Паны куты их тэм воих?! Инам имнам-я вонт мыхны лух куты ил. Туха мыта ура их.

Энта сар нок лэйлтэм, номлымтых Микуль паны уты кил. Мыта мары воих кучингны люль паны утнам воих лэк кухет мын. Чу лэкны явын вор пои муринам тухи. Сарпины илы нолалтым вальюхи мурит, илы томрым мив паит, курис лотытны нок нечим цамыц. Иймыта латны пои мури ворык лота корых. Моритым ай юхит-помыт, моритым нухит-сомыт. Кух курып ко лэк. Тухапи нынг воих. Имат паста мынмал тахи — вонт савины лунгк выслал мылыт. Чу пупи тылсахет лор вандынгнам мынмалтахи. Тылсахет.

Кух курып ко пои мурины кылипмал тахи. Поймок лыптыт-карыт

лывмин лаих. Тыт пупины яцалы аты. Паны ныпыттых. Конхэн туя пит пан номылта воих охтынам корых Чи латны ноптых ийпалыкнам вувипых. Пупи талых тахия пит. Топ имси каталнат курняви палык ярсымтых. Лув ийпа корыхтых — чуким ундыл ванхи их. Каталхил кыцынат вонт сави охтыя питхэн. Панынпи воих пыри понымтых. Тыт юхи мури томпии лув ичахил кор потыкинтых — ангытхэл ича китл.

Пупи алы айхи их: мув тахии ангтынг кор ат! Лув сувэсны кора энта пыкил. Цопынгпи сарылта, ангтынг палкилы. Но лув томпия паста сухэл, илы яврымтыта энта тэрым — пан ангытхэна пал! Контуя питмал пырны пал. Конхэн мых рыхимтыккин. Мых энтэм. Торым вах энтэм. Катл энтэм. Мытлыпи энтэм, алы лылынг сангки курымтых — пан лув энтэмхи их. Ийлатны конхэн мых оихтыккин. Чи латны кунхипам неврымых, ох пырхи — ангытхины потыкинтых панынпи илнам вувипых. Ит илнам сахилта мустыл. Ляль вар тэрым.

Олынг латны лув кыцы энта кул: лыхпил чуким ван вул. Пырны каталлал-конлал вувлых ихил пан тыхнам-тахнам турита вари. Тыт нюха нолыпмин люль. Чи юх ичи сарнам-пырхинам алта вари. Лув ичи сахет нехалтыты. Пыл вырхилтыты суй. Чи суй вонт арпыкт суит инам нок вый: цопасынгки иймыталыпи энта колт.

Мыта мари волым пырны кослыпхил пунц. Юхит-помыт мустымин оихтыхмала, лянгкис вор унтнам курмексыта рангипых. Луваты пумыл мыта мары кичиптыта мус, цымыл сарнам-пырхинам номыксыта. Пумыл, кор ангытхин волым тахии, олынг латны чурыхлымин, пырны посыхмин мын. Потым лыптыт-помытнам выры пумсамлал посыхлыт, посыхлыт.

Юхи мури унтны кат мивкэн кута конт нурмин ымыл. Паны чу ангыт косым тахилал нелта рангипых. Мары лаих. Ий латны тулсахет посыхлых их — пан алы ласыккицык луваты их. Унгкит мив охтыя пон пан алы тухи кулатты мын. Ий мыта латны тыхпи корых — ангыт волым тахил алы лылынг найны вылы. Пайлых тахия вингк пан кыцы тахил потты мыха каналтымин олынтых. Мых ехлыны кеврымыл айхицык вари-ос тухи лувахлых... Цыки ысекки их. Но чи иллы лув энта цаляксых. Вуйтых, тэм вонтытны лув ар невремыл волт. Лых инам ит цавыкнглыт и, ницы, луват ихкипи энта лунгытлыт. Ит луват пыхиртыты урпы энта тойлыт. Но лых имхи тэм вонтны, тэм сувысны воллыт. Волты вар лангкмин воллыт. Лых ласыкки воллыт. Чит мувы цымыл вар?! Чит мувы ай вар?!

Чит луваты энты олынг ангытхин. Энты олынг кыцы. Ноптыл мари ар им-атым вуй. Ват-кут ол том палыкны чиминт ура их кунты, луват улынг имхи вар. Улынг нюлым имылтыты лыптыт-помыт нок кинц — вонтны лув чуминт от ар вул — паны мыта лянгкыс явын вора имылтыхилта олынтых. Аим-китымхи волмал латны, нюлым имат сорха нок

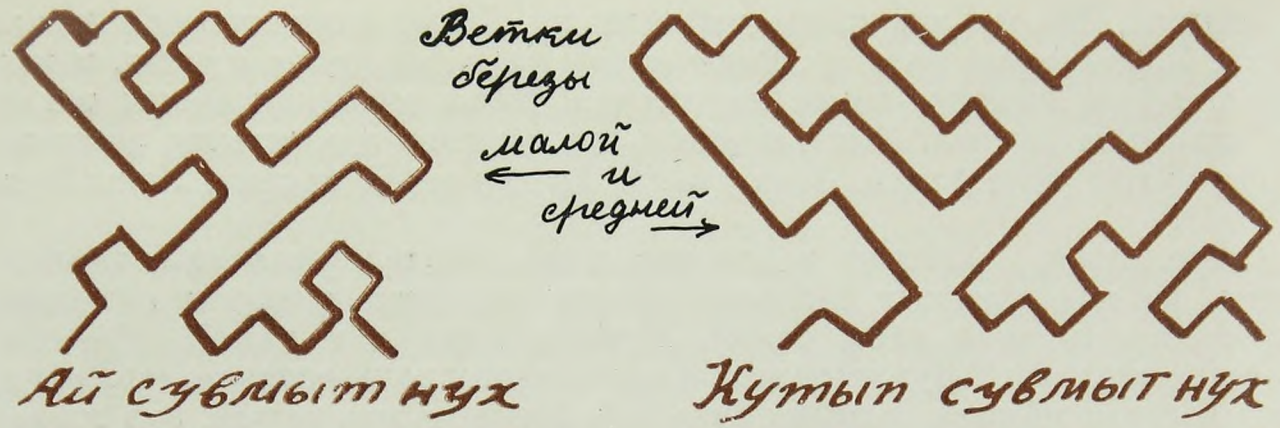
имылтыхил. Но ит лув цыкы пырисхи их. Паны ехли сувыспи цыкы ванны. Варты варпи имат ар. Вонгк варты тахи нок кинца мустыл, вонгк кынта, сорым лыпытат-помат ларымтыта. Паны ангытхин волым тахит нок имылтыта мустыл. Кыцы нявинат лух, па копи лув сирылы, энтэцык вонгка тулых унца олынл. Энта олынл. Ар вар варта мустыл. Паны Ики тэрмыл?!

Сувэс, сувэс. Лилынгки волты вар сувэс. Варлал варта энта тэрмыл кунты, котлых-лунгклых цохтынг вонтны корхилты тахилны лахилты. Явынгк-лоньчь паны атым номыс. Мувылы кица чит икия?! Мувылы пытан чиминт грег?! Лув атым номыс ханты яхнам паны вонтнам, торымнам паны мыхнам иймыта латныпи энта туй. Энты тоймал пытан, лув мынл. И, ницы, мынты мыта лэк пытылны ий пилыл оихтыл. Чутыл чу тахинам мын, мувтахинам сувэс иймыта латны кацын воих-кул тул. Кацинг хантых-мытли тул. Сувэс, сувэс...

Лув олтал сахет коллытых, кулны пумыл потты мыхнам, потты вонтнам, потты юхит-помытнам мынл. Лув суйлых-кийлых ул. Луваты им вул. Чулат им вул, лув пумыл, лув лыл пытынгыл луват анымтым-тоим мыхнам мынл. Пумыл, лыл пытынгыл тэм вонт мыхила кичл. Лувнам мынты лэкилы мынл, а илсыл пырхи юхитл. Паны лувнампи тэм вонт мыхила пырны кирыхлыл. Лув ий пыхир энта мынл. Лув пырхи юхитл. Чулат луваты им вул. Чулат лув суйлых-кийлых ул. Чулат луваты нюлым имылтыты лыптыт-помыт пан лытыот-мыталы энта мосл. Иймытлипи энта мосл. Лув ул пан колынтых, кунты кичимпыр лилынг пумыл вонт мыха мынл паны илсыл вонта пырхи юл. Илсыл юл — и лувнам юл. Лув энта вуйтых, мув мари чены ул. Ницы, самхин кунимтыты мари. А ницы, ар тылыс-катл.

Иймыта латны унтыл сорта ихмын тыхпи корых. Юхит оихтых. Катл кот оихтых. Торым вах оихтых. Лых сарпи курасив вулыт. Икихи лувны чены номат. Ай невремхи волмалны лых па курасив вулыт. Чи сахет кунты, лув ийлыпхи кулха энта тыв. Кичимпыр лилынг пумыл кулха вонт мыха энта мыйтых. Улынг им номыснат-колнат мынта паны пырхи юхитта, ит топ ехли ингк мосл. Сорты унтыл кица. Унгтыл нокцык нюхтых — мувтахии ингк кинцлы. Комытхи волты палыкны явын, кунхи волты палыкны — лор. Явын ванны, тон тут лохцып кыпыр паны ингк томпия раванг. А лорны сувэс ингк — нэви паны ехли. Маки атымхи ихилты катыллалны лорны энта ийпа имхи варынты. Лохс лорылны лув помлы. Ит кичимпырат лорны сорты унтыл имхи варлы.

Нок пит паны саранг, лэклых-охитлых, лора волты палыкнам понымтых. Ылы питтал тахии ос нок питл паны ос сарнам. Юхит-помыт алы поцым мулэмны выят — палатны атлыт, палатны панлыт. Номыснат вултых, лора юхитлыхалны ий пыхр ылы энта питл паны кичимпыр лилынг



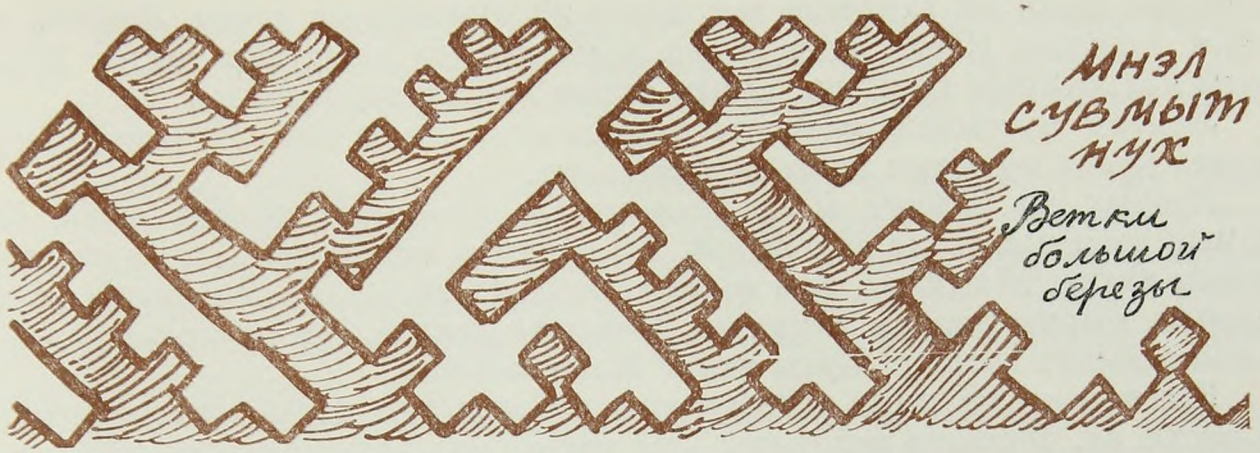
пумыл энта асыллытых. Лув сирыв яхлал варил асылты вар энта тойлыт. Мув вара номыс пон — виципи варлытых, куц нама ухыл понл. Чи тахины па луваты юхтым воих вонтны энтэм. Нирмыта катлыксымин, юхита колыимин, мивыт томырмин, цамыц нечмин сарнам мын. Па тахины соцмин, па тахины вангмин. Топ улынг лорнам, топ улынг сарнам. Сарнам, сарнам...

Сувэс ингк тавын паны нэви вул. Лор суйлых-кийлых вул.

Лув мары ингк им ванцнам лэйлмин ул. Лор лухсыл ванцнам. Мыта мары волым пырны пырхи вангкта куц мыцымтыхил. Тыт имси каталыл ылпалкыла яврымтытых — паны тухи ярым. Нок талты вувпи энтэм. Ос луваты кицылпи энтэм. Сувэс ингкны сорым унтыл тухи лувахты — ит луваты им вул. Тэм торымны иймытлыпи нюхалтыты урыл энтэм. Олтал сахет кунтыхлытых, кулны кичимпыр пумылны, кичимпыр лыл пытынгылны кыйта вари. Лув ицык энта нюхлых, тунгымтытых — чу мурта их. Лув вултых, пумыл мынл, илсыл мынл пырны тэм луват анымтым-тоим вонт мыха юхиттал кица. Лув мыхила пырхи юхитл.

Микуль чу воиха пырхи юхит. Тухи люль. Па иймыта чи кима ихим воих чи кухет тахи энта мынл, лув номлымтых. Топ пупи чиким вар тоял. Тухапи, мув кимапи энта нарии воихны, а сувэс ингкила улынг туха вырахтых...

Тыт самыл воих ылпалыка яврымтым катала куй. Лувны чут имсахет поны, улынг пупи-ики мустымин сувэс ингк кучингны вул.



Кутмит ох

ТУЛЫХ ВОНТНЫ

— Тэм тахины кот мых,— ачил вонт рап вандынгнам ухил кирыхтых.— Мытты исны тыт лунгкит вулыт. Лых котлал омсым тахит. Пырны, мытты, Нум Торымнам мыныт. А мых охты кантых яха киил. Тэм тахи имнам юхил-пумыл нюхалтыта энта мустыл. Алы имат ярымтыныя мыхи яха юх-мыталы авытта мустыл — мынг сирыв яхлыва. Нунг ичи мыхи ко вусын.

— Кул-воих кинцахия мустыл?

— Мыхи яхая мустыл. Па мых яхнам па латны лунгкит валпыслыты вар тойлыт. Маки чуминт яснгыт вулыт.

— Ит-я чака юхлал-помлал авытта варат,— нявым Микуль, кот мых пунгылнахи трактор лэка питмина.— Юх вартыях тыхи юхтыт. Кот мыхнампи вылэ инам энта лэиллыт.

— Ит-я инам цомы рангипыт. Топпи нурлыхты рангипыт. Исны тэм имынг тахит кучингны, имынг явнытны-уритны кул-воих анымты — хилмин-коймин вул. Иймыта конынпи энта нехалты. Пырны арпыкт мыхитнам тылсахет мынл... Ит лув чака воих-кул лангты тахины ярми,— паны лув энта им номыснат вонт палыкки ваньчим лэкнам аунгрымтых — чи лэк пытыны юх лурты ях пухэл.

Мыта мари суйлых волмал пырны, лув их:

— Ит лув кацынг воих-кул... койлых тахины, имынг мыхны ярми. Имат койлых тахины ярми.

ИМЫНГ ЯХИМНЫ

Ис нэвис яхим. Нэвис, алы мыта ийпа тывым лантны нок кутлыпты. Лант куккинам-куккинам яхим кухет мын, инам алы курымтых. Яхим

тахтыны ицык ий сангкенг лот, ицык ий нюлым пул энтэм. Лантны тэм яхим лахилты. Нэвис инэл вувып велы лантны лахилмин тойлы. Тарым воты паны тарым юми, кух тарым ехлыи пан ингки лахилты.

Лантны мустымин махилты инлынг-аинг юхил выи. Кичимпыр ысех юхлал кулха нурыкки паны сара лельлыт.

Кантых ко чиминт ысех инэл унцых кучингны ийлота люль. Пан номын нэви пылнгыта самыл кой. Ар ют пыра кичим иты, лых нячилэкки торым вахны павытлыт, алы мыта кантых ях иплыт. Олынг латны ылнам мыным, пырны нокнам алхимым. Номылта лэилта, кулны яккинг латынг ингкит-мыхит воллыт? Куты ихит? Мувылыл кич?

Юх кар ар ют мары юмны-вотны выймин ичи яхим лант курасивхи, нэвисхи их. Кухэлта лэйлтыны алы мыта ухил нэвихи сорым имип-икип лельт. Катлын сорненг нухлал-котлалны торым вах олал. А юхин унцых туйны нэвис косыт пан матым тылыс ниньчлыт. Алы мыта номынна косыт инам тэм яхимна лант нок кутлыптыта ювыт.

Унцых-ики катлнам волты палкил кирыл вырты — кул лылынг лэв тоял. Ар ют волмал мари, ар лунг катл мары чи пунглыл катл котны пумылты. Чи пумылты-пумылты, махилты ар унгкил-ингкил тухнам тылы. Катлны юх нявил кивырты-кивырты паны иймыта латны вырты лылхи кирыхты. Сары, вах курасив, лылхи их. Па мыта мыхны люль кунты, лув айхи волмал латны ницы авыл оль юхки авты-авыл оль топ лылынг юхи варлы. Оль пыты имат кулал, топ лыл пыкил... Ницы луп юх кица авты пан лахирт варынг лупхи вари. Ницы лонгкихи высты пан авыл оля юри. Ницы кот юх певыртхи авты, ницы лабаз юхки вари. Памыта тахины люль кунты — чут лаимат поны. А тэм тахины лув ицык лаим суй энта колылых, ийконыпи энта нюхтылы. Лув ос ар ол лельт, имат пырисхи итал муцы лельт. Имат пырсемталха мыта латны ылы питл, мых тухирхи-мытлэхи мынл. Па унцых мокт лув павнглыкил охтыны анымлыт. А лылынг палкил энта сорха пыкемтыты. Лув мары унцых тухирхи иты пырны мых охтыны олал. Унцыхи кичимпырат кичлы ут — лыл.

Кантых ко аны инэл унцыхи илнам курым вар. Чи латны корыхты ко вылпекинтым вуй. Ылнам корых. Энтэм. А ингкит-мыхит кычэт.

Ысехпи унцхит сорта кулха энта ихит, лых кулха сарат, кулха талангыт. Чу вар пытан айпи яхлат кулха цопасила энта цавнглыт. Лых ины мустымин ларпахлыта ихит. Нурыкки нокнам мынты туйлат кулха аныпи яхлала энта юхитлыт. Мыта кухет тахи кич. Ит лыхаты анынам пан цымыл нокнам анымта мустыл. Аныпи ях мынты пырны, лых цопынг ях мавылат кичлыт. Лых тэм нэвис лантынг яхим лахилта рангиплыт.

Кантых ко сарнам лант охтыи суц. Лыпилсы кучинга люль. Тохирсы

мокт луватынам нявмыт — кацынг лылынг юх-пом, ко-мыталы тапырхиуцхи мынл. Кацынг лылынг ут мынл — пан пырны кацынг лылынг ут ос юхитл. Алы топ... Мынта — ай вар! Юхитта — инэл вар! Мувы юхитл?! Юхитл?!

Кичимпыр айхи ях — карлых-сомлых тохирсы мокилыт. Лых лыпилсахи лельлыт. Тыт муры, тот муры. Тухапи яхим ворекки ихилым лотыт сахет нок атыт. Коллыт, мув тахии нок атта мустыл. Лых яхим лахилты муртыл имат кулха сарны, инэлпи яхлал пырсемты латны. Ит лых катылны-мыхны топ мустым сахет, котынгты нокнам анымтылат. Нэвис яхимны анымтылат.

Кантых ко яхимны сарнам тулы, сарнам вахлы. Пев корых. Лув ухил нок нюхтых пан атыр вах оихтых. Мары нокнам лейлмин люль пан номысны юхты: кантых ко мынл, а атыр вах кичл. Кантых ко мынл, а ингкитмыхит кичлыт. Кантых ко мынл, а па ко сама питл. Пан атыр вах вициппи кантых ко тоял. И кантых ко вициппи атыр вахнат волт. Пан кыцы номыс нячхи атыр вахнам алхимтахи их. Мых тойты атыр вахнам...

Тэм койлых яхимны тухлынг-курынг воих иймытлынынпи энта нюхалтыты. Оймакки воллыт пан анмылтыхиллыт. Тэм яхим кучингна явныт-уритны, лорытны-нюхитны койлых локитны ингк кул койл пан волт. Тэм ингкит-мыхит, юхит-помыт ийконынпи энта нюхтылат. Имынг яхим, имынг ингк, имынг юхит-помыт.

Тэм нэвыс яхимнам лэйлтыны номыс тухины ил, алы мыта яхим ар ют мары вициппи люль. Кацынг вар тылсахет мын. Яхкинлат тылсахет нок тыв, тылсахет нок ат. Нэвис лантып яхим — ийпа тывым яхим. Самты, яхим тывым пырны, атыр вах, катл, пылнгыт нок тывыт. Чут пырны явныт, урит-лорит нок атыт. Ос мыта мары волым пырны тухлынг-курынг войхит юхтыт. Пырны па ингкит-мыхит атыт. Лых чут инам пырны, пырны... Олынг латны топ тэм яхим вул. Итпи волты яхим. Лылынг лалнат лалты яхим...

Кантых ко яхим кухет нячхи соцл, мустымин колынтыл.
Яхим юхит мувы арых арыхлыт, мувы моньчь моньчлыт.
Нэви лант мувы арых архил, мувы моньчь моньчл.
Нэвис яхим мувы арых архил, мувы моньчь моньчл.
Колынтытых... Яхим лалт. Яхим вылэ лылынг...

Ягельники
Ягельники
Ягельники
Яр Стреляющего Глухарей
Здесь были летние и зимние избушки
Болото
морда
места рода Сардаковых
озеро Бубна
морда
озеро Холодной Воды
Кутюви
зимняя оленья дорога проходит вдоль Агана
река Аган
Лукавище - Большой Яр, где ставил свой самострел старик
самострел
Урманная река
Места охоты старика
Большой Вонтъёган
Болото
таёжные урманы
река Вамбеган течет по сосновому бору
Сосновый бор
Сосновый бор
Верховье Вонтъёгана
поселок
сопки

МОЕМУ ОТЦУ
ДАНИИЛУ РОМАНОВИЧУ,
ОХОТНИКУ И СЛЕДОПЫТУ,
ПОСВЯЩАЮ

Часть первая

Тропою Стреляющего Глухарей

Глава первая
ВВЕРХ ПО ВОНТЪЁГАНУ

— Почему моего деда Глухарей Стреляющим Ики[1] звали? — спросил Микуль у отца.

— Удачлив он был,— ответил отец, оглядывая берега Вонтъёгана.— Глухарей и других зверей-птиц хорошо добывал. Особенно медведей. Поэтому охотники из рода Сардаковых и назвали его Стреляющим Медведей. А детям нельзя было говорить о священном «бупи» — медведе. Они стали звать его Стреляющим Глухарей. Я думаю, в детстве первой добычей твоего деда стал глухарь. В те времена рано шли в тайгу. Как только лук и стрелы поднимали — сразу по следу зверя шли.

— Почему его Ики, Стариком, звали? Он старый был?

— Ики — так называют не только стариков. Так еще людей уважаемых и мудрых зовут. Он понимал язык зверей и птиц, язык деревьев и трав. Люди считали его волшебником, поэтому не называли по имени. А имя его было Роман-ики...

— А за что его люди уважали?

— От него людям тепло было,— сказал отец.— А в те времена, ты, наверно, слыхал, в тайге было мало тепла. Беда ли к кому придет, радость ли — дед твой был легким на подъем, в руках у него всё горело, всё играло... В жизни у него был жаркий костер — людей согревал...

[1] *Ики* — старик.

В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА

Голос костра был ровным и спокойным. Стреляющий Глухарей сидел у огня и слушал. Костер рассказывал ему, о чем шептала эта урманная река в глинистых берегах и о чем думают черные кедрово-еловые урманы за спиной Старика, убегая в голубую дымчатую марь.

Костер поведал ему о думах старого смолистого кедра, который подошел к огню и остановился справа от Старика, чтобы в последний раз перед долгой студеной зимой обсушить свои одежды и погреть руки-ноги, погреть свое большое, теперь уже быстро зябнущее тело. Возле него, за костром, испуганно трепетал куст багульника — ему, видно, стало слишком тепло и он боялся, как бы огонь не обидел его. И Стреляющий Глухарей молча успокоил куст — огонь не тронет его, человек смотрит за огнем. Глядя на багульник, он вспомнил свой первый костер в день вступления на тропу охотника. Тогда вот так же сидел у огня, пил крепкий чай. Вдруг услышал отчетливый тихий стон. Потом увидел у огня маленькую зеленую сосенку — ее всю корежило. Тоненькие беззащитные веточки гнуло из стороны в сторону, они лихорадочно искали место, где им будет лучше, где они выживут. Иголочки на макушке бросились врассыпную, а по стволу медленно ползла прозрачная тяжелая капля — слеза. В следующее мгновение сосенка вспыхнула, рванулась в небо снопом искр и растворилась в желтом пламени костра.

Жило дерево — не стало дерева. Тогда, в день вступления на тропу охотника, он поразился тому, как все это просто и как все это сложно. Хватило мгновения, чтобы превратить сосенку в пепел, чтобы отнять у нее жизнь. Но в то же время, казалось бы, что значит для него жизнь сосенки?! Ничего не значит?! Ведь сосенок-то много. Но... сосенки-то уже нет, а он все еще слышит ее стон и видит ее слезу. Может быть, это оттого, что виноват здесь не огонь, а он, охотник, который развел костер?

Сейчас, сидя у костра, Стреляющий Глухарей внимательно прислушивался к голосу огня. По этому голосу можно узнать, какая будет погода завтра и послезавтра, что впереди еще немало безветренных теплых дней: в такую осень удача никогда не обходила его дом... Сейчас ему много не нужно, тепло еще, соображал он. Большая удача будет нужна в день первозимья, когда тайга наденет свои белые одежды.

Костер говорил, а охотник слушал.

Трепетали светло-желтые языки пламени. Их было три. Три языка, три пламени — это хорошо,— подумал Старик,— три — это хорошее число. Еще три дня можно спокойно плыть вверх по течению навстречу полуденному солнцу.

Костер согревал Старика. Он чувствовал, как огонь ласкает его мозо-

листые крепкие пальцы, шрам на правой щеке, морщины на высоком лбу. Тепло медленно и осторожно входило в него, шло по плотному литому телу, доходило до костей и там останавливалось и тихонько растворялось. Тепло таежного костра никогда его не размаривало, а наоборот, бодрило тело и дух.

Костер хочет единения, думал Стреляющий Глухарей. От костра уютнее стало на берегу урманной реки, к нему придвинулись и старый кедр, и черный урман, и травы, и кусты, и река, и люди — отец и сын. Тепла костра хватало на всех.

Между тем огонь вскипятил чай в закопченном котелке, а затем медленно и степенно, вместе с людьми, вдыхал тонкий аромат крепкого охотничьего напитка, где смешались запахи кедровой смолы и хвои, сизого дымка и осенней листвы, терпкий дух багульника и черемухи.

Голос костра был ровным и спокойным. Стреляющий Глухарей молча смотрел на языки пламени. Сын тоже молчал. Он знал, что костер о чем-то говорит. Но не всё доходило до него, а спросить у отца не решался. Тот обычно говорил в тайге: смотри и слушай. И думай. Человек должен дойти до всего своим умом, и тайгу тоже надо постичь своим умом. И мальчик старался всегда предугадать, что нужно делать в тайге. Он убрал посуду в заплечный мешок и взялся за топорик. Пока отец курит свою трубку, ему делать нечего — и он решил сделать две зарубки на старом кедре. Это будет память о двух охотниках, что останавливались тут. Иногда охотники оставляют свою «подпись» на кострищах и на местах удачной добычи. Он посмотрел на отца, на кедр и отложил свой топорик: наверно, не надо делать зарубки. Наверное, этот кедр — старый друг отца, не зря он тоже придвинулся к костру, подумал мальчик. В ожидании, пока отец выкурит трубку, он отнес топорик и мешок в обласок, высыпал под куст опивки чая и набрал полный котелок воды. Он знал, что ни одно дерево не должно погибнуть от огня и человека. И хотя вокруг костра он сам выбрал на совесть весь мох и всю хвою, и затухающий огонь был в надежном кольце, но ему теперь показалось, что водой-то вернее.

Тут отец вынул изо рта трубку и тихо сказал:

— Зачем костер хочешь обидеть?..

Как — зачем, хотел переспросить мальчик, но смолчал. Почему отец такое сказал, думал он. В чем тут дело, в чем... Время, я забыл о времени, догадался наконец мальчик. Сейчас не теплая весна, не жаркое лето, а осень, прошли первые осенние дожди. Позади осталась пора лесных пожаров. И какая осень — вон какие безветренные погожие дни. Воду обратно не понесешь, думал он и, взглянув на отца, разлил ее вокруг костра, ни капли не уронив на огонь.

— Костер не хочет, чтобы его убивали,— сказал отец, докуривая трубку.

Утихающий голос костра, ровный и спокойный, теперь отчетливо услышал и сын Стреляющего Глухарей.

Глава вторая

НА ПРИВАЛЕ В ПУТИ

— Ты видел, как медведь шаманит? — спросил Микуль отца.

— Видел. Правда, всего один раз. И Старик раньше рассказывал, что редко кто видит это. Редко. А мне довелось... Однажды осенью, когда пришло время спелой брусники... Медведица села на ягель, вытянула ноги, как человек. Посадила на колени медвежат и давай их ласкать: качает их, обнимает, целует. А сама урчит потихоньку, будто колыбельную песню поет — тягуче сладкую и покойную. Шаманит — так ханты считают. Если бы не услышал своими ушами, никогда бы не поверил.

— А она... тебя видела?

— Она в это время ничего не видит и не слышит. Стреляющий Глухарей рассказывал, можно подойти и дотронуться до нее рукой. Она совсем беззащитна, поэтому и надо обходить ее стороной. Не тронешь ее — и она потом никогда не тронет тебя, не застанет врасплох. А из-за детей она может и в огонь, и в воду, и на человека. Ничто ее не остановит. Когда с ружьем на медведя ходишь, медвежат нельзя трогать, только самца надо брать. А медвежат, детей, нельзя трогать.

НА ПЕРЕПРАВЕ

Заночевали на сухой неширокой гриве под сенью разлапистых кедров. После чая посидели немного у костра, прислушиваясь к тихим звукам засыпающей тайги. На сухую прошлогоднюю хвою настелили свежего лапника и поставили колышки для полога-палатки. И как только Стреляющий Глухарей натянул ситцевый полог, сын — Дани — сразу же заснул крепким детским сном. Ночью он ни разу не просыпался, лишь рано утром, когда только-только взошло весеннее солнце, отец разбудил его таинственным шепотом:

— Смотри!..

Сын живо высунулся из полога и замер: вниз по течению, там, где кончается кедровая грива, на песчаном мыске топталась медведица с двумя крохотными, как мохнатые черные рукавицы, медвежатами.

Мать, тихонько рыча, подталкивала детей к воде. Но малыши, видно, не желали купаться в холодной реке — тоненько повизгивая, пятились от берега, стараясь обойти мать и скрыться в кедровнике. Но медведица терпеливо подгоняла их к воде, тыча то мордой, то лапой. А шалуны, навострив уши, все время увертывались. Пока мать подгоняла одного, другой отбегал назад. И всё начиналось сначала.

Что это они делают, соображал сын, выкупаться хотят или просто играют?.. Вода еще холодная...

Он как высунулся наполовину из полога, так и не шевелился. Так близко и столько медведей сразу он еще никогда не видел...

А медведица, кажется, рассердилась на шалунов — угрожающе зарычала и дала легкую оплеуху подвернувшемуся под лапу детенышу. Медвежата разом присмирели — сели на задние лапки, ждут, что еще потребует мать. А медведица осторожно вошла в воду и боком, словно лодка, приткнулась к берегу. Затем проурчала, словно сказала что-то, и малыши проворно, один за другим, взгромоздились ей на спину. Сели верхом, как всадники, опустив задние лапки по бокам медведицы, а передними вцепились в ее бурый загривок.

И медведица плавно поплыла к другому берегу. Над утренней молчаливой водой слышалось лишь легкое повизгиванье.

Медвежата сидели спокойно так, важно, с высоко поднятыми, хитрющими мордашками и со вскинутыми ушками. Видно, в первый раз переправлялись через реку, и это нравилось им.

Медведицу снесло течением, и к противоположному берегу она подплыла там, где начиналась крутизна. Развернулась вдоль берега возле старой, замшелой валежины, один конец которой был в воде, а другой на суше. Медвежата соскочили на валежину, выбрались по ней на землю и радостно забарахтались. Медведица тоже вышла на берег, отряхнулась и скрылась за стволом толстого кедра. Медвежата бросились за ней.

Медведи уже скрылись в тайге, а волна на реке все еще лизала берег, на который она переправилась.

— Вот ведь придумала! — проговорил наконец сын.— Подошвы сапог[1] даже не промочили!

— Тебе повезло...— ответил старик.— Такое нечасто увидишь. А ума у нее, конечно, много, много...

— А ружье-то где? — вспомнил о ружье сын.

— Ружье?! — переспросил Стреляющий Глухарей.— Зачем тебе ружье?.. Оно там, где должно быть.

[1] У охотников-ханты: когда говорят о медведе, подразумевается, что у него не лапы, а сапоги.

Глава третья

У ВЕЧЕРНЕГО КОСТРА

— Люди говорят, что Стреляющий Глухарей великим медвежатником был и за свою жизнь много медведей низводил [1]? — спросил Микуль вечером, когда остановились на ночлег.

— И много. И мало. Сколько ему положено было, столько и низводил. Больше этой своей меры он никогда зверя-птицу не трогал. И рыбу тоже. Он знал свою меру.

— А кто ему эту меру определил?

— Как кто?.. Земля определила. Небо определило. И сам, может, тоже определил. Потому и был великим, что меру свою знал.

— Разве добыча не приносила ему большой радости?

— Приносила. Но еще бóльшую радость ему тайга приносила. Он хотел, чтобы человек в урманах-борах всегда тропы звериные находил. Чтобы осенью-весной его всегда радовала песня перелетных птиц. Чтобы в реках-озерах рыба никогда не переводилась. У земли много Людей — и Деревьев-Трав, и Зверей-Птиц, и Рек-Озер — все они хотят жить, им всегда нужна радость и удача... Чтобы у Людей этой земли была удача и радость.

НЕЧЕСТНЫЙ ОХОТНИК

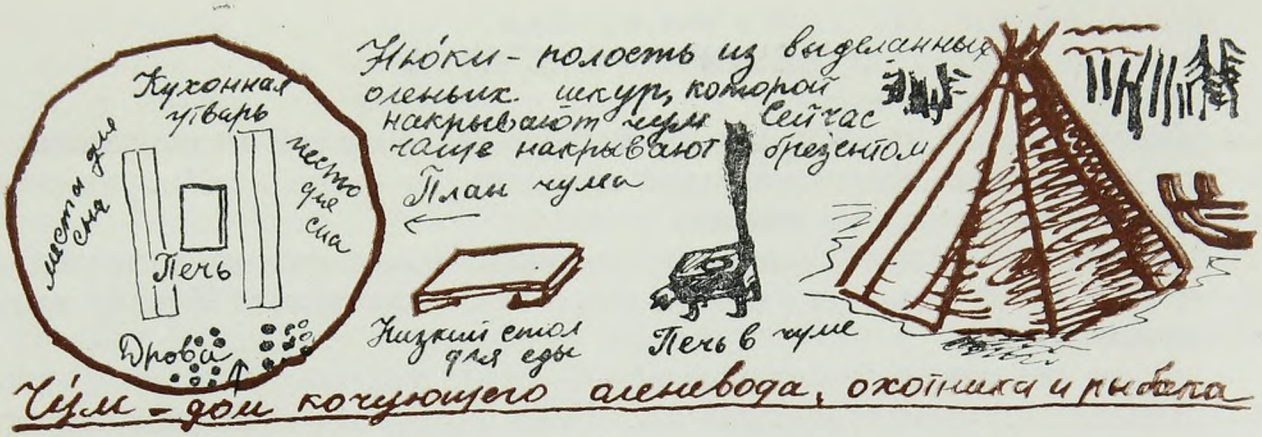
На оконечности речного мыска торчало из воды лосиное ухо. Глинистый берег весь вытоптан. По траве, через заросли тальника, тянулась тропа в сумрачный прибрежный ельник.

Над лосиным ухом роями жужжали мухи и оводы.

Стреляющий Глухарей веслом зацепил лосиную тушу снизу и потянул вверх. Сын помогал ему своим веслом. Из воды медленно и тяжело выплыла безрогая голова лосихи и темный бок с глубокими следами медвежьих когтей. Нет только правой задней ноги — видно, пообедал медведь на славу.

Стреляющий Глухарей причалил обласок к берегу, и они выбрались на сушу. Сын вопросительно взглянул на отца. Тот раскуривал свою трубку и был, кажется, чем-то недоволен — просыпал табак и дважды чертыхнулся на комаров, которые якобы не давали разжечь спичку. Потом, когда, пыхнув трубкой, пустил огромное облако дыма и комарье отхлынуло от него, он выпрямился, его быстрые иззелена-болотные глаза

[1] Так у охотников принято говорить о медведе — низводят его вместо «убивают».

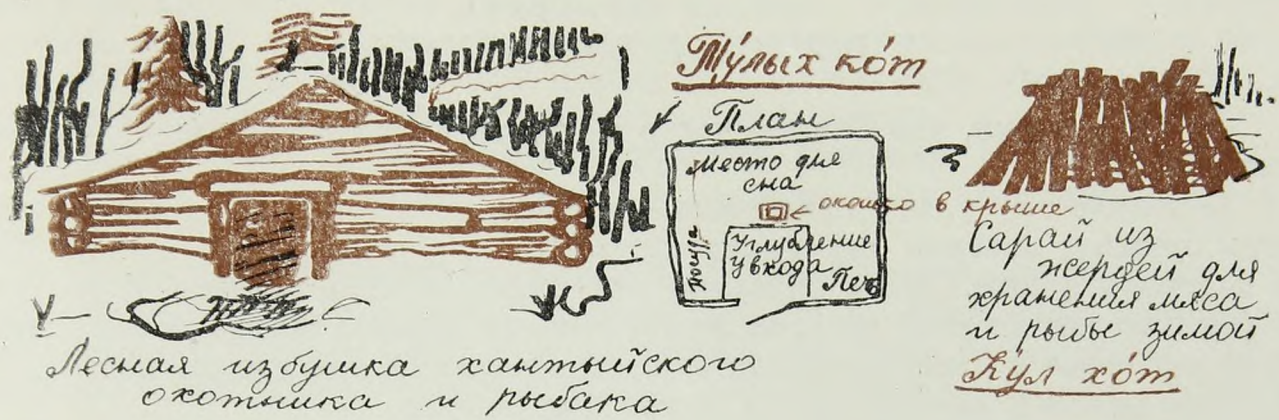


скользнули еще раз по медвежьей тропе, по утоптанному мыску, по лосиному уху и остановились на сыне. Глаза говорили: посмотри внимательно, все тут написано, что и когда случилось.

И сын увидел...

В полдень, когда солнце поднялось совсем высоко, лосиху стали донимать оводы и жара. Комары и мошка ей нипочем, говорит отец, она легко их переносит, а овод, когда она линяет и новая шерсть еще короткая, не дает ей покоя. Лосиха спустилась к реке, постояла в зарослях тальника, прислушиваясь, спокойно ли вокруг, нет ли поблизости кого постороннего. Не учуяв ничего подозрительного, лосиха осторожно вошла в реку и остановилась. Из воды торчала только голова, так было ей хорошо — и прохладно, и оводы не донимают. Стояла так и жевала жвачку. Но как ни чутка была лосиха, а медведя не услышала. Тот подкрался вплотную и с мыска по гладкой няше съехал прямо на спину лосихи. Лосиха хоркнула и рванулась на берег. Может быть, она в бешенстве скинула бы коварного медведя со спины, да ноги засосало мягкое илистое дно — ни туда ни сюда. А медведь железной хваткой вцепился ей в бока, подмял под себя — и лосиха захлебнулась и затихла.

Медведь выбрался на берег, отдышался, сел на корточки и, видно, размышлял, как ему дальше быть. Хоть и был он главным силачом тайги, да на этот раз мочи не хватило — пыхтел, кряхтел, тянул лосиху так и эдак, да не вытянул: больно большая и тяжелая была. А на сушу обязательно надо, чтобы песочком присыпать тушу — быстрее протухнет, духовитее будет — вместо соли. Без соли какой смак?! И без душка какой смак?! Не любит он свежатину, всякое мясо обожает с душком. Наконец не выдержал медведь, прямо в воде начал рвать и глотать свою добычу. Насытившись, притянул тушу поближе к берегу, чтобы не



унесло течением, и медленно и лениво направился в глубину сумрачного ельника. Там лег возле толстой трухлявой валежины на прохладный и мягкий кукушкин лен и задремал — пусть пища переваривается. А к вечеру он снова вернется к своей добыче. И этот его пир будет продолжаться несколько дней, пока он не съест всю тушу лосихи.

Стреляющий Глухарей, посасывая трубку, осматривал следы — медведь большой и упитанный, поперек отпечатка лапы можно поставить ступню в нырике [1]. Он проводил взглядом медвежий след до тальника и вдруг сказал сердито:

— Ты — пакостник!.. Какую лосиху в грязь завалил!..— и добавил в адрес медведя еще несколько крепких слов.

Сын не поверил своим ушам: медведя, священного зверя, главного силача тайги, шамана, сына самого верхнего бога — Нум Торыма — ни один охотник еще не ругал такими словами. Не то чтобы ругать, плохого слова о нем не говорили. А тут...

И сын тихо промолвил:

— Сам говорил: он все слышит...

— Пусть слышит! Я ему говорю,— Старик сердито пыхнул трубкой, искоса поглядел на озадаченного сына, потом пояснил, махнув в сторону ельника: — Это нечестная добыча — на земле бы он не догнал лосиху! Этот — нечестный охотник...— и добавил еще несколько слов, чтобы раскаялся медведь-охотник, чтобы слушал и стыдился и впредь так не делал.

Видно, Стреляющий Глухарей был уверен, что медведь начнет раскаиваться и больше не станет пакостить в тайге. Ведь всякого надо учить жизни, чтобы не скудела тайга, чтобы не обижалась земля на своих обитателей.

[1] *Нырики* — летняя кожаная обувь ханты до колена или паха.

Глава четвертая

В ВЕРХОВЬЕ ВОНТЪЁГАНА

— Ты говорил, что Старик часто с копьем ходил на медведя? — спросил сын.

— Копье ему удачу приносило,— отвечал отец.— У каждого охотника есть оружие, которое ему удачу приносит. А Старик копье любил. Вот и охотился с ним. Все с ружьями охотились. А Стреляющий Глухарей, когда плавали по этой реке, на левой стороне обласка всегда копье возил. Мелкое зверье и птиц для котла ружьем стрелял. А как увидит медведя — бросает ружье и хватает копье. Такой был Старик.

— Всех медведей копьем низводил?

— Луком-самострелом немного. А так на таежных тропах — рогатиной. А ружьем не помню. Они уважали друг друга. Охотник и медведь. Поэтому Стреляющий Глухарей хотел быть на равных со зверем. Справедливый был... Я думаю, ему нужна была охота с копьем — встреча с медведем на равных, борьба с ним, опасность. Однако меру знал. Такой был дед у тебя.

— Копье держать и охотиться он учи́л тебя?

— Учил, помню. Главное — копье надо острием держать вверх, тогда зверь лезвие не видит. Если повернешь плашмя — увидит и ударит лапой.

— Ты ходил с копьем на медведя?

— Нет. Я не взял ни силой, ни ростом, ни отвагой. Стреляющий Глухарей был на две головы выше меня, вдвое шире в плечах. А о силе что сказать — не было ему равных. Он последний, кто с копьем ходил на медведя.

РОГАТИНА

Стреляющий Глухарей позвал медведя. Зверь, услышав его зов, бросился к охотнику. И когда между ними осталось шагов десять, медведь поднялся на задние лапы и, переваливаясь с боку на бок, двинулся черной глыбой, чтобы сверху навалиться на охотника, подмять под себя, одолеть его. Старик крепко сжал древко левой рукой посредине, а правой — возле острия. И, когда медведь почти навис над ним, словно для объятия раскинув лапы, Старик сделал выпад навстречу и всадил острие в левую половину медвежьей груди и тут же, перехватив древко, отскочил назад. На лице он привычно ощутил пронизывающий, горячий выдох зверя.

Рогатина остановила медведя. Он глухо взревел, обеими лапами схва-

тился за древко и начал тянуть его на себя. Стреляющий Глухарей помогал зверю, сдерживая его многопудовую тушу, двигал острие в нужном направлении. Когда лезвие скрылось в густой шубе зверя, Старик по едва ощутимому толчку понял, что попал куда следует.

И оба замерли на мгновение. Отвердели. Онемели. Кто — кого?!

Наконец медведь присел, обмяк и медленно-медленно повалился на правый бок.

Стреляющий Глухарей выпрямился, постоял в задумчивости над медведем, словно оценивая своего противника. Он не чувствовал ни страха, ни усталости. Только руки, сдерживавшие яростный напор зверя, будто немного отяжелели и онемели. Но он привычным движением стряхнул с них онемелость, вытащил трубку, не спеша начал набивать ее табаком, потом так же не спеша раскурил ее. Он был спокоен. Был спокоен, потому что, как себе, своему оружию, своей рогатине верил. На таежных тропах рогатина была самым надежным оружием его. Надежность ее зависела от его рук, которые многое умели и многое видели. Его мозолистые, жесткие ладони помнят скупое тепло березы в пору весеннего сока. Он нашел это деревце на краю березовой рощи, срубил, вытесал и заботливо высушил на весеннем легком ветру в тени старого лабаза. Дерево насквозь пропиталось соком, а потом, когда высохло, так отвердело, что топор не брал — отскакивал. Такое древко рогатины смастерили его руки. Пальцы помнят каждую выемку, каждую царапинку на древке. И поэтому он был спокоен. Древко должно быть надежным, как друг. Никакой медведь тогда не страшен, ни один коготь зверя не заденет тебя.

Стреляющий Глухарей выкурил трубку и тут же снова начал набивать ее табаком.

Потом, когда медведь затих, он почистил лезвие рогатины: сначала пожухлой осенней листвой, затем мягким таежным мхом. Несколько мгновений молча смотрел на холодно блеснувшую сталь своего оружия. Может быть, он говорил своей рогатине: вот и одолели мы с тобой еще одного зверя, я сделаю зарубку на память о нем на толстом дереве. А ты отдыхай до следующей тропы, до следующей охоты. Сделал свое дело — теперь отдыхай.

Он обернул лезвие мягкой вываренной берестой, обмотал бечевкой, вдел в ножны.

В ту осень он больше не собирался идти по медвежьей тропе: он добыл столько, сколько ему было положено. А на большее не имел права — да и сам не хотел. На каждого зверя у него была своя мера. И он никогда не преступал этой меры.

Обласки были перегружены, поэтому он поставил рогатину под разлапистым кедром, чтобы не падала на нее дождевая вода, а под пятку

подложил дощечку — не отсыреет и не сгниет. У него было какое-то нехорошее предчувствие, и он показал сыну, куда поставил рогатину: вдруг да тому понадобится отцовское оружие.

...Много лет спустя его внук Микуль поднял рогатину, осторожно стянул ножны, прикоснулся к холодно-строгому острию и вздрогнул: словно ветром пронзило его, словно прикоснулся к ушедшему времени, прикоснулся к дедовской силе и дедовскому мужеству. Подумал, как долго живет добрая сила и добрая память, даже всесильное время бессильно... Вон сколько лет и зим прошло, как не стало деда, а лезвие не притупилось ничуть, и ржавчина его не взяла. Словно только вчера Стреляющий Глухарей наточил рогатину, надел на лезвие ножны и поставил под разлапистым кедром на крутой излучине в верховье Вонтъёгана. Поставил рогатину на месте добычи последнего медведя, чтобы взять потом. Может быть, он знал, что если сам не возьмет, то сумеют взять сын или внук, будущие охотники...

Глава пятая
НА МЕДВЕЖЬЕЙ ТРОПЕ

— А когда Стреляющий Глухарей с копьем ходил на медведя, не страшно было ему? — интересовался Микуль.

— Некогда было о страхе думать: зверь близко... Может быть, потому и любил он охоту с копьем что — близко. Медведь — самый сильный и самый яростный зверь тайги. В урмане люди только медведя боятся. Женщины его след ягодами посыпают, чтобы он не пугал их. Считают его шаманом тайги, святым зверем. Иногда такое выкинет — слов нет сказать. Он разный бывает, иногда добрее зверя не найдешь.

— Может, Стреляющий Глухарей какой-то секрет знал?

— Вряд ли. Просто понимал умом. Все понимал. И медведей тоже.

— Наверное, только самый смелый с копьем на медведя идет?

— Таким и был твой дед Стреляющий Глухарей. Ничего не боялся. Ни пред чем не останавливался. Иной раз даже бывалые охотники удивлялись. Таким был твой дед...

ЛУКАНИЩЕ

Дело шло к полуночи: воды и берега слились воедино. Стреляющий Глухарей вел за собой караван облясков, будто видел в темноте и урман и реку.

Сын в обласке проснулся от залпа из пяти стволов. По обычаю так извещают домашних, чтобы они приготовились к встрече таежного гостя — охотники возвращаются с удачей.

Четыре дня ездили охотники-промысловики в верховье Вонтъёгана. А возвращались на пустых обласках: осень выдалась неплохая, но охота не принесла удачи.

Припозднились. В черную осеннюю ночь подъезжали к луканищу[1] на Большом Урманном Яру. Там Стреляющий Глухарей четыре дня назад насторожил самострел на медведя — на случай неудачной охоты. Он знал: там хорошая медвежья тропа, и луканище было удачливым в осеннюю пору.

— Лук посмотрим. Думаю, тут нас удача ждет,— предложил Стреляющий Глухарей. Луканище досталось ему от предков и не раз выручало род охотников.

— Ты в своем ли уме! — воскликнул старейший охотник рода.— А если лук выстрелил?!

— Мне это и надо посмотреть,— сказал Стреляющий Глухарей.

— А если раненый зверь там притаился?! — предостерег старейший.— Даже ты — в такую-то темень как?! Ладно, когда светло...

— Если он там, у него шорох-морох есть,— отвечал Стреляющий Глухарей.— Так просто не накинется.

— Раненый зверь все может!

— Ух, тьма-то — дух захватывает! — признался молодой охотник.— За каждым кустом так и мерещится кто-то, чернющий такой.

— Он зверь благородный,— рассуждал Стреляющий Глухарей.— И это... уважение у него к человеку есть.

— И-и... не причаливай! — опять предостерег старейший. Ствола ружейного не видно, в случае чего куда стрелять?!

— Он на должников зол бывает,— сказал Стреляющий Глухарей.— А у меня совесть чиста...

— Тут все охотники заговорили в голос: оставь луканище, завтра проверишь.

Между тем подплыли к луканищу, и, не раздумывая, Стреляющий Глухарей пристал к берегу. Сыну, сидевшему в его обласке, сказал: я быстро, только посмотрю; добычу дома ждут.

— Ладно сам-то, а сына зачем под звериный коготь подводишь! — крикнул старейший.— Хоть бы о сыне подумал!..

— Пусть привыкает,— ответил Стреляющий Глухарей.— Он в обласке сидит.

[1] *Луканище* — место у звериной тропы, где настораживают самострел. Удачливое луканище переходит от поколения к поколению и имеет свое название.

Сын вцепился правой рукой за кустик, чтобы обласок не отбило течением от берега. Отец, как только ступил на землю, сразу растворился во тьме. Видно, на ощупь пробирался по тропинке на гриву, и шагов не слышно. Даже ружье и топор не взял, подумал сын, а если там и вправду раненый зверь притаился?! Кулаком его не пристукнешь! А стрелы на медведя совсем небольшие: наконечник не длиннее бокового ножа [1]. Бывает, раненый зверь прячется возле луканища. Поэтому самострелы проверяют только днем, когда хорошо видны кусты и валежины вокруг. Многое зависит от охотника: иной все рассчитает и так насторожит самострел, что зверь сразу падает замертво на тропу. А если зверь там притаился, что отец будет делать? А что дома ждут — так один раз можно и без добычи вернуться, решил сын.

Охотники, постукивая веслами, подгребали против течения и тихонько переговаривались:

— Все-таки ушел.

— Сам-то ладно, сын страху натерпится.

— С ним-то что, не одного зверя видел.

— Кто знает? Если медведь там — добра не жди...

Охотники смолкли. Над рекой нависла тишина. Непроглядная тьма, безмолвная река, безмолвная земля. Ни звука, ни шороха. Когда отец находился рядом, сын не испытывал страха. Сейчас, невольно съежившись, он впервые почувствовал, как тяжелы темнота и тишина. Эта же тяжесть, видимо, давила и на других охотников на середине реки. Будто вечность прошла. Наконец кто-то не выдержал и крикнул в сторону луканища:

— Ты... живой?! — Эхо глухо отозвалось в прибрежной тайге.

Спустя несколько мгновений из темноты пришли слова Стреляющего Глухарей:

— Только до лука добрался. Выстрелил!

— Иди обратно. Утром отыщем! — крикнул старейший.

— Сейчас. Нитку нащупал, натянута. Может, далеко не ушел, тут свалился.

— Вернись, если жить хочешь! — приказал старейший.— Может быть, там не один зверь! Остальные ждут, притаились!..

Только деревья повторили: «при-та-и-лись»! Больше ни звука!

Охотники тоже притихли, будто съежились и растворились в черноте ночи. Кто-то нервно кашлянул — и опять тишина. Сын знал, медведь редко ходит один, особенно осенью. Обычно живут семейством — медве-

[1] Охотничий нож. В деревянных или костяных ножнах постоянно висит на правом боку на поясе, у левши — на левом.

дица с детенышами и отец-медведь. Если самострел поранит одного, остальные располагаются недалеко в кустах, чтобы не дать его в обиду. Такой вот зверь — медведь.

Тут один из охотников протяжно так выдохнул в сторону луканища:

— Ты-ты-ы-и...— и смолк, будто воздуха не хватило.

— Тут, нашел! — донеслось из темноты.

В обласке кто-то шумно вздохнул.

— Нашел,— шли слова из темноты.— Нащупал. Шубу[1]. Не шевелится... Выходите. Теплый еще, до утра протухнет...

— Там больше их нет, не притаились?! — невольно вырвалось у молодого охотника.

— Не слышно ничего,— отвечал Стреляющий Глухарей.— Если был зверь, так, наверно, давно удрал. Он тоже побоится. Идите.

Охотники вышли на берег, развели костер. А сын кипятил чай и, поглядывая на отца, подумал, что пустые страхи, нагнанные темнотой, тишиной и невидимым зверем, теперь не должны вернуться к нему — он их однажды уже испытал.

Глава шестая
ВОЗЛЕ УСТЬЯ ВОНТЪЁГАНА

— Люди говорят о большой силе деда. Расскажи,— попросил Микуль.

— В ту пору я еще мальцом был,— припомнил отец.— В Сургут ехали. В низовье Агана случайно в дом попали, где медведя плясали[2]. А хозяин, известный на всю реку силач, состязание устроил — на палке всех перетянул. Всех мужчин, человек двадцать. Кого одной рукой, кого двумя. Отец молча наблюдал. Молодой еще был, о нем ничего не знали. Тут ему хозяин-силач: «Иди, Роман! Твой черед!» И люди: «Иди, хоть медведя потешишь — через хозяина перелетишь!» Отец поотнекивался, потом нехотя сел против хозяина. Дали команду. И тут хозяин через отца — хлоп! — растянулся возле порога. Встал, отряхнулся, говорит: «Ма чулкэм![3] Давай снова!» Отец пожал плечами: снова так снова. И хозяин опять — хлоп! — и у порога. Встал, говорит: «Ты первый меня побил. До сих пор сила во мне была. Теперь убедился: сила в тебе, Роман-ики!»

[1] *Шуба* — так называют шкуру медведя, шерсть.

[2] *Медведя плясать* — в честь медведя устраивался праздник: исполнялись песни, танцы, сценки из охотничьей жизни; состязание в силе, борьба и т. д.

[3] *Ма чулкэм!* — Я оплошал!

— А после Стреляющий Глухарей ни с кем не мерялся силой?

— Не помню. Если только с медведем. Сила нужна была ему для охоты, для жизни. Ездить очень любил. Ночью или днем, куда надумает, туда и едет. Не знал устали.

Бывало, когда каслали по болоту, он брал свою мать в обласок. И на перетасках, волоках между озерами, волок облас с домашней утварью и бабушкой. Если та порывалась встать, он говорил: «Будешь тут ноги мочить! Сиди!» А я с пустым обласком кое-как поспевал за ними. Вот для чего сила ему нужна была...

СОН В ОСЕННЮЮ НОЧЬ

Стреляющий Глухарей слышал, как жена тыкала его в бок и шептала:

— Вставай! Пришел!..

А он никак не мог понять, во сне это или наяву. Тут жена опять:

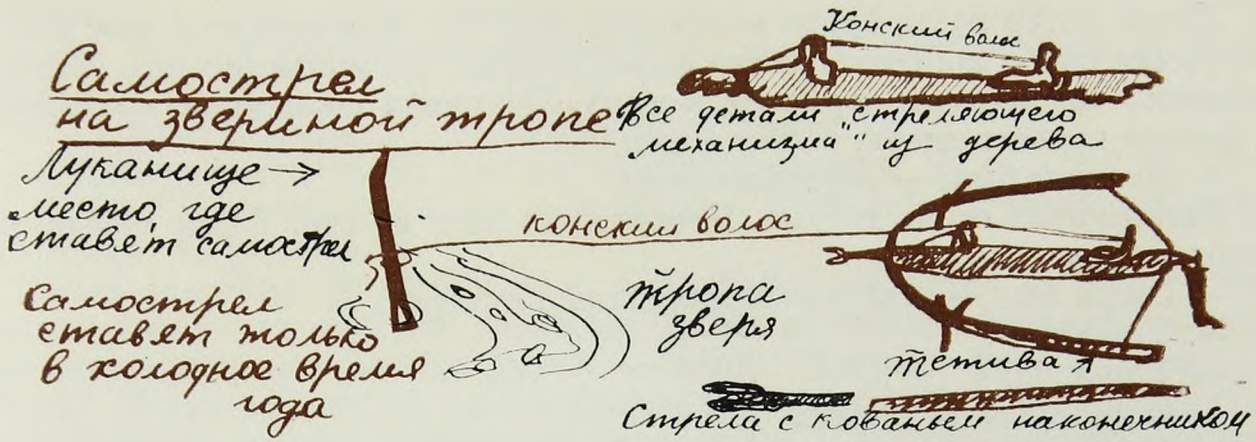
— Вставай! Пришел!..

Он никого не ждал, и к нему никто не должен прийти. Выпавший три дня тому назад снег сегодня к вечеру растаял. Не черная осень и не белая зима. В эту пору кто сюда придет, соображал он. Пешком далеко, а на оленях рано. И снова провалился в сон.

С раннего утра он белковал, обошел почти весь бор. Вернувшись домой, поужинал и сразу заснул. Чутко спал он только в лесу, а в чуме спал крепко и сейчас не мог проснуться. А жена снова шепотом:

— Вставай же! Слышишь, пришел!..

И он опять стал перебирать в памяти, кто бы мог добраться до его становья на дальнем бору. А жена между тем тряхнула его за плечо и, припав к его голове, прошептала испуганно:



— Да вставай же! Дом ломает!

Ах дом ломает, сообразил Стреляющий Глухарей, да я ему!.. Он вскочил, окинул взглядом чум. Слева мирно спали его дети, дочь и сын. В середине чума жена подкидывала дрова в ярко пылающий костер: кого-то огнем хочет напугать. Но тут все были свои. И он, не спросив ничего, бросился на улицу, где должен быть этот таинственный кто-то. Выходя, он заметил краем левого глаза, как нюки[1] в середине чума поползли вниз. И правда ломает, убедился он. Да кто ж ему такое позволил! — в следующий миг мелькнуло в его голове. И он почувствовал, как мгновенно отвердели мышцы и стали наполняться силой. Осенняя ночь чернотой ударила в глаза, ослепила его. Но сила негодования толкнула его в эту черноту, и он вслепую, на ощупь, двинулся вокруг чума. Не было времени ждать, пока глаза привыкнут к темноте... Мелькнул луч света из порванной нюки. Ему показалось, что он успел увидеть жену и спящих детей. Но после света ночь опять ослепила его. «Разве можно ломать дом, в котором есть человек и в котором есть огонь?! — бормотал он.— Никак нельзя! Нельзя ломать!» Он шагнул вперед, и тут руки наткнулись на что-то мокрое и холодное. «А, попался! — не то подумал, не то сказал вслух.— Ломать вздумал?! Детей пугать вздумал?! Да я тебя!..» И он в ярости рванул кого-то, сдавил пальцами и поднял на руки. И шагнул прочь от чума. Шаг, второй шаг, третий... Будто низкое черное небо навалилось на него и вдавливало ступни в застывшую землю. Он сделал еще несколько шагов и отшвырнул свою ношу.

Глухой хрип — и все стихло.

Перед глазами по-прежнему стояла осенняя чернота черной земли, черных сосен, черного неба. Он постоял немного, прислушиваясь к тиши-

[1] *Нюки* — полость из выделанных оленьих шкур, которой накрывают чум. На один чум идет две-три полости.

не. Потом потер руки, будто хотел умыться. Тут почувствовал, как холодная земля слабо пощекотала его голые ступни. Он вспомнил, что босиком выскочил на улицу, и вернулся к чуму. Поправил порванный край нюки и, подняв полость-дверь, вошел в чум.

— Кто там был? — спросила жена.

Потрескивал огонь в чуме. Посапывали дети во сне. Глухо шептались сосны в бору.

— Зверь был,— ответил Стреляющий Глухарей.

— Ушел?

— Ушел.

— Обратно не вернется?

— Не вернется,— успокоил он.— Теперь не вернется.

Жена подложила дров в огонь и принялась за шитье. Старик раскурил трубку, два раза пыхнул ею и лег спать.

— Слышу, кто-то вокруг чума ходит,— говорила жена, поглаживая камус новых кисов.— Сначала подумала — олень ходит. А потом он начал нюки рвать. Тут я немного напугалась. Тебя стала будить. Всякий зверь охотника всегда побаивается. А женщину не боится. Они, звери, все понимают...

Она немного помолчала. Потом спросила:

— Ты почему ружье не взял?! Как в такую темень без ружья?!

Стреляющий Глухарей засыпал с трубкой в зубах. Это самый сладкий сон. Он уже смутно слышал голос жены, но смысл ее слов еще доходил до его сознания. Во-во, в такую темень куда ружье годится, мысленно возражал он жене. Никуда ружье не годится. И к тому же лед встал на реках. И снег был. В эту пору шуба у зверя льдом и снегом обрастает — никакое ружье не поможет. Пуля отскакивает, пуля его не берет.

Видно, жена и сама догадалась об этом, сказала:

— Хотя бы нож взял! Кто на зверя с голыми руками ходит?!

Что ножом сделаешь, возражал Стреляющий Глухарей. Так его и возьмешь ножом, если даже огня не побоялся. Куда там нож!..

Что дальше говорила жена, он уже не слышал — уснул с трубкой в зубах. Ночью только однажды просыпался. По горько-сладкому запаху нашел в потемках трубку, пустил облако дыма, повернулся на другой бок и снова захрапел.

Утром жена сказала ему:

— Ты, оказывается, зверя добыл?

— ...

— Возле нарт лежит. Посмотри.

Он надел домашние кисы и вышел на улицу. Возле нарт на сухой

колодине, на которой он строгал копылья и полозья нартовые, лежал медведь. Ночной снежок припорошил его шубу, обледеневшую и клочкастую.

— Сколько в нем льда-снега,— пробормотал он.

— Чем ты его? Руками, что ли? — спросила жена.

— Чем? — переспросил он и, помолчав, сказал: — Сонный человек... чего только не наделает...

После завтрака он ободрал шатуна. Мясо, жилистое и черное, как уголь, сложил под деревом вдали от жилья и закидал ветками. Шкуру повесил на жердину между двумя соснами. Такова участь медведя-шатуна. Делая все это, он размышлял о том, за что Нум Торым наказал этого медведя, за что вовремя не уложил его в теплую берлогу, за что натравил на человека и на огонь. За что? И, размышляя о Нум Торыме, о медведе, о жизни лесов и болот, он неожиданно пришел к другой мысли: может быть, человек во всем виноват?! Может быть, человек не вовремя потревожил медведя и этим наказал его?! Может быть, и человек. Мало ли неразумных людей на белом свете?!

Часть вторая

ТРОПОЮ МИКУЛЯ

Глава первая
ПЕРЕД ОТПРАВКОЙ В ШКОЛУ

— Хорошо учись,— сказал отец.— Скажут считать — считай: один, два, три... Считать ведь умеешь.

— Считать я умею,— ответил Микуль.— Что я в школе буду делать?

— Бумагу читать научат, по-русски говорить научат и другим разным делам научат.

— В школу я не хочу. В тайге жить хочу, на охоту-рыбалку ходить хочу. Ты вот бумагу читать не умеешь, а звериный след читать можешь...

— Когда я маленький был, школы не было. Отец и мать бумагу читать тоже не умели — кто бы меня научил?..

— Стреляющий Глухарей читать и писать не умел, а таежные тропы знал! И зверя, и рыбу умел брать!

— Что было на этой земле в его время — он все знал. Такой уж он был, все хотел знать, все постигнуть. Если бы школа была — он бы обязательно учился, не обошел бы он школу стороной.

Замолчал Микуль, призадумался.

— Школа в большом селении,— продолжал отец после паузы.— А селение на твоей родной земле, а землю надо хорошо знать... Хорошо в школе учись. Скажут считать — считай: один, два, три... Учись, теперь все дети охотников учатся. Учись и всегда о родившей тебя земле думай...

ПО НАСТУ

Микуль бесшумно мчался по насту. На полянках луч солнца на мгновение ловил его радостное веснушчатое лицо и всю проворную ладную фигурку. За ним едва поспевал неуклюжий круглолицый Егорушка из рода оленевода лесотундры. В тайге ему все было внове, но смелость и уверенность Микуля передавались и ему, рядом с другом он чувствовал себя отважным и смелым.

В эти благодатные весенние дни тайга властно манила ребят, и они, чуть забрезжит рассвет, тайком от всех поднимались и уходили из интерната.

Подражая опытным охотникам, мальчишки шли по тайге, прислушиваясь к весенним звукам. Изредка в первых лучах восходящего солнца где-то с шумом срывался с ветки и падал ледяной комок. Тогда Егорушка хватался за рукоятку ножа, висевшего сбоку в деревянных ножнах. Микуль с улыбкой объяснял другу звуки тайги, которых не надо пугаться, а просто надо знать. Они часами могли бродить по лесу, вслушиваясь в птичью перекличку, разгадывать замысловатые письмена на снегу, дышать смоляным настоем старого бора. В лесу не бывает мертвой тишины: в самую тихую погоду слышно, как перешептываются между собой кусты и ветки, как вздыхает древний дуплистый кедр.

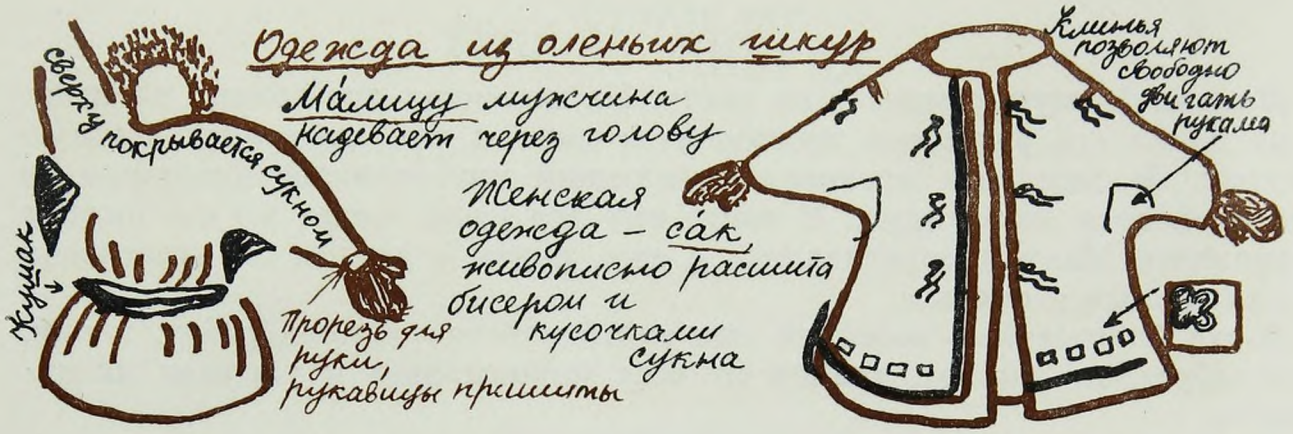
Друзья шли к высокой гриве, что тянулась вдоль урия — глухого речного залива, который мятой подковой огибал поселок. Там в прошлое воскресенье они видели много бурундуков. Весной рано утром зверьки выходят из норок и доверчиво идут на свист. Микуль подражал бурундучьему свисту. На его свист прибегает сразу несколько зверьков. Ребята выскакивают из укрытия и бросаются за зверьками. Бурундучок взбирается на дерево. Если он выбрал тонкую сосенку, то звероловы трясут дерево за ствол. Бурундучок падает и снова бросается в бегство, а ребята за ним.

На сосне бурундук по желтой коре не лазит — гладкая она. Он будет метаться по черной коре на нижней части ствола. Здесь и ловят его ребята петлей из прочной нитки.

Микуль и Егорушка уже четвертый год учатся и живут в школе-интернате. Ко всему привыкли, а без лесных зверюшек жить не могут. Чаще всего в живом уголке они держат бурундуков.

Колючий морозец освежал лицо, горячил щеки и руки. Дышалось легко и свободно. Солнце розово-желтым полукругом выплыло из-за леса и золотило верхушки сосен.

Тайга дышала резкой утренней свежестью. Такая свежесть бывает в тайге только ранней весной. Друзья тихо пробирались вдоль берега



реки. Микуль неожиданно остановился, поманил рукой отставшего друга, раздвигая руками кусты, шепнул:

— Иди сюда! Лэйла [1]!..

И тут Егорушка, ухватившийся за рукоятку ножа, увидел такое, чему не сразу поверил. Среди кустов на проталине, под огромной сосной, лежал коричневый лосенок. Две пары удивленных глаз рассматривали беспомощное существо. А тот спокойно дремал, шевеля во сне торчащими на маленькой головке неестественно большими ушами.

Мальчишки замерли на месте.

— Живой... лосенок! — наконец прошептал непослушными от волнения губами Егорушка.

Друзья сделали шаг. Но лосиха сердито фыркнула и мотнула головой. Шерсть на холке нервно задвигалась. Она вплотную подошла к лосенку. Глаза ее пронзили ребят. А те ее не замечали. Они ничего не видели, кроме маленького лосенка.

Наконец лосиха опустила тяжелую голову и начала лизать наст, а затем влажными губами сорвала с ветки лишайник. Друзья, молча переглянувшись, стали медленно отступать в кусты. Потом повернулись и, не сговариваясь, помчались в сторону поселка. Перевели дух лишь на окраине селения, возле школьной конюшни.

— Есть она хочет! — уверенно заговорил Егорушка.— Давай отнесем ей сена, а?!

— Сена?! — переспросил Микуль.— Я думаю, надо им осиновых веток. Они кору осиновую любят.

— Можно и осину и сено!

— Давай так: я наломаю веток, а ты сено возьмешь. Только быстро!..

[1] *Лэйла* — смотри.

— Да я мигом! — весело откликнулся Егорушка.

Вскоре ребята вернулись на полянку к лосям, положили осиновые ветки и охапку сена на снег и отступили в кусты. Лосиха подошла к веткам, обнюхала их и уставилась на ребят. Запах корма, видимо, дразнил ее, а инстинкт подсказал, что ребята ничего плохого им не сделают — и она начала есть.

Друзья сидели под кустом и как зачарованные смотрели на маленького лосенка и его мать. Запасливый Егорушка достал из-за пазухи краюху хлеба, разломил ее пополам и один кусок отдал другу.

Только они принялись за завтрак, как лосиха вдруг насторожилась. Она бросила корм. Большие уши поднялись и замерли. Немигающие глаза смотрели на ближайший от мальчиков куст. Друзья повернули головы и... Совсем рядом увидели человека с ружьем. Руки поднимали к плечу двустволку. В тишине необычно громко щелкнули курки. Черные стволы выискивают самое уязвимое место — нижнюю часть левой лопатки. Корявый толстый палец нащупал спусковой крючок. Мгновение — и безжизненное тело таежной красавицы рухнет на твердый апрельский наст.

— Стой!..— в голос взвизгнули мальчишки.— Это наш!.. Наш!

Ружье в руках опешившего браконьера вздрогнуло и медленно опустилось. Он злобно глянул на ребят и процедил сквозь зубы:

— У-у-у, гаденыши!

Потоптался еще немного, потом закинул ружейный ремень за плечо, резко повернулся и скрылся в кустах.

— Кто это был? — спросил пришедший в себя Егорушка.— Я только ружье видел, не успел на него глянуть...

— Кирюха,— ответил Микуль.— Я его сразу узнал!

В интернат ребята вернулись поздно вечером и улеглись в кровати

сразу же, как только воспитатель Нина Ивановна объявила отбой. Но заснуть не смогли. Когда все успокоились и стало тихо, Микуль встал и шепотом спросил друга:

— Не спишь?

— Нет,— ответил Егорушка.— Какой тут сон!

— Как ты думаешь, он больше не придет?

— Кирюха-то? Кто знает?

— Пойдем.

Друзья тихонько оделись в темноте, босиком вышли в коридор и бесшумно проскользнули мимо дремавшей ночной сторожихи. Обулись на крыльце.

Короткая весенняя ночь светла и тепла. Тайга в сумерках особенно таинственна: полумрак мохнатым покрывалом окутал деревья и кусты. Боровые сосны казались застывшими богатырями.

Вот и чернотелая косматая сосна, окруженная стайкой мелких кустов. Стараясь не шуметь, друзья замедлили шаг. Но когда приблизились к заветному дереву — увидели в полумраке широко утоптанный снег да под сосной на проталинке коричневые шерстинки. Найдя на краю поляны лосиные следы, Микуль обнаружил на плотном насте глубокие ямки от острых копыт лосенка.

— Ушли!.. — вздохнул Егорушка.

Как будто ушедшие лосиха с лосенком могли услышать, друзья закричали в голос:

— Приходите еще!..

И темный весенний лес повторил:

— Еще-о-о!..

Глава вторая
ДОМА НА КАНИКУЛАХ

— Почему зима такая длинная, а лето такое короткое? — вслух думает Микуль.

— Я про это легенду слышал,— сказал отец.— Предки наши рассказывали. И Стреляющий Глухарей рассказывал... В давние-давние времена здесь стояло вечное лето. Много света и тепла было. И было много птиц: зеленых, голубых, розовых, белых. Взмахом крыльев они солнечное тепло и солнечную ласку притягивали. И само солнце притягивали. Но однажды пришел человек с черным сердцем и птичьи гнезда разорил. Птицы на человека обиделись, в далекие края улетели и с собой солнечное тепло и солнечную ласку унесли. И тогда пришла бесконечная ночь,

и снежная зима пришла, и жестокий холод пришел. И стало человеку и холодно, и голодно, и жутко.

— А потом что? Что же потом?

— А потом... птицы пожалели человека и ему тепло на короткое время стали приносить, чтобы его отогреть, чтобы его суровую югорскую землю обновить. Так передавал мне легенду Стреляющий Глухарей.

ЖУРАВЛИ

В теплый весенний день по узкой тропке, что вела к речонке Еганишке, спешили трое мальчишек. Впереди старшеклассник Пенчо. Дома у него настоящее охотничье ружье есть. Микуль и Егорушка завидовали ему, но старались не показывать этого. Пенчо ни минуты не мог молчать, все время рассказывал какие-то небылицы, что-то придумывал.

— В прошлом году я медвежонка поймал! — рассказывал он, оглядываясь на друзей.— Он был маленький такой, а потом вырос и стал вот так-ким! Громадным, как... пень столетнего кедра. Ну, гляньте! — И он разводил руки и показывал, каким стал медвежонок.

— За одно лето таким стал? — сомневался Микуль.— Такое не бывает!

— Отец, наверное, поймал,— не поверил и Егорушка.— Медведь сильный — в стаде любого оленя свалит! — со знанием дела заключил сын оленевода.

— Буду я врать! — презрительно усмехнулся Пенчо.— Со мной еще не такое приключалось. Рассказать — так ахнешь!..

Через минуту он уже болтал о чем-то другом.

А Микуль больше молчал. Он считал, что в тайге должны разговаривать деревья и травы, мхи и воды. А люди должны слушать.

Деревня скрылась за порыжевшими ветвистыми сосенками. Вышли на берег Еганишки, остановились на небольшой проталине с молодыми березками. Пенчо постучал по стволу березы и вытащил нож. Все приготовились полакомиться березовым соком, но напрасно: сока не было, дерево получило еще мало тепла, не проснулось.

Вдруг над головой раздалось приветливое и радостное: кур-лы, кур-лы-ы, кур-лы-ы-ы!

По-над Еганишкой низко-низко летели три журавля. Пенчо сложил ладони рупором и издал протяжное и зовущее: кур-лы, кур-лы-ы!..

Журавли услышали зов. Плавно, с достоинством описали над ребятами круг и, не обнаружив среди кочек своих сородичей, опустились на край соседнего болота, чтобы отдохнуть и поесть прошлогодней клюквы.

Мальчишки стремглав понеслись в ту сторону. Проваливаясь в ямки между кочками, наполняя талой водой изношенные сапоги, они мчались за журавлями.

Птицы стояли у маленького круглого озерка и подбирали клюкву.

— Стой! — скомандовал Пенчо.— За кусты! Прячьтесь!

Молча смотрели на журавлей. Смотрели, как они вышагивают на высоких ногах, наклоняются за ягодками, оглядываются вокруг, словно выискивают знакомые кочки и болотца, где садились в прошлом году.

— Снимай рубашку! — приказал Пенчо, повернувшись к Егорушке.— Давай быстрей!

Он срезал кривую ветку сосны, торопливо обмотал ее серой рубашкой. А на длинную жердь привязал нож — получилась пика. Натянул на себя серое пальто, к голове приставил сучок сосны и, изогнувшись как журавль, двинулся к птицам. Издали он все-таки смахивал на журавля.

Ребятам он велел притаиться за кочкой. И те молча наблюдали за ним. А птицы спокойно прогуливались по болоту. Пенчо подходил все ближе и ближе...

Тут Микуль вспомнил легенду о том, что весну на эту землю приносят перелетные птицы. Эта земля — их родина. Не надо без нужды убивать птиц. Ведь они могли бы не летать сюда, им хорошо и в теплых краях. А они вот летят, чтобы людям хорошо было.

Вспомнил Микуль легенду, и показалось ему, что Пенчо хочет весну убить.

— Вернись! — закричал он и бросился за Пенчо.

— Уйди прочь! — Пенчо толкнул Микуля в грудь.

Тот, падая на мшистую кочку, успел схватить противника за ногу. Оба скатились в бурую мокрую кашицу болота.

«Кур-лы-ы!» — услышал Микуль и повернул лицо.

В далеком безоблачном небе плыли журавли. Микуль забыл о своем разбитом носе и о холодной лужице, куда упал. Его лицо озарила улыбка: вестников весны не убили. Журавли живы, и весна жива.

Глава третья
У ОЗЕРА ХОЛОДНОЙ ВОДЫ

— В давние времена здесь водились волки,— рассказывал отец.— Я еще маленьким был, помню, ночью однажды на наше пастбище два волка приходили. Долго выли. Отца дома не было, мы с матерью вдвоем. Она не может меня одного оставить, чтобы пойти и оленей проведать.

Мать говорит, волки воют — это они у Торыма оленей выпрашивают. Если разрешит — то оленей больше не увидим. Говорит, волк зря оленей не трогает. Когда Торым разрешит — только тогда он домашнего оленя зарежет.

— И они напали на оленей?

— Нет. Мать утром пошла за оленями — все они на одном месте были, спокойно паслись. Волки мимо них, через все пастбище прошли, потоптались и в сторону болота ушли.

— А после не приходили?

— Нет, больше не приходили. Я не слышал, чтобы они где-то в этих краях появлялись. Сколько лет прошло после этого — не было их... Предки наши говорили, волк зря домашних оленей не трогает. И твой дед так же говорил... Только однажды вовсе необыкновенный случай вышел. Ты еще маленький был, в школу не ходил.

Но Микуль помнил тот случай.

КУТЮВИ

Лайка Кутюви таинственно исчезала и снова появлялась. Хозяйка ласково просила собаку не оставлять дом, гладила ее по голове, сытно кормила, но ничего не помогало. Приходило время — и Кутюви исчезала. Хозяйка ничего не могла понять. А потом Кутюви и вовсе удивила ее: стала воровать! Кутюви — воровка! Хозяйка никогда бы этому не поверила, если бы не увидела все собственными глазами. Сначала она заметила небольшой лаз в углу кул хота [1]. Подумала, что он просто прохудился, обломались ветки и осыпался снег с улицы. Но через день лаз заметно стал побольше, и будто по нему что-то волоком тащили. Она решила, что повадился какой-нибудь зверь. Может быть, песец. Песцы не боятся жилья. И когда с тундры их много приходит, они обычно заходят даже в кораль [2] в надежде чем-либо поживиться. Она хотела поставить в лаз капкан и поймать зверя. Если песец — какая это удача! Но потом подумала: пусть этим делом займется муж, ведь он большой мастер настораживать капкан. Муж вернулся через три дня, и она сказала, что кто-то повадился в кул хот и таскает рыбу. Утром муж сходил туда и с улыбкой сказал:

— Это Кутюви!

[1] *Кул хот* — «кул» — рыба, «хот» — дом. Конусообразный сарай из веток и жердей с круглым или квадратным основанием, зимнее хранилище для рыбы и мяса.

[2] *Кораль* — изгородь вокруг дома, куда загоняют оленей.

— Что ты говоришь?!

— Кутюви таскает рыбу.

— Может быть, это песец?!

— Нет, не песец. В этом году песцов мало.

— Или росомаха. Ведь росомаха — большой пакостник! Это все знают.

— Что я — росомаху от Кутюви не отличу? — рассмеялся муж.

— Кутюви никогда не воровала! — убежденно заговорила хозяйка.— Что хочешь рядом с ней положи — без разрешения не возьмет. С голоду умрет — не возьмет.

— Поставь капкан — сама увидишь, кто рыбу ворует! — посоветовал муж и выдал свой главный аргумент: — На ветках в лазу я нашел шерсть Кутюви!

Хозяйка сбегала в кул хот и убедилась: на ветке клок белой шерсти. Но почему Кутюви стала воровать рыбу? Вернувшись в дом, спросила у мужа:

— Для чего ей рыба? Разве она голодная?!

— У собак иногда бывает такое,— ответил муж.— Про запас пищу прячут. На черный день.

— В этом году она не такая, как в другие годы. Что-то с ней случилось. Может, стареет — вот и чудит.

— До старости ей еще далеко. Не очень старая она.

Днем, после отъезда мужа, хозяйка подозвала Кутюви к лазу и повела разговор:

— Ты зачем продырявила кул хот, а?! Ты зачем рыбу воруешь, а? Разве ты голодная? И не стыдно тебе, Кутюви? Не стыдно, а? Вижу — стыдно тебе! Стыдно!

Кутюви внимательно прислушивалась к голосу хозяйки, отведя в сторону умные всепонимающие глаза, и слабо помахивала хвостом.

— Смотри, больше не воруй,— выговаривала хозяйка.— Не позорь себя и меня, твою хозяйку. И хозяина не позорь. Слышишь?! Ты ведь все понимаешь, все!

Хозяйка закрыла лаз сосновыми ветками, а с улицы закидала снегом. Нечего собаку к беспорядку приучать, пусть ест то, что ей дают, решила она. И с тревогой оглянувшись на свою любимицу, поспешила в дом.

И вспомнила она недавний случай.

В тот вечер муж вернулся домой с охоты на дальнем урочище, где пробыл более недели. И за ужином жена рассказывала ему домашние новости. Дочка выучила несколько новых слов. Сын Микуль играл только на улице, в дом его невозможно было затащить. Олени не болеют, сами домой приходят каждое утро. С большого болота прилетали куропатки, целый день паслись возле кораля.

— Одно плохо — Кутюви пропала,— сказала жена.

— Куда же? — спросил муж после паузы.

— Кто знает?! Отвязалась — и пропала. Мы думали, за тобой убежала.

— Ко мне не приходила.

— Жалко,— опять вздохнула жена.— Все понимала, только говорить не могла. А понимать — все понимала. Жалко, если в урман ушла [1].

— Куда она могла убежать? — соображал хозяин.— Жилья вблизи нет. Люди далеко. Сколько здесь живем, к людям она никогда не убегала. Неужели и вправду в урман ушла?

— И такая послушная была! — вспоминала жена.— Что скажешь — все сделает. Скажешь «ложись» — ляжет. Скажешь «молчи» — молчит. Голос зря никогда не подавала. Только по делу лаяла.

— Надо было все-таки вторую собаку завести. Все бы ей веселее было,— и хозяин тоже пожалел Кутюви: она хороша была на белку и глухаря. Шла и на выдру. Осенью без такой собаки как без рук.

Поужинав, легли спать. Жена все вздыхала и вспоминала Кутюви. Утром она сказала мужу:

— Может, поищешь?

— Где искать? Снег был. Буран был. Все следы занесло. Помолчав немного, добавил в раздумье: — Да и ни к чему искать. Если жива — сама придет.

— Так-так: если жива — придет! — подтвердила жена.— Она свой дом любит.

Днем хозяин уехал на болотную реку проверить морды на окуней и щук. В последующие дни ездил на водораздел настораживать капканы на песца. Пришло славное время его любимой охоты — на подволоках скрадывал зверя по свежему следу, оставлял на звериных тропах силки и капканы. Теперь он целыми днями пропадал на болотах и урочищах. Благо, места были отдаленные и зверья-птицы было достаточно. К северу начиналась ненецкая земля. Там он ни разу еще не встречал охотников. Так и жил с семьей в уединении. В поселок ездил только при большой нужде — по малоснежным болотам добирался за два дня. И то на резвых оленях и на легкой нарте. Из-за этой отдаленности сюда почти не заезжали охотники. Но ему нравилось здесь, и он не думал покидать эти места.

Однажды вечером жена радостно сказала охотнику:

— Кутюви вернулась.

[1] *«В урман уйти»* — устойчивое словосочетание, означающее — погибнуть. Так говорят о домашних животных.

— Вернулась так вернулась,— проговорил хозяин, думая о чем-то своем.

— Худая такая. И где только носилась?!

— Накормила?

— Накормила. А пришла когда, олени дома были. Так оленей напугала. Раньше олени не боялись ее. А тут вскочили — и врассыпную! С чего бы это? Никак не пойму!

Они подошли к конуре. Кутюви выскочила навстречу им, взвизгнула и лизнула руку хозяйки, словно извинялась за долгое отсутствие. Но к утру вдруг встревожилась и начала повизгивать. Хозяин вышел и прикрикнул на нее — замолчала. А после его отъезда на охоту она завыла жалобно и тонко. И когда хозяйке невмоготу стало от ее воя, она отвязала собаку.

— Я отпустила тебя, но ты не убегай! — попросила женщина.— Слышишь, Кутюви,— не убегай!

С тех пор Кутюви не привязывали. Она не лезла туда, куда не разрешали хозяева. Днем лежала в конуре или сидела в сенках избушки. Когда хозяин проверял морды и привозил рыбу, она крутилась вокруг нарты до тех пор, пока не получала одну-две рыбы. Если хозяйка открывала кул хот, она делала то же самое — ждала рыбу. А когда маленький хозяин — Микуль — выходил на улицу поиграть, она бросалась к нему. И тот, тайком от родителей, давал ей солидные куски мяса и рыбы. А потом она снова продырявила кул хот. Теперь уже в другом углу. Хозяйка сказала об этом мужу. Тот помолчал в раздумье, словно разгадывая какую-то тайну, затем ответил:

— Одна собака нас не объест!

«Оставь ее в покое!» — поняла жена и уже не жаловалась на Кутюви — в покое так в покое. А Кутюви по-прежнему исчезала, появлялась, куда-то прятала все съедобное, что ей попадалось. Хозяева, занятые своими делами, теперь почти не обращали на нее внимания. Пришла весна, у нее всегда много забот.

На весновку решили переехать поближе к поселку на приток реки Аган. Встали рано утром и начали готовиться к касланию: выносили и укладывали вещи. Кутюви озабоченно подходила то к одной, то к другой нарте. Обычно она всегда радовалась перекочевке, а сегодня будто опечалилась. А перед самым отъездом Кутюви исчезла. Никто не заметил, куда она убежала. Кричали, звали ее — не пришла.

— Ладно, если захочет — догонит! Места ей знакомые! — сказал хозяин и тронул упряжку.

Неспешно проехали сосновый бор, миновали неширокое болото и спустились на озеро. Нарты были тяжелые, поэтому часто останавлива-

лись, чтобы олени могли отдышаться. После очередной остановки хозяин услышал крик жены:

— Стой, остановись!..

Он нехотя остановил упряжку — что там опять случилось.

— Смотри, Кутюви идет! — кричала жена.— И кого-то ведет.

Хозяин повернулся назад и прищурил зоркие глаза. Вслед за ними с берега на озеро спускалась Кутюви с тремя уже подросшими щенками. А за ними... Нет, не собака, сразу понял хозяин. По поджатому хвосту и ушам определил — светлый полярный волк. Ступал волк мягко и осторожно, словно шел по топкому болоту. Выйдя на открытое место, он остановился — настороженный и недоверчивый. Казалось, в любой миг он готов ринуться обратно. Кутюви оглянулась на него и тоже остановилась в нерешительности, затем присела на задние лапы. Только щенята беззаботно завозились возле матери — играли.

Все молча рассматривали друг друга — люди, Кутюви и волк. Было тихо. Было солнечно. Было тепло. Подтаивал снег.

До зверя было далеко, и хозяйка не сразу поняла, что это волк. Наконец она удивленно прошептала:

— Смотри, Микуль, это Кутюви и... Высоконогий[1]!.. Я уж думала, Кутюви совсем из ума выжила!..

Когда упряжки тронулись, муж оглянулся и увидел, как Кутюви встала и пошла с щенятами за нартами. А за ними, все еще недоверчиво, тронулся полярный волк. «Ему, наверное, в тундре тяжело без людей,— подумал хозяин о волке.— Одному тоскливо стало, не выдержал — вот и пришел к человеку».

Волк мелкой рысцой трусил вслед за караваном.

— А он оленей не напугает?! — встревожилась жена.

— Оленей? — наконец переспросил муж.— Не должен напугать. Это теперь домашний волк.

В долгие зимние вечера, вернувшись с охоты и поужинав, отец иногда вспоминал эту историю. Микуль слушал, смотрел на веселые языки пламени в чувале. И ему уже казалось, что не пурга завывает за стенами старого зимовья, а одинокий полярный волк, которому нелегко в тундре без людей.

И, должно быть, всему живому нелегко в снегах без теплого человеческого дыхания, без человеческих троп и дорог.

[1] *Высоконогий* — так в разговоре обычно называют волка.

Глава четвертая

НА ЯГЕЛЬНИКАХ ВОТЬЁГАНА

— Медведь всегда охотника предупреждает,— говорил отец Микулю.— Если вздумает напасть. Охотник однажды возле реки заночевал. От комаров полог натянул и тут же заснул. А разбудила его вода — сверху капает. Удивился — откуда вода?! Видно через полог — раннее утро, солнце взошло. Ни облаков, ни дождя. Тут слышит — шаги, кто-то идет. Сразу спящим притворился, похрапывает себе. А вполглаза видит: медведь подошел — и полную пасть воды на полог. И снова к реке.

— Додумался — водой будить! — удивился Микуль.— Мог ведь и прихлопнуть сонного человека!

— Однако такой грех не взял на свою душу,— вставил отец.— Разбудил охотника. Бывает, раненый или в злобе бросается к человеку. На испуг хочет взять. Вот тут на уши надо смотреть. Если они прижаты к голове, не видно их — значит, наложит лапу на человека, надейся только на свою силу и умение. Если уши видны, торчат в стороны — не тронет человека, уйдет по-доброму. Стреляющий Глухарей, бывало, так говаривал: посмотри внимательно на медведя — сразу поймешь, что у него на уме: хорошее ли, плохое ли. Он ничего от человека не скрывает. Доверять надо ему.

НА ПАСТБИЩЕ

Прошлым летом Демьян крепко обругал медведя. Уж очень разозлился. Ведь надо же придумать такое — целый мешок муки пустил по ветру. Ладно бы, если слопал. Можно понять — голод что угодно заставит сделать. А то ведь явно из озорства напакостил. Кочевали со стадом по болоту. На старой стоянке Демьян оставил нарту-ларь для продуктов и мешок муки. Через день поехал за ними и вскоре вернулся угрюмый и злой. Подошли пастухи узнать, что случилось. Оказалось, на становье набрел медведь и вспорол уголок мешка с мукой. Видно, понадеялся найти лакомство, но мука явно пришлась ему не по вкусу. И разочарованный зверь рассыпал всю муку по становью — то тут, то там. Носился с мешком до тех пор, пока сыпалась мука. Затем выкинул пустой мешок в лужу и поплелся по своим делам.

Подивились пастухи его озорству.

— Мых пыкем, такой-сякой! Там бы сидел — так я бы его проучил! — ругался Демьян.— Запомнил бы навеки, так бы его проучил!

— Наверно, лепешки собирался испечь! — сказал кто-то из пастухов.— Печку ему надо было еще оставить.

— Я бы ему такую лепешку испек — навсегда отбил бы охоту к хлебному! — не мог успокоиться Демьян.— Я бы ему!..

— Не голодный был, однако,— сказал отец Микуля.— Это он озорство свое показал.

— Когда-нибудь он попадется мне на глаза! Попадется — тогда сочтемся за муку! — не унимался пастух.— Слышишь, косолапый вор! Слышишь, косолапый пакостник! Попадись мне на глаза! Я косые твои лапы поправлю мигом — чтобы знал, что ими можно трогать, а что нельзя.

— Зачем его так. Поругал и хватит,— испугалась жена Демьяна.— Услышит — добра тебе не видать.

Микуль впервые слышал, как ругают хозяина тайги, самого сильного и умного зверя. Все грехи посыпались на него. И Микуль спросил у отца, разве можно так о медведе. Отец немного помолчал и ответил, что Демьян — взрослый человек: говорит — значит понимает тяжесть своих слов. Каждый берет на себя то, что ему под силу. Но Демьян, кажется, немного перебрал. Ведь медведь-то взял у него не последний кусок хлеба. Не последний...

А Демьян все не мог остановиться, разошелся вовсю:

— Где ты, пакостник такой-сякой?! Слышишь меня?! Черта ты услышишь!

Медведь и вправду не услышал Демьяна и на глаза ему не попадался. Не попадался в июле, когда пасли стадо на болотах. Не попадался в августе, когда перекаслали в сосновый бор и пустили оленей на жировку. Не попадался и в сентябре, когда Демьян с карабином за плечом обходил пастбища. Не попадался, как в воду канул. А затем Демьян и вовсе забыл о медведе. Не думал о нем и сейчас, возвращаясь с объезда пастбища на четырех быках. Голова была занята другим. Низенький и плотный, он крепко сидел на нарте, чуть наклонившись вперед. И, сощурившись от скромного осеннего солнца, укладывал в цепкой памяти все, что видел: где и сколько приблизительно оленей пасется, куда ведут следы, сколько оленей болеет, где их следует искать по первому снегу. Его черные быстрые глаза схватывали все сразу: и болото слева, и желто-светлую полоску яра справа, под которым течет река Ампута, и песчаную нитку дороги, что убегает вдаль по узкому сосновому бору, и темные спины четырех быков, что легко тянули нарту по опавшей хвое и шишкам.

И тут — Демьян вздрогнул от неожиданности — медведь из-под яра.

Бурый медведь семенил вперевалку, не спеша. Демьян понял, что тот еще не увидел человека и упряжку оленей. И он рванул вожжу на себя —

четыре быка подошли к нему вплотную. Теперь он не видел медведя — его закрыли собой олени. Но Демьян почувствовал, что зверь увидел оленей и сейчас мчится прямо на них. Времени оставалось совсем немного. И Демьян яростно стал наматывать на правую руку вожжу, чтобы удержать быков, когда они рванутся.

Раз мотнул. Другой мотнул.

И мысль его понеслась в глубь прожитого им времени, обгоняя движения мечущихся рук.

Удержать оленей. Девять лет пасет колхозное стадо. Всяко приходилось, но черной осенью ни разу не упускал упряжку. Ни разу. Олень зацепится ремнем за дерево и, если не найдешь его, погибнет. По черной земле где его искать? Нет следа. Выпадет первый снег — тогда другое дело. Но до снега еще недели две, если не больше. Четыре здоровых ездовых быка — это слишком много. Рыбакам-охотникам и так не хватает оленей. А через полмесяца они приедут... Снег бы побыстрей! Но и по снегу всяко бывает. Повезет — отыщешь! Не повезет — и следов не увидишь. Но лучше удержать! Удержать, удержать!..

Трижды мотнул. Медведь набирает скорость.

Вспомнил, как в детстве впервые увидел медведя. С отцом плыли по таежной реке. Медведь собирал черемуху. Запомнился почему-то ярко-желто-бурым. Такого ярко-желтого медведя больше никогда не видел. Он стоял на задних лапах и показался очень высоким и большим. Но мальчик не испугался — отец был спокоен. А медведь оглянулся на обласок и, будто нехотя, недовольный тем, что прервали ужин, скрылся в кустах. После, уже став охотником, Демьян не однажды встречался с медведем. Сам низводил четырех зверей. Робости в себе не чувствовал. Но, увидев медведя, всегда вздрагивал. Вздрагивал в первое мгновение. Потом начинал делать то, что нужно было. Он уважал медведя и ладил с ним. Все говорили, что характеры у них одинаково вспыльчивые. Медведь быстро выходил из себя. И он — тоже. А в гневе самыми последними словами крыл медведя, если тот шкодил ему или оленям. Аж бывалым охотникам становилось не по себе.

Четвертый виток. Медведь разогнался вовсю.

Пятый виток. Шестой. Медведь мчался в мшистом вихре.

Утром Демьян спешил — надо за день объехать несколько боров и болот. Запряг оленей и сразу тронулся в путь. Уже отъехав, обнаружил, что нет ни ружья, ни карабина. Но возвращаться не стал: авось не пригодится. Теперь уже нечего жалеть об этом. Если бы даже было ружье, все равно оно сейчас ни к чему — то ли за ружье хвататься, то ли за вожжу. Возьмешь ружье — оленей надо бросить, не удержать их. Может быть, и хорошо, что ружья нет. Иногда без ружья лучше.

Седьмой виток. Медведь пылит во всю мочь.

Конец вожжи попал под левый полоз нарты. Демьян яростно дернул раз, другой. Наконец выдернул вожжу. Руки заметались еще быстрее.

Восьмой виток. Медведь все ближе, ближе.

Неужели не удержать?! Нет, намотал крепко — разве что с рукой оторвут?! А силы много в четырех быках, что запрягают в черную осень, когда нарта ходит по песку и хвое. Быки приучены к тяжелой нарте. Если рванутся — только чудом можно удержать. Но, может, медведь свернет в сторону и не напугает оленей?! Кто знает, что у него в голове. То ли свернет, то ли не свернет. Трудно удержать таких быков! Один вожак Высокий Рог чего стоит?! Рослый и плотный, силы у него — что у лошади. Это главный вожак Демьяна. У каждого пастуха по одному главному вожаку. Особой резвостью не отличается, но у него сила и хороший ход по глубокому снегу. В бездорожье он никогда не останавливается и не ложится. Демьян обучил его нарте пять лет назад, а в позапрошлом году сделал его главным вожаком и очень ценил и уважал за спокойный характер. И, кажется, впервые сила вожака обойдется ему боком!..

Девятый виток. Медведь все ближе и ближе.

Забеспокоились олени — переступают с ноги на ногу, подняли уши, оглядываются. Только второй в упряжке, рядом с вожаком, бык Ворон еще ничего, кажется, не подозревал. Он наклонил голову и хватал кусочки ягеля. Видно, проголодался и поэтому решил, что остановили для кормежки.

Десятый виток. Медведь где-то совсем рядом.

Демьян оглянулся в ту сторону — ничего не увидел. Олени полукругом закрыли его от зверя. Они тоже не видели еще медведя, тот был позади них. Но они почувствовали приближение опасности. Третий бык, Вондыр, и крайний справа, Торых[1], рванулись вверх — встали на дыбы. И гулко ударили копытами по остывающей земле.

Еще виток. Медведь где-то тут.

Демьяну показалось, что он уже слышит тяжелое дыхание зверя. Не видит его, но дыхание слышит. Вожак расширил лиловый глаз. И в этом огромном глазу, видел Демьян, мелькнул маленький человек с откинутым капюшоном малицы. Мелькнули черные усы, копна черных волос и бледное тонкое лицо. Все мелькнуло и пропало. И в то же мгновенье бешено рванулись вверх правые Вондыр и Торых. Затем рванулись Высокий Рог и Ворон. Они рванулись вразнобой. Сначала правые, потом левые. Поэтому Демьян удержал их.

[1] *Вондыр и Торых* — Выдра и Журавль. Всем оленям обычно дают имена.

Еще виток.

Олени опять рванулись. И опять вразнобой. Сдавленная вожжой, рука тупо заныла, затем онемела и будто омертвела вдруг.

Не успел сделать виток. Упряжка метнулась влево — обошла Демьяна. За оленями нарта крутанулась вокруг пня. И Демьян столкнулся с медведем. Рост в рост. Лицо в лицо [1]. Медведь стоял на задних лапах. Их разделяла только нарта.

Тут олени рванулись враз. Вожжа лопнула, и быки с нартой полетели прочь.

Человек и медведь. Теперь ничто их не разделяло.

Рост в рост. Лицо в лицо. Глаза в глаза...

Медведь смрадно выдохнул — выдох пронзил Демьяна с волос до пяток... Медведь упал на передние лапы и рванулся прочь. Упряжка в одну сторону, медведь — в другую.

Наконец Демьян вдохнул воздух. Медленно оживали глаза. Медленно оживало сердце. И разум возвращался не сразу.

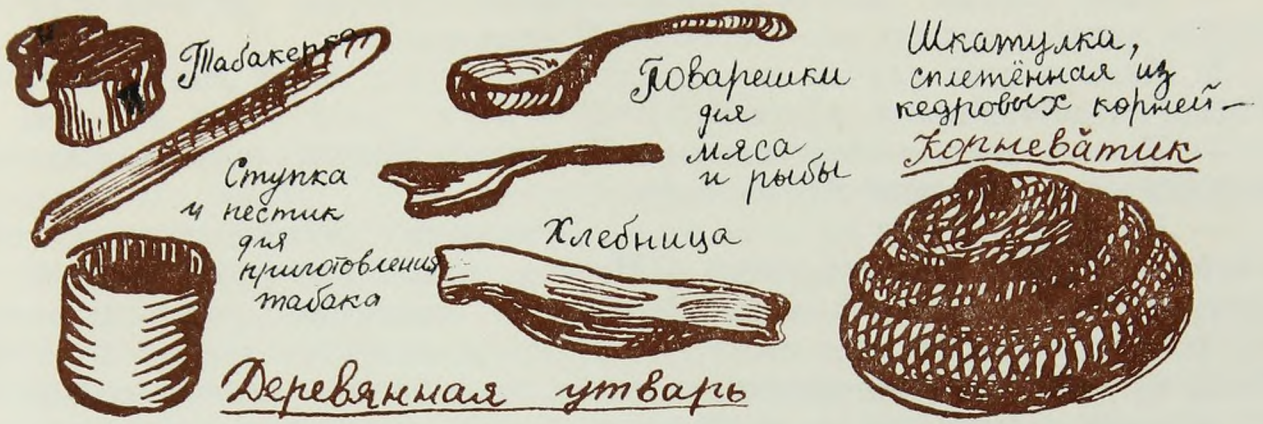
Глаза видели: невдалеке нарта наскочила на сосну — лопнул упряжный тяж, и нарта осталась. Быки четвериком летели прочь. Затем они обошли дерево с разных сторон, порвался еще один ремень, и теперь неслись они парами — левые вместе и правые вместе.

Умчались олени.

Умчался медведь.

Демьян медленно и бездумно переступал с ноги на ногу. Затем ноги повели его к нарте. Покачивалась земля. Покачивались сосны. В голове не было ни одной мысли. Глаза бездумно натыкались на плавающие в

[1] Охотники-ханты считают, что у медведя не морда, а лицо, как у человека.



тумане деревья и кусты. Левая рука нашла омертвевшую правую и машинально стала разматывать вожжу.

Один виток. Второй.

Вот идут куда-то сосны. Плывет пень. Ползет валежина.

Третий виток.

Куст багульника бежит от болота к реке.

Четвертый виток.

Нарта обходит сосну, катится куда-то без оленей, сама собой.

Пятый виток.

Все качается. Все куда-то плывет.

Рука размотала вожжу и бросила. Глаза наткнулись на аркан, что лежал на нарте. В голове, видно, родилась первая слабая мысль: «Аркан нужен». Рука взяла аркан, а ноги понесли его в сторону дома.

По-прежнему покачивалась земля. Покачивались боровые сосны.

На другой день пастухи приехали на яр, где Демьян оставил нарту. На подмерзшем ягеле все хорошо было видно: и следы полозьев, и следы четырех оленей, и следы человека.

Только возле пня, вокруг которого проехала нарта, не нашли медвежьих следов. В стороне есть следы, а возле пня нет.

— Наверно, на полозе нарты стоял,— предположил отец Микуля.— Видно, прокатиться решил. Не в воздухе же висел?!

— Точно, на одной нарте вы проехали, Демьян! — заулыбались пастухи.— На одной нарте с медведем!

В тот же день разыскали и поймали трех быков с лямками. Четвертого, Торыха, заарканили по первому снегу. Все выжили. Только аркан нигде не мог найти Демьян: и домой не принес, и на нарте его нет.

— Одно хорошо помню: взял аркан! — говорил Демьян.— Точно помню: взял! А вот где он — не знаю! И куда дел?!

У Микуля этот случай не выходил из головы. И он как-то спросил у отца, когда тот приехал домой:

— Почему медведь так напугал Демьяна? Может, потому, что тот поругал медведя летом? Крепко ведь поругал.

— Не думаю. Вряд ли из-за этого. Демьян сам виноват: ввел медведя в заблуждение! — объяснил отец.— Медведь вышел из-под яра, смотрит — олени стоят. Помчался к ним. А Демьян-то маленького роста, не видно его из-за оленей. Он там стоит, знай себе наматывает вожжу на руку. Лишь когда олени отскочили и рванулась вокруг пня — медведь столкнулся лицом к лицу с человеком. Медведь, видно, тоже крепко напугался — не ожидал увидеть человека. А потом опомнился первый и кинулся прочь... Не было у него в голове плохой мысли. Это человек ввел его в заблуждение. Ему надо было покричать медведю, показать надо было, что эти олени — с человеком. Медведь сразу бы ушел своей дорогой. Не надо вводить зверей в заблуждение.

Глава пятая
В ПЕРВЫЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ СЕЗОН

— Наш род издалека идет,— ответил на вопрос Микуля отец.— Родоначальник нашего рода водяной зверь — махи [1]. Мы из рода махи — твои родственники, братья и сестры, дядья и тети. Вот у Лейковых другая фамилия, а все равно наши родственники. Потому что они тоже из рода махи.

— А я думал, мы из рода какого-нибудь большого зверя,— разочарованно признался Микуль.— А что махи?! В школе на картинке видел — совсем маленький зверь. И в наших краях его совсем нет. Одно только имя сохранилось — махи.

— Верно, зверь не крупный и в наших краях его давно нет. Но он был когда-то здесь самым сильным зверем, самым ценным зверем. Их тут много водилось. Об этом говорил и мой отец Стреляющий Глухарей. Но потом, еще во времена белого царя, люди побили всех махов. Побили, потому что у них были самые дорогие шубки. Вот и не стало маха. Стреляющий Глухарей говорил, что, когда люди станут добрее, махи понемногу начнут возвращаться на свои старые места на таежных реках. Ты еще увидишь их.

[1] *Махи* — бобр.

У ОСЕННЕЙ ВОДЫ

Вода на озере была тихой и печальной. По ней проносились лучи солнца и плыли осенние облака. Они набегали на медведя — и тот становился еще темнее. Голова его у самой воды. Но озеро было спокойным, и вода не тревожила сон зверя.

Микуль подгреб поближе — медведь даже не шелохнулся. Что же с ним случилось, соображал Микуль. Может быть, кто упустил раненого зверя. Но в окрестностях, он знал это, никто не стрелял в медведя. Может, стреляли из вертолета? Но в последние дни в этой стороне не слышно было вертолетов. Что же случилось с медведем?! Он еще ни разу не слышал, чтобы медведь просто так умер от старости или болезни и кто-то находил его мертвого, погибшего своей смертью. Не рассказывал об этом и отец. И дед, Стреляющий Глухарей, по слухам, никогда не видел такого. В тайге так просто ничего не случается.

Микуль причалил обласок и вышел на берег. Он постоял в раздумье над зверем и двинулся по медвежьему следу, что привел его в приречный осинник. Сначала примятый багульник, расцарапанные кочки, вывернутый болотный мох. Затем поляна в осиннике, поломанные кусты и ветви. След лосихи. Копыта ее глубоко вонзались в плотную урманную глину — значит, неслась галопом, во весь дух. Вот тут и побывал медведь.

Микуль шел по следу и увидел все, что случилось здесь...

...Лосиха паслась в осиннике. Она лакомилась корой молодых осинок. И тут на нее наткнулся медведь-охотник. Он бесшумно подкрался и рванулся к ней. И уже встал на задние лапы, и уже сверху падал на свою жертву — но тут лосиха метнулась в сторону. И он, падая, лишь одной лапой задел лосиху. В когтях остались клок шерсти и капли теплой крови. Передние лапы больно шмякнулись о глину. Медведь быстро повернулся и помчался за лосихой. Но тут на поляну выскочил навстречу ему тяжелорогий самец и протрубил свой боевой клич.

Медведь резко остановился: мчался за безрогой лосихой, а вместо нее — свирепый самец-рогач. Он сразу понял, что с рогачом ему в эту пору не совладать. Особенно спереди. Но отступать было поздно. Медведь слишком сильно разогнался и упустил мгновение, когда перед самыми рогами можно было сделать скачок вправо и напасть сбоку. Понял это, когда из-под лап ушла земля. Не было земли. Не было неба. Не было солнца. Ничего не было, словно на мгновение ослеп. И когда обрел землю — напружинил задние лапы и резко оттолкнулся. Оторвался от рогов, перекувыркнулся через спину и помчался. Поединок окончен — теперь можно мчаться прочь... Но обмякли лапы, и его стало покачи-

вать из стороны в сторону. Пробежал еще немного и перешел на шаг. Потом остановился и припал к дереву. Дерево это почему-то не стояло на месте, а ходило влево-вправо, вперед-назад. И его водило за деревом влево-вправо, вперед-назад. И кусты перед глазами тоже качались и ходили. Он закрыл глаза и опустил отяжелевшую голову. В ушах глухо шумело.

Постояв немного, он открыл глаза и, когда деревья и кусты обрели ясные очертания, на слабеющих лапах побрел в чащу. Тепло его тонкой струйкой уходило в таежную землю. Сначала струйкой, а затем каплями уходило оттуда, где побывали рога сохатого. И, пошатываясь, он оставлял на холодных листьях красные капли своего тепла.

В зарослях он остановился между двумя кочками, медленно и тяжело сел, вытянув задние лапы, и стал зализывать раны. Делал он это старательно и долго и наконец остановил уходящее тепло. Чуть полегчало. Тогда он положил голову на кочку и впал в забытье. Но вскоре очнулся — теперь жгло ниже груди. Он отполз на ровное место и лег животом вниз на остывающую землю тайги. И земля приятным холодком остудила раны, и будто опять стало немного легче.

Не впервые он получил раны. И боль ему знакома. Но случись это еще зим пять-шесть назад, он нашел бы целебные коренья и травы, которых в тайге множество, и отлежался бы в сумрачной чащобе. В молодости его тело быстро залечивало все раны. Но сейчас он старик, и осень слишком близка. И забот немало — отыскать место для берлоги, выкопать берлогу, застелить ее полы сухими мхами-травами. И нужно успеть залечить все раны. С болью в теле ни он, ни другой из его рода никогда не ложился в берлогу на долгую зимовку. Успеет ли старик?! Если не успеет — его ждет бездомное шатание по заснеженной тайге. Обледенение и злоба. К чему все это старику?! Он никогда не держал злобу на людей и тайгу, на землю и небо. К чему все это старику?!

Он лежал и чувствовал, как жизнь из него уходила в остывающую землю, в остывающую тайгу, в остывающие деревья и кусты. Он лежал неподвижно, и было ему покойно и хорошо оттого, что жизнь его возвращалась в ту землю, что родила и вскормила его. Он как бы уходил — и снова возвращался обратно. В одно и то же время и уходил, и возвращался. Поэтому лежал он покойно и неподвижно. Он лежал и ждал, когда жизнь его до последней капли уйдет в землю тайги и снова вернется в тайгу. Сколько лежал зверь — Микуль не знал.

Очнулся медведь от жгучей жажды. Приподнял голову — где напиться? Слева была река, справа озеро. Река ближе, но там берег крутой и вода мутная, илистая. А в озере осенняя вода — прозрачно-чистая и холодная. Озеро-друг не однажды дарило ему осеннюю свежесть и доброту.

Он встал и, пошатываясь, не разбирая дороги, напролом двинулся к озеру. Он слабел и падал. Но вновь поднимался и шел. Он знал, что не отдаст свое последнее тепло, пока не доберется до осенней воды озера. Он цеплялся за кусты, прислонялся к стволам деревьев, рвал когтями болотные мхи — но шел вперед.

Осенняя вода встретила его тихой и светлой печалью.

Он долго лежал и смотрел на задумчивое и доброе лицо друга-озера. Затем попытался отползти немного назад — и подвернул под себя правую переднюю лапу. Он не стал ее освобождать — осенняя вода принесла ему покой, и уже ничего не хотелось тревожить в этом мире. Он лежал неподвижно и чувствовал, как замедляется дыхание и уходит жизнь из него. Он теперь уже не противился этому — пришло время.

Микуль медленно шел по следу. И в уши все еще врывались отзвучавшие звуки. И в нос били улетучившиеся запахи. А ниже груди нарождалась боль, словно там побывали рога сохатого. И пришла жажда, и потянуло к озеру — к осенней воде.

Он вернулся к медведю и остановился над ним. Ни один зверь с такими ранами не ушел бы так далеко от места поединка, подумал он. Только медведь способен на это.

Потом Микуль поправил неловко подвернутую лапу, чтобы удобнее было медведю-старику у осенней воды.

Глава шестая
НА ОХОТЕ В УРМАНЕ

— Вот тут, по преданию, святое место раньше было,— отец повернул голову к высокому, крутому берегу реки.— На вершине этой горы когда-то боги жили. Дома у них тут стояли в незапамятные времена. А после, старые люди говорят, на небо ушли, к Нум Торыму, а землю людям оставили, чтобы они места заповедные тут охраняли, деревья и травы без нужды не трогали. Без нужды дерево не рубили.

— А зверя и рыбу брать можно?

— Когда нужда заставит — можно. И в старину брали, когда совсем туго приходилось охотникам. Такие места на помощь человеку приходили: здесь зверь-птица потомство выводили, никто их не тревожил, отсюда они по всей тайге расходились. В тихих лесных озерах рыба икру метала, тоже свой род продолжала. Святые, заповедные места были. Люди их берегли.

НА СВЯТОМ БОРУ

Человек остановился у древней сосны.

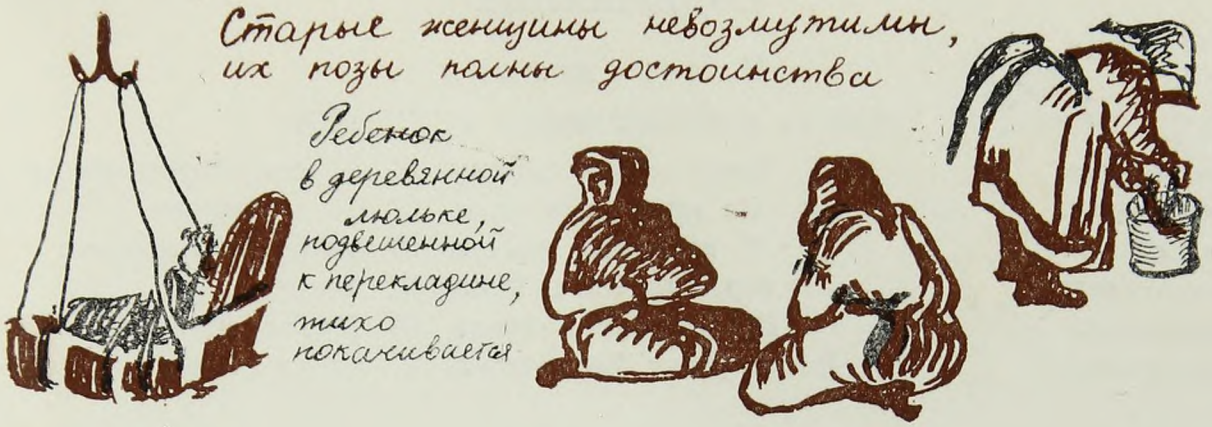
Кора сосны выцвела и стала такой же светлой и чуть голубоватой, как ягель. На ее вершину и ветви-руки опирается огромное небо вселенной. А ночью там отдыхают усталые звезды и усталая Луна.

Более трех веков в жаркие летние дни солнце грело спину старой сосны. Грело и тянуло туда все соки и смолы, и кора стала красноватой, а древесина стала кремневой. Стала твердой как сталь. И если бы сосна стояла на другом бору и ее грели другие лучи солнца и омывали другие дожди, тогда, может быть, ее давно срубили бы на полоз нарты, куда идет только кремневая древесина. Может быть, срубил бы ее удачливый рыбак и выстругал надежное кремневое весло.

А возможно, охотник бы ее срубил на матицу зимовья или лабаза. Это могло бы случиться, если бы она выросла не на этом светлом бору, а где-то далеко отсюда. На этом же бору никто ее не тронет. На этом бору она неприкосновенна. Она будет возвышаться здесь много-много лет. А потом, когда не станет мочи стоять, она осторожно уляжется на мягком ягеле светлого бора. Затем на нее вскарабкаются маленькие гибкие сосенки. И она медленно уйдет в землю живительным соком, чтобы потом родиться на свет новым бором.

Человек на шаг отступил от сосны.

Старшее поколение сосен еще не одряхлело и держалось потому, что среднее еще не набрало силу. Темнокудрые сосны только выпрямились, только раскинули ветви-руки в стороны, но еще не дотянулись до старших. Солнце не так щедро к ним, оно отдало мало тепла, и спины их еще не закремневели, и не выстоять им в сильный ураган без старших.



Еще нужно расти, чтобы возмужать и набрать полную силу. Ведь после ухода старших им быть в ответе за эти земли и за эти воды...

Человека позвал рыже-зеленый молодой сосняк. И нашептывал ему сосняк, что уйдет все живое и... вернется все живое. Но уйти — легче! Вернуться — труднее! Вернется ли?!

Сосняк захватил ровную чистую поляну пять-шесть лет назад. Солнце щедро отдает ему свое тепло и заботливо тянет деревья ввысь. Дожди ласково омывают теплыми струями. Земля поит своими соками. А светлый бор неумолчно напевает свою дивную мелодию. Ведь без подрастающего сосняка немыслимо будущее светло-звонкого бора.

Бор все зовет человека. И сказали ему сосны: уйдет поколение, но останется земля. Уйдет человек, но родится человек. И всегда будет человек. И у человека всегда будет земля и небо. И щемящая боль в груди стала медленно уходить...

В этом заповедном бору ничто не тревожит и не беспокоит крылатых птиц и некрылатых зверей. Они спокойно выводят свое потомство и затем разлетаются, и разбегаются по всей таежной и нетаежной земле. В приборовых реках-заливах и в озерах-ручьях непуганая рыба живет и нерестится, играет и кормится.

Стоит бор испокон века. И кажется, что все начиналось отсюда: и звери-птицы, и деревья-травы, и реки-заливы, и озера-ручьи. Но сначала был только этот светлый изумительный бор. Живой вздыхающий бор...

Светлый бор ведет человека, что-то ему нашептывает.

Сосны бора то ли сказку сказывают, то ли песню напевают.

Ягель бора то ли песню напевает, то ли сказку сказывает...

Ведь бор-то вздыхает, бор-то живой.

Послушайте...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ТРОПОЮ СТРЕЛЯЮЩЕГО ГЛУХАРЕЙ

Глава первая.	**Вверх по Вонтъёгану**	54	В тени старого кедра
Глава вторая.	**На привале в пути**	57	На переправе
Глава третья.	**У вечернего костра**	59	Нечестный охотник
Глава четвертая.	**В верховье Вонтъёгана**	62	Рогатина
Глава пятая.	**На медвежьей тропе**	64	Луканище
Глава шестая.	**Возле устья Вонтъёгана**	67	Сон в осеннюю ночь

Часть вторая

ТРОПОЮ МИКУЛЯ

Глава первая.	**Перед отправкой в школу**	72	По насту
Глава вторая.	**Дома на каникулах**	76	Журавли
Глава третья.	**У озера холодной воды**	78	Кутюви
Глава четвертая.	**На ягельниках Вонтъёгана**	84	На пастбище
Глава пятая.	**В первый промысловый сезон**	90	У осенней воды
Глава шестая.	**На охоте в урмане**	93	На святом бору

ИБ № 807

Еремей Данилович Айпин
В ТЕНИ СТАРОГО КЕДРА

Редактор Н. И. Трубникова.
Редактор хантыйского текста А. М. Сенгепов. Художник О. А. Сечко. Художественный радактор О. И. Журавлева. Технический редактор Л. М. Голобокова. Корректоры А. Г. Богородская и М. А. Казанцева.

Сдано в набор 29.10.80. Подписано в печать 29.04.81. НС 12105. Формат бумаги 70×84¹/₁₆. Иллюстрационная. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 5000. Заказ 572. Цена 30 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351. Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

78022004
Окружная библиотека

30 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1981

РНФ
Государственная библиотека Югры